Б53 7/37
1.5.
5.ф
1

553 7/37 dcp

ПАМЯТНИКИ
РУССКОЙ СТАРИНЫ

ВЪ ЗАПАДНЫХЪ ГУБЕРНІЯХЪ ИМПЕРІИ

ИЗДАВАЕМЫЕ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

П. Н. Батюшковымъ

Г 24/01 22

ВЫПУСКЪ ПЯТЫЙ

ВИЛЬНА

ТЕКСТЪ КЪ 18 РИСУНКАМЪ

190/6

ПЕТЕРБУРГЪ — 1872

Б 53 7/37

ПАМЯТНИКИ

РУССКОЙ СТАРИНЫ

ВЪ ЗАПАДНЫХЪ ГУБЕРНІЯХЪ ИМПЕРІИ

ИЗДАВАЕМЫЕ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

П. Н. Батюшковымъ

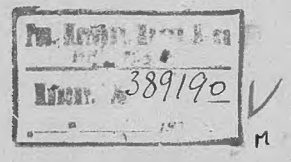
ВЫПУСКЪ ПЯТЫЙ

Библіотека
Ивана Егоровича
Забѣлина.

7379

ПЕТЕРБУРГЪ — 1872

Изданіе Министерства Внутреннихъ дѣлъ.



Типографія и Литографія А. Траншеля, Владимірскій проспектъ, д. № 1.

ВИЛЬНА

ТЕКСТЪ КЪ 18 РИСУНКАМЪ

Издаваемый нынѣ V-ый выпускъ есть продолженіе труда, начатаго въ 1867 году, подъ названіемъ: „Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ Имперіи“.

Согласно съ программою, одобренною министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, это изданіе составляетъ какъ бы восполненіе прежде изданнаго „Вѣроисповѣднаго атласа западныхъ губерній“.

Первые четыре выпуска „Памятниковъ“ были посвящены Волыни.

Начиная съ V-го выпуска, когда завѣдующій изданіемъ тайный совѣтникъ П. Н. Батюшковъ былъ назначенъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа, пришлось перейти отъ Ю. З. Руси къ Литовской и Бѣлой. Находясь, по служебнымъ обязанностямъ, вдали отъ тѣхъ мѣстностей юго-западнаго края, съ которыхъ начато было изысканіе и описаніе остатковъ древняго русскаго зодчества, П. Н. Батюшковъ вынужденъ былъ производить свои собиранія на пространствѣ Виленскаго учебнаго округа, обнимающаго Литовскія и Бѣлорусскія губерніи, которыя представляютъ не менѣе обильный матеріалъ для изслѣдованій по части археологіи, исторіи и этнографіи. Православные храмы Литвы и Бѣлоруссіи, изъ коихъ нѣкоторые относятся къ XII вѣку, когда въ краѣ не было еще ни одного римско-католическаго костела, древніе акты и документы, писанные на русскомъ языкѣ—живомъ словѣ мѣстнаго населенія,—все это говоритъ, что здѣсь нѣкогда широко господствовалъ русскій элементъ. При великокняжескомъ дворѣ, въ законахъ, въ судопроизводствѣ, въ частныхъ сдѣлкахъ и въ общежитіи на всемъ пространствѣ нынѣшняго сѣверо-западнаго края, не исключая и Жмуди, употреблялся русскій языкъ. Литовскій статутъ былъ писанъ на русскомъ языкѣ; первая книга, напечатанная въ Вильнѣ, была славянская; въ краѣ работало нѣсколько славяно-русскихъ типографій; въ самой Вильнѣ насчитывалось болѣе 20 *) православныхъ церквей и существовало сильное, вліятельное православное мѣщанство.

Польское владычество надъ Литвою и Бѣлоруссіею впродолженіи нѣсколькихъ столѣтій было рядомъ насилій и тяжкихъ гоненій, которымъ подверглась русская національность за вѣрность отечественной вѣрѣ и съ нею

*) Митрополитъ Іосифъ считалъ до 36 (см. собраніе его Словъ).

за политическую вѣрность русскому государству. Край вытерпѣлъ много историческихъ превратностей и измѣнилъ наружный видъ. Тамъ, гдѣ нѣкогда были православные храмы, построились римско-католическіе костелы, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ — и еврейскія синагоги; однѣ изъ церквей пришли въ упадокъ и разрушеніе, другія совершенно исчезли, и только память о нихъ сохранилась въ древнихъ актахъ или въ народномъ преданіи, такъ что изъ всѣхъ древнихъ православныхъ церквей города Вильны — только въ трехъ, въ началѣ 1863 года, могло быть совершаемо богослуженіе.

По обилію матеріала, въ настоящемъ выпускѣ помѣщены памятники православной старины только города Вильны. Храмъ Святителя Николая, Пятницкая церковь и Пречистенскій соборъ, послѣ 1863 года возстановленные въ подобающемъ имъ видѣ на щедрыя пожертвованія правительства и всей Россіи, составляютъ нынѣ лучшее украшеніе города. Они были древнѣйшими христіанскими святынями Вильны.

Рисунки съ нихъ и объяснительный къ нимъ текстъ исполнены подъ личнымъ руководствомъ П. Н. Батюшкова. Художественная часть изданія была поручена, по Высочайшему повелѣнію, академику Трутневу. Имъ, въ сотрудничествѣ съ художниками Грязновымъ и Чемодановымъ, сняты съ совершенною точностью на мѣстѣ всѣ рисунки. Печатаніе рисунковъ произведено въ Берлинѣ. Изготовленіемъ текста занимались: протоіерей Пречистенскаго собора Пщолка, гг. Елеонскій, Щербицкій и Демьяновичъ. Очеркъ исторіи Вильны, до начала XVII вѣка, т. е. до того времени, когда Вильна перестаетъ жить русскою жизнью, составленъ отчасти по новымъ источникамъ, которыми доселѣ не пользовались ни русскіе, ни польскіе историки. Онъ принадлежитъ доценту Императорскаго С.-Петербургскаго университета В. Г. Васильевскому. Завѣдываніе общею редакціею текста поручено было П. Н. Батюшковымъ В. П. Кулину.

Издаваемый нынѣ сборникъ православныхъ памятниковъ Вильны заключаетъ въ себѣ 18 рисунковъ. Объяснительный къ нимъ текстъ изданъ, въ видахъ удобства пользованія, отдѣльною книгою, въ форматѣ академической четвертки. Къ нему, въ концѣ, приложено, кромѣ описательнаго указателя, составленнаго П. А. Гильтебрандтомъ, подробное оглавленіе статей и снимковъ.

Рукописный экземпляръ V-го выпуска „Памятниковъ“ въ концѣ 1869 года, г. министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ представленъ на Высочайшее Государя Императора воззрѣніе, и Его Величеству благоугодно было повелѣть изданіе этого выпуска, по примѣру предшествовавшихъ, разрѣшить для продажи.

Во исполненіе сей Высочайшей воли отпечатанъ и выпущенъ въ свѣтъ V-ый выпускъ „Памятниковъ“.

Сіи провинціи надлежитъ привести легчайшими способами къ тому, чтовъ онѣ обрусѣли и перестали бы глядѣть какъ волки въ лѣсу... называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи, есть больше нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностью—глупостью.

Изъ письма Императрицы Екатерины II къ кн. Вяземскому.

Гонимая за вѣру Русь Литовская обратила взоръ и упованіе свое къ Руси Восточной... Обратите нынѣ вниманіе на тѣхъ, кои святотатственными внушеніями и происками сѣютъ вражду между дѣтьми одного и того же семейства, разъединяютъ сердца единокровныя... Будемъ молиться, да Всевышній устранитъ причины разъединенія умовъ и да падетъ средостѣніе вражды.

Слово Митрополита Іосифа, говоренное 8 Сент. 1840 г.

Die Herren (польскіе депутаты) vertreten kein Volk, oder wenn sie behaupten, es zu vertreten, so haben sie dabei gewiss nicht ihre Wähler hinter sich. Die sind nicht dazu gewählt, um die Interessen der polnischen Nationalität zu vertreten, sondern die der katholischen Kirche, und wenn sie das thun, so haben sie ihre Schuldigkeit gegen ihre Wähler gethan, denn dazu sind sie gewählt. Die Bevölkerung des Grossherzogthums Posen theilt nicht die Fiktion, die sie machen, dass die polnische Herrschaft gut gewesen wäre; ich kann mit voller Gewissheit versichern: sie wär ganz herzlich schlecht und darum wird sie nie wieder kommen.

Изъ рѣчи князя Бисмарка къ польскимъ депутатамъ, сказанной въ засѣданіи германскаго рейхстага $\frac{\text{20 марта}}{\text{1 апрѣля}}$ 1871 г.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ГОРОДА ВИЛЬНЫ *).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Древнѣйшій періодъ отъ временъ Гедимина до смерти Витовта (1320 — 1430). Основаніе города и замковъ. Русское населеніе и православные храмы. Католическое посольство въ Вильнѣ при Гедиминѣ. Языческая реакція при началѣ правленія Ольгерда. Виленскіе православные мученики. Великая княгиня Ульяна Александровна и образъ ея жизни въ Вильнѣ. Церковь во имя св. Троицы и Пречистенскій соборъ. Мученическая смерть францисканскихъ монаховъ. Католическая церковь св. Дѣвы Маріи на Пескахъ. Смерть и погребеніе Ольгерда. Ягайло и католическое крещеніе 1387 года. Католическій соборъ св. Станислава. Грамота Ягайлы на Магдебургское право. Осада Вильны крестоносцами въ 1390 году. Возвращеніе Витовта и новое нашествіе Тевтонскаго ордена. Татарскія поселенія въ Вильнѣ. Свидригайло и православные монахи въ Вильнѣ. Пребываніе въ Литвѣ Іеронима Пражскаго. Основаніе отдѣльной митрополіи. Пожаръ. Смерть Григорія Цамвлака; митрополитъ Фотій въ Вильнѣ. Мысль Витовта о самостоятельномъ Русско-Литовскомъ королевствѣ Виленскіе праздники. Смерть Витовта.

Городъ Вильна дѣлается исторически извѣстнымъ около 1323 года, какъ столица великаго князя литовскаго и русскаго, Гедимина. Очень вѣроятно, что еще ранѣе этого времени здѣсь существовали болѣе или менѣе значительныя поселенія, и что Гедимину принадлежитъ постройка только виленскихъ замковъ, верхняго—на теперешней горѣ Замковой и нижняго, занимавшаго уголъ, образуемый впаденіемъ рѣчки Вильны (теперь Вилейки) въ рѣку Вилію или, что̀ тоже, нынѣшнюю каѳедральную площадь (такъ какъ рѣчка Вильна имѣла въ древности другое теченіе и впадала въ Вилію по западную сторону каѳедральнаго католическаго собора).

Преданіе, подтверждаемое позднѣйшими историческими данными, представляетъ нижній замокъ средоточіемъ литовскаго язычества. Здѣсь находилась языческая святыня; здѣсь жили жрецы—служители огня Перкунова; здѣсь съ самаго древняго времени былъ дворецъ великокняжескій, и около него находились дома приближенныхъ бояръ литовскихъ. Это былъ, можно сказать, центръ на-

*) При составленіи этого очерка авторъ пользовался почти исключительно первоначальными источниками. На польскомъ языкѣ существуютъ двѣ исторіи города Вильны; одна изъ нихъ (Historya miasta Wilna) принадлежитъ Балинскому и появилась въ 1836 году, другая (Wilno od początków iego do roku 1750) написана Крашевскимъ и вышла въ началѣ сороковыхъ годо́въ. Не смотря на значительный объемъ обоихъ сочиненій — первое въ двухъ томахъ доводитъ исторію Вильны только до смерти Стефана Баторія (до 1586 года), второе заключается въ четырехъ томахъ—они оказались гораздо менѣе полезными, чѣмъ можно было ожидать. Оба писателя отличаются вольною или невольною, намѣренною или ненамѣренною, но во всякомъ случаѣ крайнею и замѣтною односторонностію. Забывая или заставляя себя и другихъ забывать о русскомъ и православномъ населеніи древней Вильны, оба историка занимаются преимущественно католическою Вильной и слишкомъ рано начинаютъ считать ее польскою. Крашевскій, у котораго замѣтно стремленіе быть правдивымъ и безпристрастнымъ,

ціональной литовской жизни. Но собственно городъ уже во время Гедимина носилъ другой характеръ. Большинство подданныхъ Гедимина состояло изъ русскихъ; уже съ давняго времени утвердилась крѣпкая связь русскаго народа съ литовскимъ; еще ранѣе Гедимина русская образованность, которая, во всякомъ случаѣ, была выше литовской, проникала въ области, населенныя собственно литовскимъ племенемъ; русскіе были учителями литовцевъ въ военномъ искусствѣ; они же строили въ ихъ землѣ города и потомъ ихъ населяли. Что касается собственно Вильны, то она возникла неподалеку отъ той границы, гдѣ литовское племя соприкасалось съ русскимъ со временъ самой глубокой древности. Самое названіе рѣки, отъ которой заимствовано имя города, принадлежитъ повидимому русскому племени. Литовцы называли Вилію—Нерія или Нергисъ; это имя носила Вилія и въ тѣхъ частяхъ своего теченія, на которыхъ явилась столица Гедимина. Село По-Нары, находящееся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города Вильны, указываетъ на это и свидѣтельствуетъ о первоначальной двойственности названія Виліи

можетъ быть отчасти оправданъ тѣмъ, что, не смотря на свое желаніе, онъ не могъ пользоваться многими источниками. Что касается Балинскаго, то и въ своемъ новомъ сочиненіи, впрочемъ прекрасно написанномъ и очень полезномъ для исторіи іезуитскаго ордена въ Вильнѣ (Dawna Akademya Wileńska), онъ остался вѣренъ себѣ и даже ни однимъ словомъ не упомянулъ о русскомъ православномъ населеніи города, которое вело упорную борьбу противъ уніи, покровительствуемой іезуитами, хотя поводовъ къ тому было не мало. Очень естественно, что въ историческомъ очеркѣ, прилагаемомъ къ «Памятникамъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ», мы должны были наибольшее вниманіе посвятить той сторонѣ, которая оставалась въ тѣни у прежнихъ историковъ Вильны. Мы, впрочемъ, не желали впасть въ ту ошибку, въ которой упрекаемъ другихъ, и дали въ своемъ изложеніи такое мѣсто исторіи католицизма и протестантизма въ Вильнѣ, какое считали соотвѣтствующимъ важности этихъ элементовъ и объему сочиненія.

Главный недостатокъ обѣихъ польскихъ исторій города Вильны состоитъ, впрочемъ, въ томъ, что онѣ теперь сильно устарѣли. Новыя изданія источниковъ—русскія и иностранныя—даютъ возможность изложить исторію Вильны не только вѣрнѣе, но и подробнѣе, даже въ тѣхъ отдѣлахъ, которыми Балинскій и Крашевскій занимались съ особою любовію. О полнотѣ въ настоящемъ очеркѣ авторъ, конечно, не могъ думать, но онъ надѣется, что ему удалось, при помощи новыхъ источниковъ, устранить нѣкоторыя погрѣшности, разрѣшить нѣкоторыя недоразумѣнія,—и считаетъ нужнымъ указать на это, чтобы противорѣчія спеціальнымъ сочиненіямъ по исторіи Вильны не считались прямо ошибками. Болѣе подробныя объясненія онъ отлагаетъ до другого случая, а теперь ограничивается указаніемъ на главные источники, которыми не могли пользоваться Балинскій и Крашевскій: 1) Theiner, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae; 2) превосходное изданіе лѣтописей по исторіи Тевтонскаго ордена, среди которыхъ Германъ Вартбергскій является въ первый разъ (Scriptores rerum Prussicarum); 3) графа Дзялынскаго, Lites ac res gestae inter Polonos cruciferosque; 4) Русско-ливонскіе акты; 5) Bunge, Liv-Est-und Kurländiches Urkundenbuch; 6) Codex diplomaticus Lithuaniae; 7) Codex diplomaticus Prussicus и т. д.

Что касается исторіи православія въ Вильнѣ, т. е. того отдѣла, въ которомъ Балинскій и Крашевскій уже ни какъ не могутъ быть руководителями, то здѣсь, кромѣ Актовъ западной Россіи, Актовъ южной и западной Россіи, авторъ очерка всего болѣе воспользовался документами, напечатанными въ Археографическомъ Сборникѣ, издававшемся при Виленскомъ учебномъ округѣ. Считая необходимымъ остановиться съ наибольшею подробностію на самомъ драматическомъ и важномъ эпизодѣ въ исторіи Вильны, именно на ходѣ борьбы православія съ уніей, онъ былъ особенно много обязанъ VI тому этого изданія. Документы, здѣсь напечатанные, служатъ превосходнымъ дополненіемъ къ прежнимъ источникамъ, которыми уже воспользовался проф. Кояловичъ въ своемъ прекрасномъ сочиненіи о литовской уніи. Изъ этихъ старыхъ источниковъ особенно драгоцѣнны нѣкоторыя книги или, лучше сказать, брошюры, современныя уніи, составляющія большую библіографическую рѣдкость и находящіяся въ Императорской публичной библіотекѣ. Изъ нихъ, «Relacya i uważenie postępków niektórych około cerkwi ruskich Wileńskich r. 1608 i 1609» принадлежитъ, какъ оказывается, самому Ипатію Потѣю.

Что касается источниковъ неизданныхъ, то составитель очерка не можетъ похвалиться большимъ знакомствомъ съ ними. Только благодаря обязательности г. Спрогиса, онъ успѣлъ ознакомиться съ содержаніемъ актовъ Виленскаго Гродскаго Суда и заимствовалъ отсюда нѣкоторыя, иногда довольно важныя, дополненія въ исторію уніи (нападеніе студентовъ іезуитской академіи на Свято-Духовскую церковь, преслѣдованіе типографій православнаго братства Сигизмундомъ III, и проч.).

Слѣдуетъ сдѣлать еще одно замѣчаніе. Не считая возможнымъ въ краткомъ историческомъ очеркѣ имѣть въ виду ученыя требованія, авторъ полагалъ первоначально обойтись совсѣмъ безъ цитатъ и ссылокъ на источники и только послѣ окончанія труда пришелъ къ сознанію ихъ необходимости.

въ верхнихъ частяхъ ея теченія, слѣдовательно, о вѣроятной двойственности племенъ, здѣсь жившихъ, объ ихъ столкновеніи въ нынѣшней Виленской губерніи, неподалеку отъ города Вильны.

Слѣды литовскихъ поселеній въ столицѣ Гедимина, конечно, существуютъ; сюда принадлежатъ литовскія названія предмѣстья Антоколя и Бакшты, одной изъ теперешнихъ улицъ.

Но еще многочисленнѣе и яснѣе указанія на исконное существованіе русскаго населенія въ литовской столицѣ. Въ остаткахъ стѣнъ, нѣкогда окружавшихъ нижній Гедиминовъ замокъ и сохранившихся до начала нынѣшняго столѣтія, въ способѣ постройки древнѣйшихъ литовскихъ укрѣпленій—мѣстные изслѣдователи старины находили большое сходство съ постройками древнѣйшихъ городовъ южной Россіи — Кіева и Овруча. Не позже, какъ въ XIV столѣтіи, городъ Вильна называется русскимъ городомъ у одного изъ нѣмецкихъ писателей, годъ за годомъ описывающаго походы нѣмецкихъ рыцарей на Жмудь и Литву [1]). Съ самаго древняго времени русскіе населяли лучшую и бо́льшую часть города, пространство на востокѣ отъ теперешней Большой улицы къ рѣчкѣ Вильнѣ и далѣе за нее, такъ называемое Зарѣчье и Поповщизну. Нѣтъ сомнѣнія, поэтому, что русскіе суть исконные жители города Вильны.

На западной сторонѣ, противъ русской половины, разсѣяны были посады всякаго рода пришельцевъ: тутъ были выходцы изъ Жмуди; тутъ были Пруссы, бѣжавшіе отъ меча крестоносцевъ; очень рано появились здѣсь и нѣмцы. Только русскіе составляли сплошную и однородную массу. Они должны были дать городу его типъ и характеръ. Что это такъ было на самомъ дѣлѣ—свидѣтельствуетъ языкъ, на которомъ говорили въ Вильнѣ уже въ XIV столѣтіи. Языкъ русскій употреблялся не только при дворѣ и не на одной только русской половинѣ; это былъ языкъ всего виленскаго населенія, языкъ общепонятный и общеупотребительный [2]). Сами коренные литовцы очень рано его усвоили, благодаря преобладающему вліянію русской народности.

Нельзя представить себѣ, чтобы тамъ, гдѣ жилъ православный людъ, не было православныхъ храмовъ. Если съ самыхъ временъ Гедимина существовали въ Вильнѣ русскіе люди, то съ того же времени были здѣсь, безъ сомнѣнія, и русскія православныя церкви, тѣмъ болѣе, что со стороны властей не могло быть никакого препятствія къ ихъ построенію. Двѣ супруги Гедимина, который былъ женатъ три раза, были русскія по происхожденію; а между его дѣтьми уже въ 1333 г. были сыновья, крещеные въ православную вѣру; его дочь Анастасія была выдана за сына Ивана Калиты, Московскаго князя; самъ Гедиминъ не только изъ политики, но и по убѣжденію склонялся на сторону христіанства. Вопросъ можетъ быть только о томъ, какіе изъ древнихъ православныхъ храмовъ могутъ быть отнесены ко времени Гедимина. Преданіе указываетъ на двѣ церкви, именуя ихъ самыми древними; это—церковь Св. Николая Чудотворца (перенесенія мощей) и церковь Св. Параскевы или Пятницкая. Первая изъ нихъ несомнѣнно существовала въ 1347 году, какъ это будетъ видно ниже. Именно, эта церковь должна считаться тѣмъ древнѣйшимъ храмомъ, въ которомъ православные жители Вильны молились еще при Гедиминѣ. Св. Николай, со временъ введенія христіанства, пользовался особеннымъ почитаніемъ русскаго народа; очень естественно, что первый храмъ въ русской Вильнѣ долженъ былъ создаться въ честь его имени. Съ другой стороны, Николай Чудотворецъ со временъ глубокой древности признаваемъ былъ покровителемъ и патрономъ города Вильны—можетъ быть именно потому, что первый храмъ созданъ былъ здѣсь въ честь его, св. Николая. Когда въ Вильнѣ появились проповѣдники католичества, то, для привлеченія мѣстныхъ жителей, они также выстроили церковь во имя Николая Чудотворца, которая послѣ того, разумѣется, перестраивалась, но до сихъ поръ у мѣстныхъ католиковъ справедливо считается древнѣйшимъ изъ костеловъ, существующихъ въ Вильнѣ.

---

[1]) У Виганда Марбургскаго. См. Script. rerum Prussicarum t. II p. 623; altera die exercitus festinat prope *Willam* — — — ut civitatem *Rutenicam* incinerarent.

[2]) Русскія слова приводятся въ завѣщаніи перваго католическаго епископа Виленскаго Андрея Василлы, съ указаніемъ, что это—выраженія простонародныя. (Самое завѣщаніе писано по-латыни).

Католическая пропаганда началась въ Литвѣ очень рано и уже при Гедиминѣ коснулась Вильны. Католицизмъ имѣлъ, вопервыхъ, два военныхъ ордена, — Тевтонскій и Ливонскій, соединенные подъ одною властію и учрежденные съ прямою цѣлію обращенія въ христіанство язычниковъ сѣвера. Правда, предлагая христіанскую вѣру на остріѣ меча, обращая въ рабство населенія, нѣмецкій орденъ болѣе отталкивалъ литовцевъ отъ христіанской вѣры, чѣмъ обращалъ въ нее. Но, кромѣ военнаго меча, у римской церкви было и другое могущественное орудіе. Когда уходила крестоносная рать, оставивъ послѣ себя разоренныя села и города, — къ Литовскому князю являлись монахи одного изъ нищенствующихъ орденовъ, доминиканцы или францисканцы; они говорили огорченному князю, что только одинъ человѣкъ можетъ защищать его отъ страшнаго оружія рыцарей, это — глава католической церкви, св. отецъ Папа.

Такія же точно внушенія шли изъ ближайшаго къ Вильнѣ нѣмецкаго города Риги. Городское общество рижское и тамошній архіепископъ находились въ постоянной ссорѣ съ орденомъ и часто призывали литовскихъ язычниковъ противъ своихъ собратій по вѣрѣ. Чтобы снять съ себя упрекъ въ дружбѣ съ язычниками, чтобы подкопать ту нравственную почву, на которой стоялъ орденъ, получившій отъ папы привилегію обращать сѣверныхъ язычниковъ въ христіанство *силою оружія,* Рижскій архіепископъ и его партія желали устроить *добровольное* обращеніе литовцевъ въ католичество. При Гедиминѣ эти старанія, повидимому, готовы были увѣнчаться успѣхомъ. Названный князь внималъ внушеніямъ францисканскихъ монаховъ и совѣтамъ архіепископа тѣмъ охотнѣе, что кровопролитная борьба съ нѣмцами ему наскучила, что у него было стремленіе доставить своему народу спокойствіе, безопасную торговлю и нѣкоторую образованность. Въ 1323 г. изъ Вильны отправлены были великимъ княземъ литовскимъ и русскимъ грамоты къ папѣ, къ городу Ригѣ и къ приморскимъ ганзейскимъ городамъ, а также къ монахамъ орденовъ францисканскаго и доминиканскаго.

Къ папѣ Гедиминъ писалъ, что онъ вовсе не врагъ католической вѣры, какъ представляютъ его рыцари, что онъ самъ готовъ признать отеческую власть папы, что при немъ находятся монахи доминиканскаго и францисканскаго орденовъ, которымъ онъ даетъ полную свободу проповѣдывать христіанское ученіе. Къ начальствующимъ лицамъ духовныхъ орденовъ Гедиминъ обращался съ просьбою прислать къ нему монаховъ, знающихъ литовскій и русскій языки; извѣщалъ миноритовъ (францисканцевъ), что онъ уже построилъ для нихъ церковь въ Вильнѣ. Изъ Риги и другихъ торговыхъ приморскихъ городовъ Гедиминъ приглашалъ въ Вильну купцовъ и ремесленниковъ всякаго рода, обѣщая дать имъ всѣ льготы и самоуправленіе по образцу рижскаго городоваго устройства.

Планы Гедимина, однако, не исполнились. При Авиньонскомъ дворѣ долго медлили отправленіемъ къ нему посольства, которое должно было разсудить русско-литовскаго князя съ тевтонскимъ орденомъ, какъ того хотѣлъ Гедиминъ. Орденъ не прекращалъ своихъ нападеній на земли Литовскаго государя, не смотря на заключенный миръ. Съ другой стороны, собственные подданные Гедимина, услышавъ о намѣреніи своего государя принять католическое крещеніе, единодушно протестовали и грозили возстаніемъ. Православные русскіе и язычники жмудскіе нѣсколько разъ приходили къ своему государю и прямо объявляли, что они не хотятъ и слышать о нѣмецкой вѣрѣ, какъ называли тогда католическое исповѣданіе въ Литвѣ и на Руси; они грозили низверженіемъ съ престола, истребленіемъ всего рода гедиминова, если онъ, Гедиминъ, обратится въ католичество [1]). Въ Жмудинахъ говорила ожесточенная ненависть къ вѣрѣ, во имя которой почти каждый годъ сожигаемы были ихъ домы, подвергались истязаніямъ и истребленію ихъ дѣти и родные. Русскіе съ своей стороны опасались, что если Гедиминъ сдѣлается католикомъ, то они уже не будутъ пользоваться прежнею свободою вѣроисповѣданія, что Гедиминъ перестанетъ оказывать то расположеніе къ православію, которое они доселѣ видѣли.

Между тѣмъ пришло въ литовскую столи-

[1]) См. донесеніе католическихъ пословъ, бывшихъ въ Ригѣ, напечатанное въ Русско-Ливонскихъ актахъ.

цу и католическое посольство отъ папы Іоанна XXII. Ноября 3-го 1324 г. послы прибыли въ Вильну и тотчасъ же представились Гедимину, но тутъ и отъ него самого они узнали, что долгій путь сдѣланъ ими совершенно понапрасну. Гедиминъ объявилъ имъ, что онъ никогда не думалъ креститься, что если о томъ было написано въ его грамотахъ, то это прибавлено тѣми монахами, которые перелагали посланія на латинскій языкъ.

„Я позволяю въ своей землѣ каждому жить по своей вѣрѣ, сказалъ онъ посламъ. Русскіе чествуютъ Бога по своему обряду; поляки почитаютъ Его по своему обычаю; литовцы служатъ Богу опять по своему: но у всѣхъ насъ одинъ Богъ.“ Папу Гедиминъ готовъ былъ признавать отцомъ, но только потому, что тотъ былъ старше его лѣтами.

Чтобы понять поведеніе Гедимина, нужно имѣть въ виду, что положеніе его въ виду трехъ вѣръ, которыя предъявляли предъ нимъ свои требованія, было весьма затруднительно. Возвышаясь умомъ и понятіями надъ своими современниками, онъ не могъ раздѣлять суевѣрій язычества, онъ не могъ чувствовать религіознаго уваженія къ священнымъ гадамъ (ужамъ), предъ которыми благоговѣли жмудскіе язычники, или къ священному огню, который пылалъ вблизи его дворца въ „кривой долинѣ“ (гдѣ теперь колокольня католическаго каѳедральнаго собора). Гедиминъ имѣлъ довольно ясное понятіе о христіанскомъ ученіи и объ его догматахъ; близкія связи съ русскими князьями, дѣти, крещеныя въ православную вѣру,— все склоняло его въ пользу православія. Но православное крещеніе не спасло бы его отъ меча рыцарей, не привязало бы къ нему Жмуди, въ которой язычество было сильно. Съ другой стороны, принявъ католичество и пріобрѣтя чрезъ то нѣкоторую опору въ папѣ, Гедиминъ вооружилъ бы противъ себя почти всѣхъ своихъ подданныхъ, какъ русскихъ такъ и язычниковъ. Вотъ почему Гедиминъ оставался до конца въ религіи своихъ предковъ и кончилъ свою жизнь въ борьбѣ съ тевтонскимъ орденомъ.

При самомъ началѣ правленія Ольгерда, (1345—1377), русское вліяніе, успѣхи православной вѣры обнаружились уже съ такою силою въ Вильнѣ, что грозили погасить священный огонь, горѣвшій въ нижнемъ замкѣ. Ольгердъ, рожденный отъ русской матери, прибылъ въ Вильну изъ Витебска, въ сопровожденіи своей жены Маріи Ярославны, которая, будучи послѣднею отраслію витебскихъ князей изъ потомства св. Владиміра, принесла въ приданое мужу свое наслѣдственное княжество. Преданіе приписываетъ Маріи Ярославнѣ основаніе Пятницкой церкви. Если оно справедливо, то нужно думать, что церковь начала строиться тотчасъ же по прибытіи въ Вильну великой княгини, потому что недолго пришлось здѣсь жить бывшей витебской княжнѣ.

Литовскіе язычники, средоточіемъ которыхъ былъ нижній замокъ, довольно спокойно смотрѣли на появленіе христіанскаго храма на мѣстѣ какого-то стариннаго языческаго капища; ихъ не оскорбляло присутствіе въ нижнемъ замкѣ православнаго духовенства, окружавшаго великую княгиню. Только одни жрецы языческіе, уже начинавшіе опасаться полнаго паденія національнаго культа, были недовольны; тѣмъ болѣе что они замѣчали въ самихъ литовцахъ сильное движеніе въ пользу русской вѣры. Случилось, что духовникъ великой княгини, монахъ, по имени Несторъ, успѣлъ обратить въ православную вѣру двухъ литвиновъ знатнаго рода, приближенныхъ къ великому князю. Это раздражило до послѣдней крайности искреннихъ приверженцевъ язычества, имѣвшихъ пока сильную опору въ Жмудинахъ. Положеніе Ольгерда было въ высшей степени затруднительно. Обязанный великокняжескимъ престоломъ своему брату Кейстуту, ревностному защитнику языческой религіи, любимцу всей Жмуди, еще не крѣпкій на своемъ великокняжескомъ престолѣ, онъ долженъ былъ, подобно своему отцу Гедимину, обращать вниманіе на требованія приверженцевъ народнаго жмудско-литовскаго культа. Уступая ихъ настояніямъ, онъ приказалъ, чтобы обращенные Несторомъ литвины, Кумецъ и Нежило, въ православіи Іоаннъ и Антоній, были заключены въ темницу. Въ продолженіи цѣлаго года оставались они въ заключеніи; ни убѣжденія, ни угрозы не могли побѣдить ихъ твердости. Только на короткое время поколебался одинъ изъ нихъ, Іоаннъ, послѣ годоваго тяжелаго заключенія. Но, пристыженный примѣромъ своего брата, который остался твердымъ и непреклоннымъ, онъ явил-

ся опять къ великому князю и объявилъ, что снова возвращается къ христіанской церкви, готовый претерпѣть всякія мученія. Съ радостію принялъ Антоній своего брата, когда онъ пришелъ къ нему въ тяжелыхъ оковахъ раздѣлить снова темничное заключеніе, а народъ проникся благоговѣніемъ къ такому подвигу. Общая тюрьма двухъ братьевъ превратилась въ мѣсто проповѣди; толпы стали собираться подъ ея окнами, привлекаемыя удивленіемъ и сочувствіемъ къ страдальцамъ, и многіе возвращались въ домы свои съ убѣжденіемъ въ истинѣ и превосходствѣ русской вѣры. Послѣдовали новыя обращенія, запечатлѣнныя крещеніемъ. Испуганные жрецы просили князя, чтобы онъ защитилъ религію своихъ предковъ и показалъ строгій примѣръ противъ ея постоянно умножающихся отступниковъ. Они достигли, наконецъ, того, что князь рѣшился отдать въ ихъ руки своихъ прежнихъ любимцевъ. Новыя усилія жрецовъ возвратить братьевъ къ вѣрѣ предковъ, усилія, сопровождавшіяся страшными истязаніями, остались напрасными; тогда Іоаннъ и Антоній приговорены были—умереть смертію злодѣевъ. На концѣ города, на взгорьѣ, росло дубовое дерево, на которомъ вѣшали преступниковъ; на немъ кончили свою жизнь и виленскіе мученики. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ на томъ же самомъ мѣстѣ пострадалъ ихъ родственникъ, также принявшій христіанство подъ именемъ Евстафія и обвиненный, кромѣ того, въ совращеніи въ „русскую" вѣру другихъ литвиновъ. Новый мученикъ погребенъ былъ христіанами тамъ, гдѣ уже покоились тѣла его родственниковъ „у святаго Николы въ Вильнѣ", какъ сказано въ русскихъ лѣтописяхъ. Тѣла Антонія, Іоанна и Евстафія, признанныхъ святыми, при митрополитѣ кіевскомъ (и всѣхъ русскихъ земель) Алексіѣ, были перенесены въ церковь св. Троицы. Впослѣдствіи церковь эта отдана была уніатамъ вмѣстѣ съ останками святыхъ. Но потомъ, когда, во время войны за Малороссію, Вильна въ продолженіи шести лѣтъ находилась подъ властію русскаго царя Алексѣя Михайловича, — жители Вильны, оставшіеся вѣрными православію, воспользовались благопріятнымъ случаемъ и снова перенесли святыя мощи въ православную Свято-Духовскую церковь, гдѣ они покоятся и до сихъ поръ.

Русскія лѣтописи относятъ страдальческую кончину Евстафія къ 1347 году; къ тому же году должна быть отнесена и смерть его родственниковъ. Еще ранѣе, именно въ предъидущемъ (1346) году умерла первая жена Ольгерда Марія Ярославна, оставивъ послѣ себя пять сыновей, воспитанныхъ въ православіи. Бывшая Витебская княжна погребена была въ построенной ею Пятницкой церкви. Нужно думать, что смерть Маріи много помогла оживленію надеждъ языческой партіи и ея временному торжеству при дворѣ великокняжескомъ. Но этому торжеству суждено было продолжаться не долго. Въ 1349 году Ольгердъ женился на дочери Тверскаго князя Александра Михайловича, Ульянѣ, снова породнившись такимъ образомъ съ Московскимъ великимъ княземъ Семеномъ Ивановичемъ (который, послѣ смерти своей первой супруги Анастасіи Гедиминовны, взялъ за себя родную сестру Ульяны). Дворъ великой княгини сдѣлался вновь средоточіемъ и опорою православія. Ея дѣти всѣ воспитывались не только въ русскихъ нравахъ, но и въ вѣрованіяхъ православной церкви; только старшій изъ нихъ, Ягайло, родившійся во время неулегшейся еще языческой реакціи и предназначаемый въ государи собственно литовскихъ областей, не былъ, повидимому, крещенъ по христіанскому обряду, не смотря на свое знакомство съ вѣрою своей матери. Окруженная своими сыновьями и многочисленною женскою прислугой, проводила свою жизнь Ульяна Александровна въ виленскомъ замкѣ. Одинъ нѣмецкій рыцарь, посѣтившій столицу Ольгерда, сообщаетъ намъ слѣдующія подробности объ этой жизни. Кромѣ воспитанія дѣтей, великая княгиня сама занималась женскими работами; при дворѣ ткали и вышивали, и въ обоихъ искусствахъ женщины, составлявшія придворный штатъ великой княгини, достигли рѣдкаго совершенства. Придворныя женщины раздѣляли также съ княгиней и ея благочестивыя занятія. „Когда мы вошли въ придворную церковь во время богослуженія, разсказываетъ очевидецъ, цѣлый штатъ придворныхъ женщинъ находился на большой галлереѣ, завѣшенной зеленою матеріей, такъ что можно было видѣть только тѣни молящихся женщинъ" [1]).

---

[1]) Narbutt Dzieje, V, 237.

Какая церковь названа здѣсь придворною, рѣшить трудно. Кромѣ древнихъ церквей Никольской и Пятницкой, при Ульянѣ Александровнѣ явились двѣ новыя, составлявшія потомъ украшеніе православной Вильны. На томъ мѣстѣ, гдѣ пострадали виленскіе мученики, основана была церковь, а потомъ и монастырь во имя Св. Троицы, гдѣ нѣкоторое время, какъ уже сказано, покоились св. останки Антонія, Іоанна и Евстафія. Вблизи этого монастыря, говоритъ преданіе, построена была деревянная часовня, въ коей помѣщена была икона Пресвятой Дѣвы, принесенная Ольгердомъ изъ Корсуня и подаренная имъ своей супругѣ, которая, въ свою очередь, передала эту святыню Троицкому монастырю. Къ концу правленія Ольгерда существовала уже и соборная церковь Пресвятой Дѣвы (Пречистенскій соборъ), освященная, по преданію, митрополитомъ кіевскимъ Алексіемъ, во время его пребыванія въ Вильнѣ.

Преданіе объ освященіи Пречистенскаго собора митрополитомъ Алексіемъ указываетъ на то, что верховные іерархи русской церкви, перенеся свое мѣстопребываніе на сѣверъ русской земли, въ городъ Москву, посѣщали время отъ времени какъ свою прежнюю столицу, городъ Кіевъ, такъ и столицу князей литовскихъ, городъ Вильну. Но есть одно обстоятельство, которое можетъ возбудить сомнѣніе въ томъ, чтобы именно митрополитъ Алексій былъ когда либо въ Вильнѣ. До насъ дошло въ высшей степени интересное посланіе князя Ольгерда къ Константинопольскому патріарху. Жалуясь на пристрастіе святителя Алексія къ князю Московскому и на его непріязненное расположеніе къ литовскому князю, требуя для себя и своихъ союзниковъ, князей русскихъ, учрежденія отдѣльной митрополіи, Ольгердъ, въ доказательство малаго вниманія митрополита Алексія къ православному населенію литовскаго княжества, ссылается на то, что Алексій не посѣщаетъ Литвы и не бываетъ въ Кіевѣ [1]). Слова Ольгерда, однако, не значатъ того, что митрополитъ Алексій *никогда* не былъ въ русскихъ земляхъ, подвластныхъ литовскому князю. Лѣтъ за десять до того времени, когда была написана грамота Ольгерда, именно въ 1358 году онъ ѣздилъ изъ Москвы въ южную Россію, какъ это отмѣчено въ русскихъ лѣтописяхъ [1]). Очень возможно, что именно въ этомъ году онъ былъ въ Вильнѣ и освятилъ здѣсь храмъ, построенный Ольгердомъ или его супругою.

Неизвѣстно, что̀ сталось съ монахами доминиканскаго и францисканскаго орденовъ, которые были въ Вильнѣ при Гедиминѣ. Лѣтопись замѣчаетъ, что при началѣ княженія Ольгерда „римской вѣры уже не было, только русская смѣшалася“ [2]). Но около 1365 г., одинъ изъ бояръ, приближенныхъ къ Гедимину, принадлежавшій къ фамиліи Гаштольдовъ, будучи городскимъ намѣстникомъ въ Подоліи, завоеванной племянниками Ольгерда (князьями Коріатовичами), женился на дочери одного поляка. Вслѣдствіе этого брака, Гаштольдъ обратился въ католичество, снова вызвалъ въ Вильну монаховъ францисканскаго ордена и далъ имъ помѣщеніе въ своемъ домѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ послѣ стоялъ дворецъ виленскихъ католическихъ епископовъ (теперь генералъ-губернаторскій); самъ Гаштольдъ переселился на Пески, гдѣ былъ источникъ, называемый „вингеромъ“.

Новые пришельцы не долго пользовалися спокойствіемъ. Ненависть литовцевъ къ католицизму обнаружилась тѣмъ сильнѣе, что рыцари нѣмецкаго ордена незадолго предъ тѣмъ, въ 1365 году, сожгли часть Вильны, что помѣщеніе монаховъ находилось вблизи замка, неподалеку отъ главной языческой святыни. Воспользовавшись отсутствіемъ Ольгерда и Гаштольда, толпа язычниковъ (въ 1368 г.) напала на убѣжище монаховъ, ихъ монастырь; семь монаховъ были убиты вблизи его, семь другихъ успѣли бѣжать, но были пойманы въ горахъ, на берегахъ рѣки Виліи. Издѣваясь надъ вѣрою пришельцевъ, язычники пригвоздили ихъ къ крестамъ и пустили внизъ по рѣкѣ, приговаривая: „вы пришли съ запада, ступайте же на западъ“. На томъ мѣстѣ, гдѣ была пролита кровь семи вышеупомянутыхъ монаховъ (убитыхъ близъ дома Гаштольда), до конца XVI столѣтія стояло католическое распятіе, а въ послѣдствіи тутъ былъ построенъ монастырь Бонифратровъ. Возвратившись изъ похода,

[1]) Εἰσ ἡμᾶσ οὐδὲν ἔρχεται, οὔτε εἰσ τὸ Κύεβον ὑπαγένει (Acta Patriarchatus Constantinopolitani, I. № 320, pag. 580).

[1]) Полн. собр. лѣтоп. VIII. 10.

[2]) Литовская хроника, изданная Нарбутомъ, стр. 20.

князь жестоко наказалъ участниковъ этого злодѣйства. Если вѣрить литовскому лѣтописцу, онъ казнилъ не менѣе пятисотъ человѣкъ [1]). Гаштольдъ съ своей стороны вызвалъ другихъ монаховъ того же ордена, но уже не смѣлъ оставить ихъ на прежнемъ мѣстѣ, а устроилъ для нихъ помѣщеніе вблизи своего новаго дома на-Пескахъ, гдѣ послѣ находился костелъ Св. Маріи, основанный ранѣе 1387 года.

Не смотря на то, что источники, сообщающіе намъ извѣстіе о виленскихъ мученикахъ обоихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, принадлежатъ позднѣйшему времени [2]), они заключаютъ такія подробности, которыя внушаютъ къ нимъ довѣріе; а на основаніи ихъ, мы должны думать, что и въ царствованіе Ольгерда, какъ при отцѣ его, восточное православіе стояло въ Вильнѣ на болѣе твердой почвѣ чѣмъ римское католичество. Литвины, принявшіе русскую вѣру, погибаютъ по настоянію фанатическихъ жрецовъ, но масса населенія не только не обнаруживаетъ вражды или ненависти къ новообращеннымъ, а высказываетъ къ нимъ явное сочувствіе. Католическіе же монахи, пришедшіе въ Вильну, напротивъ того погибаютъ вслѣдствіе народнаго движенія, не смотря на покровительство вѣротерпимой верховной власти и лицъ къ ней приближенныхъ. И это понятно. Католическое исповѣданіе продолжало быть для жителей Вильны враждебною „нѣмецкою вѣрой". Во имя этой вѣры, въ честь Пресвятой Дѣвы Маріи и для увеселенія „гостей", которые стекались со всѣхъ сторонъ Европы, тевтонскіе рыцари совершали свои ежегодныя „военныя прогулки" на литовскія области и два раза, при жизни Ольгерда, посѣтили Вильну. Въ послѣдній разъ это было зимой 1377 года. Подойдя къ городу, рыцари сожгли часть его и расположились въ остальной. Напрасно Ольгердъ просилъ пощадить то, что̀ осталось, напрасно угощалъ хлѣбомъ и медомъ предводителей отряда; нѣмцы все-таки сожгли все, что̀ можно было сжечь.

Не долго пережилъ Ольгердъ разореніе своей столицы. Онъ умеръ не только православнымъ, но и схимникомъ, говоритъ одна русская лѣтопись, указывая и мѣсто его погребенія въ Пречистенской церкви, имъ самимъ построенной [1]). Впрочемъ при похоронахъ княжескихъ, литовцы, по своему обычаю, сожгли восьмнадцать лошадей и много драгоцѣнныхъ вещей [2]).

Соблазнительный блескъ польской королевской короны, рука красавицы Ядвиги, надежда найти помощь и защиту противъ враговъ своего народа, — рыцарей Тевтонскаго ордена,—заставили сына и наслѣдника Ольгердова отправиться въ Краковъ, чтобы принять тамъ католическое крещеніе. Черезъ десять лѣтъ послѣ разоренія Вильны крестоносцами, приближалась къ Вильнѣ католическая миссія, во главѣ которой находился на этотъ разъ уже не магистръ нѣмецкаго ордена съ мечомъ въ рукахъ, а самъ великій князь литовскій Владиславъ-Ягайло, принявшій титулъ короля польскаго, окруженный польскимъ духовенствомъ и высшими сановниками коронными. Надѣвая на себя польскую корону, Ягайло далъ обѣщаніе крестить свой народъ въ католическую вѣру.

Для совѣщанія о мѣрахъ, необходимыхъ для исполненія этого обязательства, собрались въ столицу литовскую родные братья Ягайлы: Скиригайло, князь Трокскій, оставшійся вѣрнымъ православію, Владиміръ, князь Кіевскій, Димитрій Корибутъ, удѣльный князь Новогородка, оба также православные. Здѣсь далѣе присутствовалъ Витовтъ, двоюродный братъ Ягайлы, сынъ Кейстута, князь Городенскій, перешедшій въ Краковѣ изъ православія въ католичество. Князья были окружены боярами, большинство которыхъ были русскіе по происхожденію, православные по вѣрѣ. При такомъ составѣ великокняжескаго совѣта, не могло быть и рѣчи объ обращеніи въ католичество жителей коренныхъ русскихъ областей, исповѣдовавшихъ православіе со времени Владиміра Равноапостольнаго. Католическая проповѣдь долж-

[1]) Хроника литовская, изд. Нарбутомъ стр. 22.

[2]) О католическихъ мученикахъ говоритъ только литовская хроника Нарбута, составленная въ XVI столѣтіи. Древнѣйшій лѣтописецъ князей литовскихъ, существующій въ двухъ спискахъ (Даниловича и Попова) и вошедшій вполнѣ и въ хронику Нарбута, объ нихъ не упоминаетъ. Разсказъ о православныхъ мученикахъ заимствованъ изъ четь-миней св. Димитрія Ростовскаго, который взялъ ихъ житіе изъ Большой Минеи Макарія.

[1]) Карамз. V, примѣч. 50 (здѣсь приведено мѣсто изъ лѣтописи).

[2]) Script. rer. Prussicar. II, 619.

на была ограничиться одними природными Литвинами. Но и здѣсь ревность францисканскихъ монаховъ и польскихъ епископовъ встрѣтила большія затрудненія. Между Литвинами, даже въ числѣ приближенныхъ великаго князя, были такіе, которые уже крестились по православному обряду и не хотѣли перекрещиваться въ латинскую вѣру. Ягайло думалъ устрашить строгостію, и двое упорныхъ бояръ литовскихъ преданы были казни; неизвѣстно какъ подѣйствовалъ этотъ примѣръ на виленское населеніе, но, сколько извѣстно, удѣльные князья, какъ напримѣръ: Скиригайло, князь Трокскій, православный самъ,—не подражали старшему своему брату. Многіе литовскіе роды остались по прежнему православными.

Легче было справиться съ язычниками. Священный огонь, пылавшій въ нижнемъ виленскомъ замкѣ, былъ погашенъ; священныя деревья срублены, священные гады перебиты: и ни какой силы, ни какого знаменія не явилось для защиты народной святыни. Не трудно было послѣ этого убѣдить Литвиновъ въ ея безсиліи; но католическіе миссіонеры не умѣли говорить на языкѣ, понятномъ для народа. Самъ Ягайло явился на помощь проповѣдникамъ, поставленнымъ въ затрудненіе. Владѣя русскимъ языкомъ, какъ природнымъ, онъ могъ понимать тѣмъ легче польскую рѣчь, что вполнѣ былъ знакомъ и съ содержаніемъ проповѣди, съ основными истинами христіанства, усвоенными отъ матери [1]). Такимъ образомъ, языкъ русскій служилъ нѣкоторымъ посредничествующимъ орудіемъ при католической проповѣди въ Вильнѣ. А чего не въ состояніи было сдѣлать убѣжденіе, то восполнила княжеская щедрость. Ягайло привезъ съ собою большой запасъ бѣлыхъ суконныхъ свитокъ, которыя были предназначены въ награду тѣмъ, кто принялъ католичество; бѣдные литовцы, носившіе до сихъ поръ простой холстъ и грубые мѣха, соблазнялись бѣлыми свитками и толпами шли въ Вильну слушать проповѣдь „лядской“ (польской) вѣры. Безъ особенныхъ приготовленій, ихъ вели къ Виліи; католическій священникъ кропилъ святою водою размѣщенныя отдѣльно группы мужчинъ и женщинъ, и каждая отдѣльная группа получала одно общее для всѣхъ имя — сегодня одно, завтра другое. Съ удивленіемъ и недоумѣніемъ смотрѣли русскіе православные жители Вильны на совершавшееся предъ ихъ глазами. Ихъ самихъ оставили въ покоѣ, согласно съ принятымъ рѣшеніемъ крестить только Литвиновъ.

Лѣтопись говоритъ, что Ягайло „крестилъ половину своего города Вильны“. Но едва-ли эти слова слѣдуетъ понимать въ количественномъ смыслѣ; едва-ли среди тогдашняго виленскаго населенія можно было найти такъ много чистыхъ и некрещеныхъ литвиновъ, чтобы они могли составить цѣлую половину всего числа жителей. Слова лѣтописи слѣдуетъ понимать въ простомъ топографическомъ смыслѣ. Жители Вильны, подлежавшіе крещенію, находились на „половинѣ“ города противоположной его русской части (русская половина). Но и тамъ, среди язычниковъ литовскаго и жмудскаго происхожденія, можно было встрѣтить поселенцевъ нѣмецкихъ, уже исповѣдывавшихъ католичество. Число всѣхъ Литвиновъ мужескаго и женскаго пола, крещеныхъ въ католичество, простиралось до 30,000. Трудно сказать, какая именно часть изъ этого числа приходилась на долю города, Вильны; но, во всякомъ случаѣ, часть не большая.

На томъ мѣстѣ, гдѣ было доселѣ главное языческое капище, заложенъ въ февралѣ 1387 года католическій храмъ во имя св. Станислава, долженствовавшій служить каѳедрою вновь учрежденнаго епископства виленскаго. Щедрые вклады, сдѣланные королемъ, обезпечили содержаніе епископа и членовъ капитулы; кромѣ земель, селъ и деревень съ ихъ доходами, епископъ Андрей Василло получилъ каменный домъ, принадлежавшій прежде самому великому князю, въ стѣнахъ замка виленскаго и четыре деревянныхъ дома неподалеку отъ этихъ стѣнъ. Почти въ одно время съ каѳедральнымъ соборомъ основанъ былъ въ верхнемъ замкѣ костелъ св. Мартина, существовавшій, впрочемъ, не долго, ибо онъ уже въ XVI вѣкѣ былъ въ развалинахъ, и еще костелъ св. Іоанна (Свято-Янскій), довольно долго остававшійся недостроеннымъ и неосвященнымъ.

При первомъ торжествѣ католицизма въ Вильнѣ, обнаружились признаки нетерпимости, всегда его сопровождающей. При тѣс-

[1]) Ruthenicam (linguam) calleus, Polonos loquentes—intelligebat, говоритъ Кромеръ.

ныхъ связяхъ русской народности съ литовскою, браки Литвиновъ и Литвинокъ съ Русскими были многочисленны и часты. Теперь такіе браки постановлено было допускать только подъ условіемъ обращенія стороны православной въ римскую вѣру; если, не смотря на запрещеніе, смѣшанный бракъ будетъ заключенъ,—то онъ хотя и не расторгается, но сторона православная должна быть принуждаема всѣми средствами къ принятію католическаго исповѣданія; съ этою цѣлію допускались и тѣлесныя наказанія. Далѣе, Ягайло вознамѣрился дать городу Вильнѣ самоуправленіе на основаніяхъ магдебургскаго права, хотя съ нѣкоторыми ограниченіями. Но актъ объ этомъ былъ написанъ только на языкѣ латинскомъ, съ умолчаніемъ въ немъ о православныхъ жителяхъ Вильны, чѣмъ Ягайло обнаружилъ явное намѣреніе исключить самый многочисленный и важный элементъ населенія изъ пользованія правами, вновь предоставленными городу.

Такія мѣры поселяли рознь и раздраженіе въ умахъ. Еще сильнѣйшее неудовольствіе возбуждено было въ жителяхъ Вильны появленіемъ польскаго гарнизона въ виленскихъ замкахъ. Литовская хроника говоритъ, что князю Витовту было тяжело и обидно видѣть что „чужіе“ и „посторонніе“ люди владѣли въ литовской землѣ. Не менѣе чѣмъ Витовту, это было тяжело и обидно для многихъ другихъ менѣе видныхъ Литовцевъ. Что касается до Витовта, то, принявши въ Краковѣ вторичное католическое крещеніе именно въ той надеждѣ, что ему поручатъ управленіе великимъ княжествомъ и видя себя обманутымъ, онъ рѣшился воспользоваться неудовольствіемъ виленскаго населенія и сдѣлалъ попытку захватить виленскіе замки неожиданнымъ нападеніемъ. Когда же его хитрость не удалась, онъ обратился къ нѣмецкому ордену, который всегда готовъ былъ поддержать междоусобіе въ землѣ литовской. Въ настоящій моментъ тевтонскіе братья были очень огорчены тѣмъ, что люди, которыхъ они имѣли право обратить мечемъ въ христіанство, вздумали, повидимому, обратиться помимо ихъ. Если, въ самомъ дѣлѣ, всѣ язычники обратятся въ католиковъ, то зачѣмъ будетъ существовать орденъ, созданный спеціально для обращенія язычниковъ сѣверо-восточной Европы? Боясь, чтобы католическій міръ не почелъ ихъ задачу оконченною, тевтонскіе братья хотѣли поспѣшить завоеваніемъ Литвы, и въ союзѣ съ Витовтомъ пошли на Вильну.

Походъ начался во второй половинѣ августа 1390 года. Въ немъ участвовало, кромѣ ливонскихъ рыцарей, много знатныхъ „гостей“, прибывшихъ изъ западной Европы, въ числѣ коихъ былъ Генрихъ Дерби, сынъ графа Ланкастерскаго, впослѣдствіи знаменитый Генрихъ IV, король Англіи.

4-го сентября крестоносная рать подошла къ Вильнѣ и, прежде всего, разрушила католическій храмъ св. дѣвы Маріи на-Пескахъ. Но чтобы привлечь на свою сторону большинство мѣстнаго населенія, нѣмцы, вѣроятно, по совѣту Витовта, щадили православныя церкви. На шестой день, послѣ начала осады, они взяли штурмомъ одинъ изъ тогдашнихъ виленскихъ замковъ, такъ называемый „Кривой городъ“. При этомъ внутри замка произошелъ пожаръ, началось страшное смятеніе; двѣ тысячи человѣкъ были убиты или взяты въ плѣнъ; множество народу погибло въ пламени; братъ короля Казиміръ-Коригайло, начальствовавшій въ „Кривомъ городѣ“, искалъ спасенія въ бѣгствѣ, но былъ схваченъ на пути къ „нижнему замку“. Къ несчастію для него, нѣмцы не узнали въ немъ королевскаго брата, убили его какъ простаго воина, потомъ отрубили голову, воткнули ее на копье и носили кругомъ.

Взявъ „Кривой городъ“ нѣмцы приступили къ осадѣ „нижняго замка“, гдѣ начальствовалъ другой братъ Ягайлы—Скиригайло. Благодаря мужественной защитѣ, осада затянулась: прошло уже почти пять недѣль со времени прибытія крестоносцевъ на берега Виліи; наступила дождливая осень; къ тому же, сталъ ощущаться недостатокъ въ порохѣ. Пришлось возвращаться назадъ и отложить взятіе столицы литовской до будущаго года.

Осенью 1391 года великій магистръ ордена Конрадъ-Валленродъ, съ знатными гостями изъ Германіи, Франціи и Шотландіи, снова двинулся въ походъ. Литовцы, не имѣя силъ противостоять рыцарямъ въ открытомъ полѣ, отступали, истребляя и предавая пламени все, что могло послужить на пользу непріятеля. Въ началѣ сентября рыцари подошли къ Трокамъ и увидѣли на

мѣстѣ этого города груду пепла. Около 20 сентября, они приблизились къ Вильнѣ. Этотъ городъ не былъ истребленъ, но окрестности его на пять миль кругомъ были опустошены; а для лучшей обороны Вильны, были устроены въ разныхъ мѣстахъ особеннаго рода засѣки. Опоздавъ и въ этотъ разъ и встрѣтивъ неожиданно отпоръ, рыцари, послѣ легкой стычки въ предмѣстьяхъ Вильны, около разрушеннаго костела Св. Маріи на-Пескахъ, принуждены были поворотить назадъ.

Король Владиславъ-Ягайло долженъ былъ почувствовать, что ему не справиться съ положеніемъ дѣлъ въ Литвѣ, что онъ не въ силахъ будетъ защищать ее долго, когда среди самаго населенія оказывалось много людей, сочувствовавшихъ Витовту, если не нѣмцамъ, и питавшихъ антипатію къ Полякамъ. Онъ послалъ сказать своему двоюродному брату: „не губи больше земли литовской, будь съ нами въ мирѣ и возьми себѣ великое княженіе въ Вильнѣ". Этого только желалъ Витовтъ. Получивъ надежду владѣть Литвою, онъ въ 1392 году ушелъ отъ рыцарей, и принялъ управленіе великимъ княжествомъ литовскимъ. Но это вызвало новое нашествіе нѣмцевъ. Орденъ захотѣлъ отмстить своему прежнему союзнику. Въ августѣ 1394 года, великій магистръ вторгнулся еще разъ въ Литву. Онъ снова явился подъ Вильною и осадилъ ее. Витовтъ, стоявшій вблизи города и препятствовавшій подвозу съѣстныхъ припасовъ для крестоносной рати, былъ разбитъ при Рудоминѣ; одинъ изъ русскихъ князей былъ при этомъ взятъ въ плѣнъ; родственникъ Витовта, бояринъ Судемунтъ (тоже взятый въ плѣнъ) повѣшенъ. Между тѣмъ подошелъ и ливонскій магистръ съ своимъ отрядомъ. Вильна была окружена и заперта со всѣхъ сторонъ. Несмотря однако на всѣ усилія осаждающихъ, виленскіе замки устояли, и въ сентябрѣ враги ушли обратно.

Послѣ неудачнаго похода въ 1394 году, нѣмцы оставили на нѣкоторое время въ покоѣ Вильну, такъ что она получила возможность отдохнуть и оправиться. Витовтъ хотѣлъ сдѣлать Вильну центромъ всего русскаго народа. Заключивъ перемиріе съ Орденомъ, онъ думалъ о присоединеніи къ своимъ владѣніямъ Новгорода, Пскова, Смоленска, самой Москвы. Неразборчивый на средства, онъ вступилъ для достиженія своей цѣли въ союзъ съ ханомъ татарскимъ Тохтамышемъ, который былъ изгнанъ изъ Кипчака страшнымъ Тамерланомъ. „Я тебя посажу въ ордѣ на царство, а ты меня посади на Москвѣ, на великомъ княженіи, на всей землѣ русской", — такъ передаютъ лѣтописи договоръ Витовта съ ханомъ. Первый походъ союзниковъ былъ удаченъ. Подъ Азовомъ Витовтъ разбилъ татаръ, враждебныхъ Тохтамышу, и взялъ въ плѣнъ цѣлый улусъ татарскій. Витовтъ поселилъ своихъ плѣнниковъ вблизи столицы, частію же въ ней самой, и выстроилъ для нихъ мечеть въ предмѣстьи Вильны на Лукишкахъ. Татарская улица въ западной части города до сихъ поръ напоминаетъ о магометанскомъ населеніи въ Вильнѣ; нѣкогда существовали въ этомъ городѣ и „татарскія ворота".

Второй походъ Витовта на орду кончился страшнымъ пораженіемъ на берегахъ Ворсклы (1399). Разбитый въ прахъ, Витовтъ долженъ былъ искать опоры въ Польшѣ, — и это повело къ такъ называемой политической уніи между Польшею и Литвою. Въ 1401 году состоялся сеймъ въ Вильнѣ, на которомъ подписанъ былъ актъ торжественно провозглашеннаго соединенія Литвы съ Польшею. Этотъ актъ оставался впрочемъ долго мертвою буквою, подобно многимъ другимъ попыткамъ политической уніи послѣдующаго времени. Онъ сейчасъ же вызвалъ реакцію въ православномъ населеніи противъ католицизма и полонизма. Родной братъ короля Владислава, Левъ-Болеславъ-Свитригайло, изъ православія перешедшій въ католичество, но всѣми своими сочувствіями оставшійся на сторонѣ „русской" вѣры и всегда ей покровительствовавшій, — взялъ на себя прежнюю роль Витовта. Съ Прусскимъ войскомъ явился онъ, въ 1402 году, подъ Вильною и нашелъ себѣ союзниковъ въ самихъ жителяхъ Вильны; шесть виленскихъ гражданъ поплатились головою за приверженность къ нему; русскіе монахи, по словамъ польскаго историка Длугоша, дѣйствовали также въ пользу Свитригайлы; они будто бы обѣщали зажечь виленскій замокъ внутри, но ихъ планъ былъ открытъ. Вильна устояла. Союзники Свитригайлы принуждены были отступить и уйти домой.

*

Въ 1415 г. Витовтъ рѣшился на важную мѣру въ отношеніи къ православной церкви. Подъ тѣмъ предлогомъ, что митрополитъ Фотій, подобно своимъ предшественникамъ жившій въ Москвѣ, не радитъ о своей русско-литовской паствѣ, Витовтъ, несмотря на отказъ константинопольскаго патріарха, устроилъ отдѣльную митрополію для южной и западной Руси. „Пусть люди не говорятъ со стороны: государь не въ той вѣрѣ, отъ того и царство оскудѣло", пишетъ онъ, объясняя свою заботливость о православной церкви. Соборомъ западнорусскихъ епископовъ избранъ былъ на митрополію Григорій Цамвлакъ. Онъ избралъ своимъ мѣстопребываніемъ Вильну, и съ того времени церковь Пресвятой Богородицы (Пречистенская) сдѣлалась митрополичьею.

Есть, однако, основаніе думать, что созданіе отдѣльной митрополіи было вызвано не одною заботливостію о благѣ православной церкви. Желая изъ всѣхъ земель русскихъ и литовскихъ, находившихся подъ его властію, создать единое и независимое государство, Витовтъ хотѣлъ устроить и церковь независимую и притомъ единую, безъ раздѣленія на католическую и православную. Мысль о церковной уніи, проглядывающая въ дѣйствіяхъ Витовта, находилась въ связи съ гуситскимъ движеніемъ, которому великій князь литовскій готовъ былъ подать руку, и съ вопросомъ объ исправленіи Римской церкви во главѣ и членахъ. Еще въ 1413 году былъ въ Литвѣ и въ самой Вильнѣ сподвижникъ и другъ Гуса, Іеронимъ Пражскій; онъ посѣщалъ здѣсь православныя церкви, преклонялъ колѣни предъ мощами и иконами въ русскихъ храмахъ, публично принималъ евхаристію изъ рукъ православныхъ священниковъ, бесѣдовалъ съ Витовтомъ о вопросахъ, относящихся къ различіямъ вѣроисповѣданій. Новоизбранный митрополитъ Григорій, съ другими русскими епископами, былъ посланъ княземъ на Констанцскій соборъ, который, кромѣ Гуситскаго дѣла, долженъ былъ заняться исправленіемъ католической церкви и вопросомъ о соединеніи церквей. Но православные русскіе епископы, прибывъ въ Констанцъ, узнали, что ихъ прежній знакомецъ, защищавшій ученіе и обрядъ православной церкви, погибъ на кострѣ; они узнали также, что соборъ уже осудилъ причащеніе подъ обоими видами. Явившись въ засѣданіе собора, русскіе іерархи объявили, что они хотятъ остаться тѣмъ, чѣмъ были до сихъ поръ, и не желаютъ быть послушными римской церкви. Польскіе прелаты, которые много толковали о готовности русско-литовскихъ епископовъ признать власть папы, сдѣлались послѣ этого, говоритъ нѣмецкая хроника, предметомъ смѣха для всѣхъ отцовъ собора [1]). Нѣкоторые благоразумные люди (изъ числа католиковъ) высказали, однако, убѣжденіе, что еслибы совершилось преобразованіе католической церкви, то можно бы найти средство къ дѣйствительному соединенію церквей.

Существованіе отдѣльной митрополіи, если оно связывалось въ умѣ Витовта съ мыслію о соединеніи церквей (объ уніи), послѣ неудачной попытки въ Констанцѣ должно было въ его глазахъ утратить большую часть своей цѣны. Къ тому же, зимою 1420 г., митрополитъ Григорій умеръ въ Вильнѣ отъ мороваго повѣтрія. Послѣ его смерти, митрополитъ Фотій поспѣшилъ въ Литву и былъ благосклонно принятъ Витовтомъ; въ числѣ другихъ городовъ, онъ посѣтилъ Вильну, гдѣ отпраздновалъ день Богоявленія (1421 г.). Витовтъ снова призналъ его власть надъ православною западно-русскою церковію и до конца своей жизни оставался съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ.

Къ концу своей жизни онъ думалъ о томъ, чтобы навсегда обезпечить существованіе отдѣльнаго и самостоятельнаго государства русско-литовскаго, и рѣшился возложить на себя вѣнецъ королевскій. Въ сентябрѣ 1430 года собрались въ Вильнѣ многочисленные гости, приглашенные присутствовать при короновании новаго монарха. Прибылъ великій князь московскій, внукъ Витовта (сынъ Софьи Витовтовны); явились князья Тверскій, Одоевскій, Рязанскій, послы греческаго императора; собралось множество мелкихъ удѣльныхъ князей и бояръ литовскихъ, наконецъ въ Вильнѣ находился въ это время снова митрополитъ Фотій. Витовтъ ждалъ только короны, чтобы приступить къ торжественному обряду; съ своею обычною щедростью угощалъ онъ, между тѣмъ, своихъ гостей; каждый день выходило, разсказываетъ лѣтопись, по триста бо-

[1]) Also wordîu dy Polen vorspot und belacht von dem ganczin consilio (Script. rer. Prussicar. III, 376).

чекъ меду, кромѣ винъ заморскихъ и мальвазіи, съѣдалось по триста барановъ и по стольку же вепрей, не считая зубровъ и лосей. Долго длились праздники, а корона, обѣщанная римскимъ императоромъ, не приходила; ее перехватили на дорогѣ враждебные планамъ Витовта поляки. Узнавъ объ этомъ, восьмидесятилѣтній старецъ заболѣлъ отъ огорченія. 15 октября (1430 г.), въ воскресенье, отслуживъ обѣдню въ монастырѣ францисканцевъ (св. Маріи на-Пескахъ), Витовтъ отправился въ Троки; на пути, уже и безъ того больной, онъ упалъ съ лошади и еще болѣе повредилъ себѣ; а черезъ четырнадцать дней онъ скончался въ Трокахъ. Тѣло его было перенесено въ Вильну и предано погребенію въ католическомъ каѳедральномъ соборѣ, рядомъ съ гробницею его супруги Анны, умершей ранѣе.

Призванный примирить и успокоить борьбу, внесенную въ составъ русско-литовскаго государства католическимъ крещеніемъ и связями съ Польшею, Витовтъ былъ способнѣе чѣмъ кто либо исполнить эту задачу. Онъ былъ совершенно чуждъ религіозной нетерпимости; давая щедрыя записи въ пользу католическаго епископа и каѳедральнаго собора св. Станислава, онъ, въ тоже время, самъ строилъ православныя церкви въ своихъ владѣніяхъ. Очень вѣроятно, что въ самой Вильнѣ во время его правленія, на ряду съ костелами, не только возобновлялись, но и вновь сооружены были нѣкоторыя изъ православныхъ церквей, извѣстныхъ своею древностію. Изъ католическихъ храмовъ при Витовтѣ былъ перестроенъ соборъ св. Станислава, послѣ большаго пожара, истребившаго всѣ зданія нижняго замка (около 1419 г.); на мѣстѣ деревяннаго костела св. Дѣвы Маріи на-Пескахъ, разрушеннаго нѣмцами въ 1390 году, заложенъ каменный, постройка котораго продолжалась очень долго и освященіе коего послѣдовало только въ 1421 году. Еще позднѣе кончилась постройка Ивановскаго костела, производившаяся средствами частныхъ лицъ;—костелъ былъ освященъ только въ 1427 году. Древнѣйшій католическій небольшой храмъ св. Николая, непощаженный крестоносцами, былъ, повидимому, въ запустѣніи во время правленія Витовта; только къ 1440 г. относится его возобновленіе. О маленькомъ костелѣ св. Мартина, въ верхнемъ замкѣ, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній; за то нѣкоторыя, довольно сомнительныя впрочемъ, извѣстія говорятъ о существованіи при Витовтѣ костела св. Анны. Въ 1414 году, т. е. гораздо ранѣе того времени, какъ появились каменные костелы св. Іоанна и св. дѣвы Маріи, Вильна имѣла, по свидѣтельству одного путешественника (Гилберъ-де-Лануа), „нѣсколько“ церквей каменныхъ: это были, очевидно, церкви православныя. Церковь во имя св. Троицы, съ монастыремъ того же имени, до начала XVI вѣка была деревянная; но Пречистенскій соборъ былъ, несомнѣнно, каменный и занималъ довольно обширное пространство, какъ доказываетъ старый фундаментъ, на которомъ онъ возобновленъ въ настоящее время. Приходская Ольгердовская церковь св. Параскевіи-Пятницы была, по преданію, древнѣйшимъ *каменнымъ* храмомъ въ Вильнѣ. Что касается до православной церкви св. Николая, то уже въ XV вѣкѣ существовали двѣ церкви въ честь этого святителя, одна изъ нихъ—Перенесенія мощей св. Николая, или просто Перенесенская, была каменная, тогда какъ другая, успенія св. Николая, деревянная. Перенесенская, существующая теперь въ возобновленномъ видѣ, есть, по всѣмъ признакамъ, та самая, о которой говорится въ лѣтописяхъ подъ 1347 годомъ. Но и другая Никольская церковь очень глубокой древности. Уніатскій митрополитъ Гавріилъ Коленда, по поводу спора съ виленскимъ магистратомъ о мѣстахъ церковныхъ, утверждалъ, ссылаясь на документы, что церкви св. Николая, т. е. именно Успенско-Никольская, св. Иліи Пророка и Рождества Христова, были выстроены предками современныхъ ему виленскихъ гражданъ, почти за сто лѣтъ до полученія городомъ Магдебургскаго права (въ 1432 г.). Можетъ быть, было бы слишкомъ смѣло толковать слова митрополита въ буквальномъ смыслѣ и относить вышеназванные храмы ко временамъ Гедимина и Ольгерда; но нѣтъ основанія сомнѣваться, что, по крайней мѣрѣ, половина русскихъ церквей, существовавшихъ въ XV вѣкѣ (ихъ было тогда 14 или 15), построены были еще въ предшествующемъ XIV вѣкѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Вильна отъ смерти Витовта до временъ Сигизмунда II (1430 — 1548). Сигизмундъ Кейстутьевичъ и его грамота на магдебургское право. Казиміръ Ягайловичъ и начало притѣсненій православнаго населенія. Бернардины и монастырь ихъ. Королевичъ Казиміръ въ Вильнѣ и запрещеніе строить русскія (православныя) церкви. Количество православныхъ храмовъ въ XV столѣтіи. Великій князь Александръ и его бракъ на дочери Ивана III Васильевича, государя Московскаго. Прибытіе Елены Ивановны въ Вильну и обрядъ бракосочетанія. Епископъ виленскій Войтехъ Таборъ. Бернардины и бернардинки Католическая пропаганда. «Отметникъ» Іосифъ, его посланіе къ папѣ и отвѣтъ на него. Основаніе доминиканскаго монастыря. Русскій гостиный дворъ въ Вильнѣ. Обнесеніе города каменною стѣною Положеніе Елены Ивановны послѣ смерти ея мужа, короля Александра. Православный Виленскій соборъ 1509 года. Вопросъ объ участіи виленскихъ мѣщанъ въ дѣлахъ церковныхъ. Князь Острожскій: перестройка Троицкаго монастыря, Пречистенскаго собора и Николаевской церкви. Смерть Елены Ивановны; образъ Богоматери въ Троицкомъ монастырѣ. Заботы Сигизмунда I о городскомъ благоустройствѣ. Виленскій пожаръ 1530 года. Неудовольствіе города противъ доминиканцевъ. Исторія съ францисканцами. Мостъ на рѣкѣ Вилія и госпиталь св. Троицы. Столкновеніе между католическимъ духовенствомъ и городскимъ управленіемъ. Раздоры въ бернардинскихъ монастыряхъ. Начало книгопечатанія въ Вильнѣ.

Наслѣдникъ Витовта въ литовскихъ земляхъ, его братъ Сигизмундъ Кейстутьевичъ, опираясь въ своей борьбѣ противъ Свитригайлы на католиковъ и Литвиновъ, считалъ, однако, необходимымъ угождать православно-русскому элементу въ княжествѣ. Вскорѣ, послѣ своего утвержденія въ Вильнѣ, онъ далъ городу магдебургское право. Грамота на сей разъ писана на языкахъ русскомъ и латинскомъ, магдебургское право предоставлялось „всимъ мѣстичомъ виленскимъ нашое вѣры римское и русскимъ, што суть русское вѣры“ (tam fidei catholicae cultoribus, quam etiam ruthenis).“ Изъ позднѣйшихъ королевскихъ грамотъ видно, что какъ лавники (scabini), при помощи которыхъ войтъ производилъ уголовный судъ, такъ и радцы и бурмистры, составлявшіе раду или городской магистратъ, завѣдывавшій администраціей, со временъ стародавнихъ, т. е. съ самаго введенія магдебургскаго права, состояли на-половину изъ католиковъ и на-половину изъ православныхъ. Это, очевидно, имѣлось въ виду въ самой грамотѣ Сигизмунда.

Первыя наступательныя дѣйствія католицизма противъ православной церкви относятся ко времени Казиміра Ягайловича (съ 1440 г.). Сдѣлавшись, послѣ долгихъ отказовъ и почти противъ собственной воли, королемъ польскимъ, женившись на дочери Альбрехта-Австрійскаго, ревностной католичкѣ, Казиміръ измѣнилъ политикѣ своихъ предшественниковъ, которой слѣдовалъ и самъ, пока былъ только великимъ княземъ литовскимъ. Одною изъ первыхъ мѣръ правленія Казимірова было признаніе Іоны, избраннаго въ Москвѣ на мѣсто измѣнившаго православію Исидора, митрополитомъ кіевскимъ, т. е. верховнымъ пастыремъ всѣхъ православныхъ жителей литовско-русскаго государства. Мы имѣемъ грамоту, въ которой митрополитъ Іона передаетъ виленскія православныя церкви въ вѣдѣніе своего намѣстника. Но чрезъ нѣсколько времени, когда усилились католическія вліянія, Казиміръ уже не хотѣлъ признавать Іоны. Въ Кіевѣ, а потомъ и въ Вильнѣ явился Григорій, „ученикъ Сидоровъ“, т. е. приверженецъ флорентійской уніи; онъ прибылъ изъ Рима и былъ тамъ поставленъ папою на русскую митрополію. Казиміръ принялъ его подъ свое покровительство, призналъ соединеніе церквей, объявилъ Григорія кіевскимъ митрополитомъ вмѣсто Іоны. — Такимъ образомъ совершилось окончательное раздѣленіе Русской Церкви на двѣ митрополіи — на двѣ части.

Не долго, однако, отдѣльная митрополія, западно-русская, соотвѣтствовала цѣли своего учрежденія, т. е. не долго признавала она флорентійское соединеніе и власть римскаго престола.

Слѣдующіе за Григоріемъ митрополиты, именовавшіе себя кіевскими, но имѣвшіе мѣстопребываніе частію въ Вильнѣ, частію въ Новогородкѣ, получали свое посвященіе и признавали свою зависимость только отъ константинопольскаго патріарха. Самъ король Казиміръ, черезъ десять лѣтъ послѣ прибытія на Русь Григорія, не находилъ въ своихъ владѣніяхъ уніатовъ, а только „схизматиковъ", которыхъ онъ считалъ нужнымъ обращать въ католичество. Въ 1468 году онъ писалъ Папѣ, что въ великомъ княжествѣ литовскомъ обитаетъ большое число „схизматиковъ" и количество ихъ со дня на день возрастаетъ, и что если не будетъ принято мѣръ, то можно опасаться еще болѣе сильнаго увеличенія этого числа. Самою надежною мѣрою было признано учрежденіе монастырей бернардинскаго ордена (fratres minores de observantia); по мнѣнію короля, именно Бернардины могли всего болѣе содѣйствовать обращенію „схизматиковъ", т. е. православныхъ въ католичество. Въ 1469 г., дѣйствительно основанъ былъ въ Вильнѣ монастырь бернардинскій; мѣсто для поселенія монахамъ, вызваннымъ изъ Кракова, отведено какъ можно ближе къ русской половинѣ города, на лѣвомъ берегу Вилейки. Вслѣдъ затѣмъ послѣдовало запрещеніе строить вновь и даже возобновлять и поправлять русскіе православные храмы въ Вильнѣ. На эту мѣру, отзывающуюся явнымъ гоненіемъ, король Казиміръ, говорятъ, рѣшился только вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ своего сына, королевича Казиміра. Рожденный отъ Елизаветы Австрійской, воспитанный матерью въ духѣ католической нетерпимости, этотъ юноша былъ привезенъ отцемъ своимъ въ Вильну (въ 1477 г.), проводилъ здѣсь все время въ постѣ и молитвѣ и кончилъ свою аскетическую жизнь чахоткою, не захотѣвъ купить обѣщаннаго выздоровленія измѣной обѣту дѣвственности. Тѣло двадцатипятилѣтняго аскета, заживо считаемаго святымъ, было погребено въ соборной церкви св. Станислава, въ придѣлѣ св. Троицы, устроенномъ отцомъ его. При Сигизмундѣ III, королевичъ Казиміръ былъ признанъ, хотя и не безъ долгихъ хлопотъ въ Римѣ, святымъ, и потомъ произведенъ іезуитами въ патрона города Вильны, какъ бы въ совмѣстничество и въ ущербъ св. Николаю, одинаково почитаемому православными и католиками.

Несмотря, впрочемъ, на запрещеніе строить новыя и поддерживать старыя православныя церкви, въ началѣ XVI вѣка въ Вильнѣ еще было четырнадцать церквей, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ одна грамота Александра Казиміровича, данная имъ (въ 1506 г.) извѣстному Михаилу Глинскому по званію душеприкащика кіевскаго воеводы Путятича. Въ грамотѣ кіевскаго митрополита Іосифа, относящейся къ 1511 году, поименовано также четырнадцать церквей; о многихъ изъ нихъ прямо сказано, что онѣ существовали при предшественникахъ Іосифа, русскихъ митрополитахъ XV столѣтія. Кромѣ 1) Пречистенскаго собора и 2) Троицкаго монастыря, эти церкви суть слѣдующія: 3) церковь св. Николая (Перенесенская), 4) Воскресенская, 5) Пятницкая, 6) Козьмодемьянская, 7) Никольская (Успенія св. Николая), 8) Михайловская, 9) Рождества Христова, 10) Ивановская, 11) Екатерининская, 12) Спасская, 13) Юрьевская и 14) не названная титуломъ святаго, церковь „въ городѣ". Мы не находимъ въ этомъ перечнѣ несомнѣнно древнихъ церквей св. Иліи пророка и важной, исторической церкви Покровской: очень вѣроятно, что онѣ находились въ запустѣніи вслѣдствіе невозможности перестройки и поправокъ. А еслибы запрещеніе соблюдалось строго, то въ началѣ XVI столѣтія могли бы исчезнуть и три главнѣйшихъ православныхъ храма въ Вильнѣ — Троицкій, Пречистенскій и Никольскій; они, какъ увидимъ, требовали перестройки.

Но православіе не могло погибнуть въ странѣ, гдѣ оно такъ давно утвердилось. Притомъ въ это время уже поднялась и усилилась Москва. Туда начали обращать свои взоры православные жители великаго княжества литовскаго, ожидая помощи и защиты. При Казимірѣ начались переходы православныхъ князей литовско-русскихъ, самихъ Ольгердовичей, подъ власть московскаго государя, которымъ былъ тогда Иванъ III Васильевичъ. Въ борьбѣ, завязавшейся по этому поводу между Москвой и Вильною,

Вильна оказалась слабѣе. По смерти Казиміра (въ 1492 г.), литовскіе паны, увидавъ невозможность бороться съ противникомъ, который былъ силенъ сверхъ всего прочаго сочувствіемъ православнаго населенія въ княжествѣ, задумали обезоружить московскаго государя, склонивъ его къ заключенію родственнаго союза съ ихъ великимъ княземъ Александромъ, сыномъ Казиміра, и съ этою цѣлію стали сватать дочь Ивана Васильевича, Елену, за своего государя. Но Иванъ, согласясь выдать свою дочь за католика, имѣлъ совершенно противоположные виды: онъ надѣялся что она принесетъ съ собою „окрѣпленіе" всей Руси и греческому закону; поэтому онъ взялъ самыя твердыя обѣщанія въ томъ, что дочь его останется православною.

15 февраля 1495 г. Елена Ивановна въѣхала въ Вильну. Виленское населеніе вышло къ ней на встрѣчу; съ особенной радостью встрѣчали московскую княгиню православные жители Вильны, надѣясь найти въ ней защитницу ихъ вѣры. При вратахъ соборной церкви Пречистенской, куда, прежде всего, подъѣхалъ поѣздъ, встрѣтилъ Елену намѣстникъ митрополіи, троицкій архимандритъ Макарій съ чернымъ и бѣлымъ духовенствомъ и отслужилъ благодарственный молебенъ. Свадьба была совершена съ соблюденіемъ русскихъ обычаевъ; жены русскихъ бояръ, прибывшихъ изъ Москвы, расплели косу невѣстѣ, осыпали ее хмѣлемъ и проводили до католической церкви св. Станислава, гдѣ имѣлъ быть совершенъ священный обрядъ; католическій епископъ Войтехъ Таборъ и православный священникъ Ѳома, привезенный княжною изъ Москвы, вѣнчали дочь Іоанна III; княгиня Ряполовская держала надъ нею вѣнецъ, а одинъ дьякъ стклянку съ виномъ.

Дни веселія продолжались не долго. За ними скоро наступили дни тревогъ и непріятностей для молодой великой княгини. Александръ или не хотѣлъ, или не могъ обуздать фанатической ревности своего духовенства. Виленскій епископъ Войтехъ, который выхлопоталъ себѣ право свѣтскаго меча (jus gladii) противъ иновѣрцевъ своей епархіи; братъ короля, Фридрихъ, не отличавшійся строгостію жизни, но усердный католикъ; Бернардины, которые въ началѣ княженія Александра получили себѣ подкрѣпленіе въ женскомъ бернардинскомъ монастырѣ, построенномъ неподалеку отъ ихъ обители (по другую сторону рѣчки Вильны) — сочли своею обязанностію привлечь въ лоно римской церкви свою государыню. Князь Александръ не смѣлъ согласиться на просьбу своего тестя—построить для Елены православную церковь въ замкѣ, чтобы княгинѣ было близко въ церковь ходить; онъ отказалъ, ссылаясь на постановленіе своего отца, опасаясь своего епископа. Онъ не могъ остановить излишней ревности своего духовенства даже тогда, когда она переходила всякія границы приличія. Кардиналъ, епископъ и монахи приходили къ великой княгинѣ, говорили ей „укоризны", называли „некрещеною", произносили рѣчи недобрыя въ укоръ закона греческаго. Православнымъ жителямъ Вильны и всего княжества—тѣмъ, которые ожидали лучшихъ дней съ появленіемъ на самомъ престолѣ православной дочери московскаго князя, Бернардины спѣшили доказать противное. Они приходили, говоритъ русская лѣтопись [1]) къ мѣстичамъ (мѣщанамъ) виленскимъ, къ князьямъ и боярамъ русскимъ и ко „всей Руси", т. е. къ простому русскому народу, вездѣ предлагая католическое крещеніе и употребляя даже насилія для обращенія. Твердость Елены Ивановны, угрозы ея отца и опасное волненіе, поднявшееся въ областяхъ русско-литовскихъ, заставили дѣятелей католической пропаганды умѣрить свою ревность. Увидѣвъ невозможность обратить великую княгиню и ея единовѣрцевъ въ католичество, они вспомнили о забытой флорентійской уніи. Въ средѣ православной іерархіи нашелся одинъ человѣкъ, готовый содѣйствовать планамъ Войтеха Табора и кардинала Фридриха. Это—былъ смоленскій епископъ Іосифъ Болгариновичъ. Ему обѣщанъ былъ санъ митрополита, если онъ согласится признать флорентійское соединеніе и убѣдитъ великую княгиню признать папскую власть: вотъ почему, какъ говорили въ Москвѣ, въ него „бѣсъ вселился", онъ отвергся отъ православной вѣры христіанской, и, вмѣстѣ съ виленскимъ епископомъ Войтехомъ Таборомъ и „черницами" бернардин-

[1]) См. Воскресенскую лѣтопись (Полное собраніе лѣтоп.) т. VIII, 238.

скими, „нудилъ“ Елену Ивановну къ „римскому закону“. Іосифъ не успѣлъ въ своихъ стараніяхъ, но достигъ своей цѣли, т. е. сана митрополита.

За благословеніемъ и утвержденіемъ въ званіи митрополита кіевскаго и всея Руси „отметникъ“ Іосифъ, не смотря на признаніе уніи, обратился все-таки въ Константинополь къ православному патріарху: иначе онъ былъ бы отвергнутъ своею паствою. Но, получивъ желаемое утвержденіе, онъ вступилъ въ сношеніе съ Римомъ. Въ 1500 г. писалъ онъ изъ Вильны къ папѣ Александру VI о своей склонности къ соединенію съ римскою церковію, просилъ папу милостиво принять подъ власть римскаго престола живущихъ на сѣверѣ русскихъ, которые слѣдуютъ греческому обряду, и хлопоталъ о томъ, чтобы отъ православныхъ, приступающихъ къ единенію съ католическою церковію, не требовалось повторительнаго (католическаго) крещенія, наконецъ—чтобы имъ возвращено было право строить церкви каменныя. Великій князь Александръ, по соглашенію съ Іосифомъ, также писалъ объ его дѣлѣ въ Римъ. Святый отецъ, обрадованный, хотѣлъ было послать въ Вильну своего легата, который бы на мѣстѣ могъ принять нужныя мѣры; но посолъ великаго князя, находившійся въ Римѣ, убѣдилъ папу, что такія мѣры еще не благовременны, что ихъ слѣдуетъ отложить, ибо онѣ могутъ повести къ войнѣ съ великимъ княземъ Московскимъ. Поэтому папа ограничился увѣщаніемъ къ Іосифу быть твердымъ въ начатомъ дѣлѣ, а великому князю Александру и виленскому католическому епископу писалъ, въ тоже время, что признать и утвердить Іосифа въ достоинствѣ митрополита кіевскаго и всея Руси, дать ему право строить русскія каменныя церкви—онъ, папа, не можетъ, потому что Іосифъ поставленъ на митрополіи еретикомъ, который несправедливо именуетъ себя патріархомъ константинопольскимъ; что пусть Іосифъ сначала откажется отъ своего сана, признаетъ постановленія не только флорентійскаго, но и другихъ вселенскихъ (католическихъ) соборовъ, пусть дѣйствительно приведетъ свою паству къ послушанію предъ римскимъ престоломъ,—и тогда папа самъ, или чрезъ своего патріарха константинопольскаго, который живетъ въ Римѣ, даруетъ ему санъ митрополита. На просьбу Іосифа о признаніи дѣйствительности крещенія по обряду восточной церкви папа сначала отвѣчалъ также уклончиво. Но, узнавъ что въ епархіи виленской, точно также, какъ въ Луцкой и Мѣдницкой (Жмудской), есть такіе христіане восточной вѣры, которые желаютъ, будтобы, отвергнувъ нѣкоторыя греческія заблужденія пристать къ католической церкви и отказываются отъ своего намѣренія только потому, что не хотятъ креститься во второй разъ,—римскій престолъ нашелъ возможнымъ признать дѣйствительность крещенія въ третьемъ лицѣ (крещается рабъ Божій, вмѣсто: ego te baptizo).

Послѣдняя уступка могла дѣйствительно облегчить переходъ нѣкоторыхъ православныхъ въ Литвѣ и Жмуди въ католичество, если въ самомъ дѣлѣ были тамъ лица, къ тому склонныя; но до осуществленія мысли о введеніи флорентійскаго соединенія, довольно холодно принятой въ самомъ Римѣ, было еще очень далеко. Виленскіе замыслы были разрушены событіями ближайшихъ годовъ. Иванъ Васильевичъ, грозившій зятю войною, если онъ не перестанетъ принуждать своихъ подданныхъ и свою великую княгиню къ перемѣнѣ вѣры, не отличалъ уніи отъ католичества, и, когда узналъ, что его дочь подверглась новымъ непріятностямъ за вѣрность православію, началъ военныя дѣйствія. Литовскія войска терпѣли одно пораженіе за другимъ; въ 1503 году князь Александръ Казиміровичъ, сдѣлавшійся между тѣмъ и королемъ польскимъ, принужденъ былъ покупать миръ дорогимъ пожертвованіемъ городовъ и цѣлыхъ областей. Во время переговоровъ, послы литовскіе съ торжествомъ указывали на папскую буллу, признающую крещеніе въ третьемъ лицѣ. Принужденія къ римскому закону нѣтъ, говорили они; папа требуетъ только, чтобы Елена была послушна римской церкви; причемъ вовсе не нужно, чтобы она и остальные русскіе снова крестились; пусть только находятся они въ послушаніи престолу апостольскому, по приговору флорентійскаго собора, а жить могутъ по прежнему своему греческому обряду. Но инструкція, въ которой указывалось посламъ такое объясненіе, предвидѣла, что миръ можетъ за этимъ остановиться; въ такомъ случаѣ, послы должны были объявить,

что дѣло будетъ отложено до новыхъ переговоровъ съ папою. Такъ и пришлось поступить. Папа, на сей разъ уже Юлій II, написалъ, что такъ какъ великій князь московскій обширностію своихъ владѣній и силами превосходитъ короля польскаго и можетъ сдѣлать много вреда владѣніямъ послѣдняго и такъ какъ, съ другой стороны, онъ старъ и дряхлъ, то можно отложить дѣло до его смерти, или до какого другого благопріятнаго случая. Кромѣ того, при заключеніи мира, послы короля Александра утверждали, что теперь всякому позволено у нихъ строить церкви, какія кто хочетъ, что прежде нельзя было строить церквей (православныхъ), а теперь позволено. Но послы, кажется, говорили неправду, или, по крайней мѣрѣ, выражались не точно. Есть, правда, извѣстіе объ одной церкви, построенной въ Вильнѣ при Александрѣ, уже послѣ заключенія мира (въ 1507 г.). Мы разумѣемъ маленькій храмъ Рождества Богородицы, выстроенный подлѣ соборной церкви нѣкіимъ Ѳедькою Янушкевичемъ. Но для этого строитель долженъ былъ испросить предварительно позволеніе у самого короля. Этотъ примѣръ, равно какъ и другіе послѣдующіе, показываетъ, что для постройки православныхъ церквей требовалось все-таки спеціальное разрѣшеніе отъ верховной власти въ государствѣ.

Благодаря серьезному наблюденію и грозному могуществу московскаго государя, совѣсть Елены Ивановны не была болѣе тревожима. Она писала своему отцу, что она боится только смерти своего мужа; тогда она снова не можетъ быть увѣренною за свое спокойствіе. Но Иванъ Васильевичъ, по ея желанію, вытребовалъ у Александра новую утвержденную грамоту о греческомъ законѣ, къ которой долженъ былъ приложить свои печати архіепископъ краковскій и виленскій католическій епископъ.

Другой недругъ Елены Ивановны, митрополитъ Іосифъ, жилъ не долго. По свидѣтельству русской лѣтописи, которое подтверждается многими вновь изданными документами [1]), онъ былъ только одинъ годъ на митрополіи; въ его скорой смерти и въ его недугѣ, состоявшемъ въ разслабленіи всего тѣла, православные склонны были видѣть казнь Божію за измѣну своей церкви. Преемникомъ Іосифа былъ Іона II, поставленный въ митрополиты (около 1503 г.) по желанію и рекомендаціи Елены Ивановны. Позднѣйшіе уніатскіе писатели называютъ его „основателемъ“ схизмы въ великомъ княжествѣ литовскомъ, что указываетъ только на усердіе Іоны къ православію, утвердившемуся въ княжествѣ и въ литовской столицѣ еще во время Гедимина и Ольгерда.

Чернецы Бернардины, съ своею пропагандою, оказались худыми благодѣтелями для Вильны; но католическое усердіе князя Александра мѣшало ему взглянуть на дѣло съ этой точки зрѣнія. Онъ былъ равнодушенъ къ тому волненію, которое они подняли, и не считалъ ихъ виновниками той бѣды, которую они, съ Войтехомъ Таборомъ, накликали на государство. Въ то самое время, когда литовское войско должно было бороться съ полками московскими и Вильна принуждена была принимать мѣры для безопасности отъ татарскихъ набѣговъ, здѣсь появились новые „чернцы“. Князь Александръ просилъ папу о позволеніи построить въ Вильнѣ домъ для постояннаго пребыванія здѣсь монаховъ доминиканскаго ордена. Предполагалось, что образцовая жизнь и дѣятельная проповѣдь братій этого ордена, занимавшихся по преимуществу проповѣдію (praedicatores), будетъ содѣйствовать къ „искорененію многихъ ересей, столь сильныхъ въ краяхъ“ русско-литовскихъ. Доминиканцы, которыхъ мы не видѣли въ Вильнѣ со временъ Гедимина, поселились здѣсь въ 1501 году и получили для своего содержанія приходскую католическую церковь Св. Духа, построенную въ правленіе Казиміра (1441). Въ числѣ прочихъ пожертвованій, въ пользу новыхъ пришельцевъ пе-

[1]) Воскресенская лѣтопись (Полное Собраніе, VIII, 238—9) говоритъ: «а Смоленскому владыцѣ Іосифу обѣща про то кіевскую митрополію, на него же Богъ посла недугъ розслабу, и поставленъ бысть на митрополію въ томъ недузѣ нездравъ, и *едино лѣто* пребысть въ томъ сану и измѣнися живота». Изъ документовъ, напечатанныхъ г. Гильтебрандтомъ въ «Перечневой описи рукописнаго отдѣленія виленской публичной библіотеки» (на стр. 16) видно, что въ 1500-мъ году митрополитомъ былъ Іосифъ, а въ 1503-мъ году уже Іона. Ср. Виленскій Археографич. Сборникъ Т. IX, 422. Списокъ западнорусскихъ епископовъ въ описаніи Кіевопечерской лавры митрополита Евгенія требуетъ исправленій.

реданъ былъ имъ источникъ „вингеръ“, который снабжалъ городъ водою,—что̀ повело потомъ къ большимъ жалобамъ.

Ранѣе чѣмъ переговоры о мирѣ или, правильнѣе, о перемиріи литовскаго князя съ московскимъ, были приведены къ концу, Александръ выдалъ грамоту на постройку въ Вильнѣ русскаго гостинаго двора, такъ какъ предвидѣлось, что съ заключеніемъ мира вновь появятся купцы изъ Москвы, Новгорода, Пскова и другихъ городовъ, съ давнихъ временъ посѣщавшіе литовскую столицу въ значительномъ количествѣ. Рѣшено было построить домъ, въ которомъ должны были останавливаться всѣ „гости-купцы“ московскіе, новгородскіе, тверскіе, псковскіе и проч. съ своими товарами. Виленское городовое управленіе, хлопотавшее о постройкѣ этого дома, имѣя исключительное право торговли съ иностранцами, не хотѣло, чтобы русскіе гости могли торговать съ нѣмцами безъ посредства виленскихъ купцовъ, какъ было прежде. Обязательная торговля въ одномъ мѣстѣ дѣлала болѣе легкимъ наблюденіе за этимъ. Какъ бы то ни было, въ Вильнѣ чрезъ нѣсколько лѣтъ, возникло зданіе, составлявшее, безспорно, одно изъ украшеній этого города. Виленскимъ магистратомъ былъ купленъ за сто копъ грошей домъ конюшаго виленскаго Михаила Григорьевича, находившійся на „Великой улицѣ, близко Святой Живоначальной Троицы монастыря“; передѣланный и, вѣроятно, расширенный, онъ составилъ знаменитый въ XVI вѣкѣ русскій или московскій дворъ (der Moskowiten Hoff на картѣ Брауна), удивлявшій иностранцевъ количествомъ и богатствомъ дорогихъ мѣховъ, въ немъ продававшихся.

Во время войны московской, крымскіе татары, подъ предводительствомъ Менгли-Гирея и его сына, опустошали земли надъ Виліею и угрожали самой Вильнѣ. Войтъ, бурмистръ и радцы мѣста виленскаго „били челомъ“ своему государю, что необходимо принять мѣры для безопасности города, чтобы не было ему никакого вреда „отъ поганства“, вслѣдствіе чего рѣшено было обнести городъ стѣною. Еще въ 1498 году приступили къ постройкѣ этой стѣны. Апрѣля 23-го, въ день св. Георгія, совершена была торжественная процессія вокругъ города при звонѣ колоколовъ въ семи костелахъ и четырнадцати православныхъ церквахъ. Все населеніе Вильны тѣснилось вокругъ процессіи; на тѣхъ пунктахъ, на которыхъ предполагалось выстроить башни, она останавливалась и католическій епископъ благословлялъ камни, которые опускались въ основаніе. Тамъ, гдѣ слѣдовало быть Мѣдницкимъ (Острымъ) воротамъ, заложены вмѣстѣ съ камнями частицы мощей, монеты и серебрянная дощечка съ надписью. Дойдя до Бакшты, процессія, совершившая закладку, повернула на рынокъ, гдѣ предъ ратушею устроенъ былъ алтарь съ образомъ св. Николая, древняго патрона Вильны, и предъ нимъ отправлено благодарственное молебствіе. Старинная Витовтова пушка, стоявшая предъ Пятницкою церковью, время отъ времени дѣлала выстрѣлы. По окончаніи молебствія, народъ раздѣлился на пять партій и принялся за работу съ необычайною ревностію. Но она была приведена къ концу не скоро; только на пятый годъ обнесено было стѣнами все то пространство города, которое не было защищено природою; а именно—западная и сѣверная часть города отъ нижняго замка, или отъ мѣста, гдѣ находились послѣ маленькія Водныя ворота (Водный прибрамокъ, Мокрая брамка), до Субачь-Бакшты. На этомъ пространствѣ устроены четверо ворота: 1) Вилейскія, 2) Трокскія, 3) Рудницкія, 4) Мѣдницкія (Острыя, Остра брама). Но потомъ оказалось необходимымъ дополнить защиту города и съ восточной стороны, отчасти омываемой рѣчкою Вильною, отчасти прикрываемой гористою мѣстностію. Городская стѣна была проведена здѣсь отъ Бакшты къ нижнему замку съ лѣвой стороны Вильны (Вилейки) и близъ Спасской церкви — устроены пятыя ворота, Спасскія.

Въ 1506 году король Александръ скончался. Говоря вообще, его правленіе было несчастливо для русско-литовскаго государства. Не столько по разсчету или фанатизму, сколько по слабохарактерности, онъ продолжалъ дѣйствовать въ духѣ своего отца. Бернардины, утвердившіеся въ Вильнѣ при Казимірѣ, были первымъ монашескимъ орденомъ, вызваннымъ сюда съ прямою цѣлію обращенія православныхъ въ католичество; доминиканцы являются при Александрѣ съ тою же воинственною цѣлію. Впрочемъ, результаты ихъ пребыванія въ Вильнѣ вообще не соотвѣтствовали ожиданіямъ; вновь прибыв-

шіе „посторонніе“ и чужіе люди только вносили раздоръ въ домашнія отношенія православныхъ и католиковъ. Послѣдователи того и другого исповѣданія могли бы жить мирно, если бы не мѣшали тому притязанія римской пропаганды. Тѣ и другіе,—католики и православные,—принадлежали къ одному народу, чувствовали себя гражданами одного государства; православные бурмистры и радцы засѣдали въ виленской ратушѣ рядомъ съ своими католическими собратьями и не ссорились между собою. Языкъ оффиціальныхъ грамотъ сохранилъ, конечно, образъ выраженія, въ которомъ смѣшивалось различіе по вѣроисповѣданію съ различіемъ по языку и народности; великій князь литовскій давалъ свои грамоты „католикамъ и русскимъ“, разумѣя подъ вторымъ наименованіемъ только православныхъ. Но въ сущности и католики были русскими; въ городахъ, по крайней мѣрѣ, они говорили не иначе какъ по русски, литовскій языкъ сохранялся только по деревнямъ и селамъ. „Литвины еще удерживаютъ свой языкъ, говорилъ предъ папою посолъ великаго князя Александра, но больше пользуются русскимъ, потому что онъ легче и пріятнѣе“. Дарственныя грамоты и записи князей въ пользу каноническовъ виленскаго капитула писались на языкѣ русскомъ, точно такъ же, какъ и всѣ другіе акты.

Преемникомъ Александра на великомъ княжествѣ литовскомъ былъ его братъ Сигизмундъ Казиміровичъ. Начало его правленія было ознаменовано появленіемъ въ Вильнѣ еще новаго монашескаго католическаго ордена, и вотъ по какому случаю. Въ послѣдній годъ жизни Александра, подъ предводительствомъ Глинскаго была одержана большая побѣда надъ татарами: память этого событія гетманъ литовскій, виленскій намѣстникъ Николай Радивилъ рѣшился увѣковѣчить богоугоднымъ дѣломъ. За стѣнами города, по направленію къ Лукишкамъ, на возвышеніи, вблизи перевоза черезъ Вилію, — былъ построенъ костелъ въ честь Святой Дѣвы Маріи Снѣжной и Святаго Юрія; Радивилъ помѣстилъ при немъ монаховъ кармелитовъ, назначивъ для ихъ содержанія нѣсколько имѣній. Сигизмундъ съ своей стороны далъ имъ въ самой Вильнѣ землю, такъ называемую Одалидовщину.

Тѣмъ не менѣе, Сигизмундъ, государь дѣльный, умный и серьезный, вовсе не былъ на столько ослѣпленъ религіознымъ усердіемъ, чтобы слѣдовать внушеніямъ нетерпимости и нарушать миръ своихъ подданныхъ и своего государства, не былъ на столько слабъ, чтобы сдѣлаться рабомъ своего духовенства. Православная церковь пользовалась при немъ относительнымъ спокойствіемъ. Въ 1509 году, въ самой столицѣ княжества, въ „богоспасаемомъ градѣ“ Вильнѣ, состоялся достопамятный соборъ православной западно-русской церкви, съ цѣлію установить правила духовной дисциплины и оградить духовенство отъ вліянія мірской власти. На этомъ соборѣ присутствовало семь епископовъ, семь архимандритовъ (въ числѣ ихъ архимандритъ Троицкаго виленскаго монастыря Изосимъ), шесть игуменовъ (Трокскаго монастыря Симонъ), семь лицъ бѣлаго духовенства (въ числѣ ихъ протопопъ виленскій Матвѣй). Предсѣдательствовалъ на соборѣ митрополитъ Іосифъ Солтанъ, такой же несомнѣнный ревнитель православной вѣры, какъ и его предшественникъ Іона. Въ дѣяніяхъ этого собора не находится ни малѣйшихъ слѣдовъ, ни малѣйшаго указанія на какую-либо зависимость отъ римскаго престола, хотя уніяты позднѣйшаго времени усматривали въ немъ признаки уніи, смѣшивая Іосифа Солтана съ Іосифомъ I, который былъ, какъ мы видѣли, въ сношеніи съ папою. И вообще не съ папою, а съ константинопольскимъ патріархомъ сносились по своимъ духовнымъ нуждамъ какъ іерархи западно-русской церкви, такъ и православные граждане (мѣщане) виленскіе. Послѣдніе, въ томъ же самомъ году (1509), получили отъ патріарха подвижной антиминсъ, о которомъ они просили, дабы имѣть возможность отправлять службу божественную во время своихъ торговыхъ путешествій въ земляхъ „лядскихъ и нѣмецкихъ“. Мы знаемъ объ этомъ изъ грамоты митрополита Іосифа, въ которой онъ благословляетъ „мѣщанъ“ виленскихъ пользоваться полученною милостію.

Митрополитъ Іосифъ II Солтанъ, какъ видно, усердно заботился объ устройствѣ и порядкѣ церковномъ. Въ 1511 году онъ получилъ отъ короля Сигизмунда грамоту, которая обеспечивала за греческимъ духовенствомъ полную независимость отъ всѣхъ свѣтскихъ властей, давала духовенству право

судить и рядить во всѣхъ дѣлахъ духовныхъ по старымъ обычаямъ, на основаніи церковнаго устава Ярославова. Сверхъ того, королевская привилегія касалась вопроса о правѣ „подаванія“ (патроната), столь важномъ въ церковномъ быту княжества и его столицы. На основаніи этого права частныя лица и свѣтскія учрежденія, землевладѣльцы и городскія корпораціи, получили преобладающее вліяніе на замѣщеніе мѣстъ духовныхъ; они представляли или даже назначали священника къ той церкви, которая находилась въ ихъ имѣніи, или настоятеля тому монастырю, который состоялъ подъ ихъ патронатомъ; внѣшнимъ, символическимъ образомъ это право выражалось передачею ключей церковныхъ вновь поставленному духовному пастырю или настоятелю. Постановленія короля Сигизмунда I-го относительно этого права состояли въ слѣдующихъ пунктахъ: „нѣкоторые князья и паны наши римскаго закона имѣютъ въ своихъ имѣніяхъ церкви греческаго закона издавна; если какая изъ этихъ церквей была въ подаваніи митрополита или владыки, то пусть и теперь остается въ ихъ подаваніи; если же была издавна въ подаваніи державцы того имѣнія, то и теперь пусть остается въ подаваніи державцы, но владѣлецъ опредѣляетъ къ ней священника за благословеніемъ митрополита и послѣ не имѣетъ права удалить его отъ церкви, ему *поданной*, безъ воли митрополита“. Вѣроятно, въ связи съ этимъ документомъ находится грамота митрополита Іосифа о предѣлахъ участія виленскихъ мѣщанъ въ дѣлахъ приходскихъ церквей города Вильны (отъ того же 1511 г.). Мѣщане виленскіе, въ лицѣ православныхъ бурмистровъ и лавниковъ, обратились къ Іосифу съ просьбою, чтобы онъ держалъ ихъ точно такъ же, какъ держали ихъ его предшественники. Они, во первыхъ, желали сохранить свое участіе въ наблюденіи за церковнымъ имуществомъ; и по ихъ желанію митрополитъ согласился, чтобы при ежегодномъ осмотрѣ церквей его намѣстникомъ присутствовали мѣщане въ лицѣ двухъ или трехъ представителей; составляемую при этомъ опись церковнаго имущества, вносимую намѣстникомъ въ церковный реестръ, они должны были вписывать въ книги магистратскія (мѣстскія); тоже самое должно было дѣлаться въ случаѣ смерти священника. Митрополитъ высказывалъ при этомъ, что хотя мірскимъ людямъ и не слѣдуетъ вмѣшиваться въ церковное управленіе или владѣть церковію, но вполнѣ прилично, чтобы христіане и въ особенности прихожане извѣстной церкви заботились о пользѣ своего храма и объ охранѣ церковнаго имущества. Далѣе православное виленское общество обращалось къ митрополиту съ просьбою, чтобы онъ назначилъ священниковъ по его, т. е. общества, представленію, согласно съ обычаемъ, допущеннымъ благосклонностію прежнихъ митрополитовъ. Митрополитъ Іосифъ принялъ это ходатайство на такихъ условіяхъ, что виленскіе „мѣщане“ отыскиваютъ въ надлежащій срокъ на праздное священническое мѣсто кандидата „дьяка, или попа“ (другой церкви) и являются съ кандидатомъ къ нему, либо присылаютъ своего избранника съ одобрительными листами; митрополитъ съ своими духовными рѣшаетъ, годенъ ли избранный кандидатъ, и въ случаѣ годности опредѣляетъ его къ церкви, въ противномъ случаѣ самъ назначаетъ другого. Если мѣщане не найдутъ въ опредѣленный срокъ годнаго кандидата, то митрополитъ самъ назначаетъ священника. Прихожанамъ предоставлялось право, въ случаѣ неодобрительныхъ поступковъ священника, извѣщать митрополита, который назначаетъ тогда слѣдствіе и, въ случаѣ справедливой жалобы, смѣняетъ священника и назначаетъ другого. Наконецъ представленія виленскихъ мѣщанъ касались той стороны правъ церковнаго патроната, которая выражалась въ подаваніи ключей при вводѣ новаго священника въ церковь. Мѣщане виленскіе въ послѣднее время, предъ кончиною митрополита Іоны, брали послѣ смерти священниковъ ключи къ себѣ и потомъ давали изъ своихъ рукъ вновь опредѣляемому. Такъ они поступили при вводѣ священниковъ въ Николо-Перенесенскую, Козьмо-Демьянскую церкви и утверждали, что это есть старый обычай. Но изслѣдованіе дѣла показало, что при предыдущихъ митрополитахъ ключъ подавалъ и въ церковь вводилъ обыкновенно митрополичій намѣстникъ, и что самое присутствіе мѣщанъ вовсе не считалось при этомъ необходимымъ; митрополитъ рѣшилъ, что и на будущее время долженъ служить правиломъ древній обычай, существовавшій до временъ Іоны.

Намѣстниками митрополита въ Вильнѣ большею частію бывали архимандриты Троицкаго монастыря. Противъ этого возставало бѣлое духовенство виленское, желая, чтобы намѣстникъ избирался изъ его среды. Жалобы раздавались еще при митрополитѣ Макаріѣ (†1497); но эти жалобы не были, по видимому, уважены; въ 1511 году званіе намѣстника носилъ Троицкій архимандритъ Изосимъ, а не тотъ или другой изъ бѣлаго духовенства. Что касается до самого Троицкаго монастыря, то, повидимому, патронатъ надъ нимъ первоначально принадлежалъ великимъ князьямъ литовскимъ, которые не всегда пользовались онымъ самолично, но передавали свое право то митрополитамъ, то городскому обществу. А теперь, въ 1510 году король Сигизмундъ уступилъ право подаванія въ Троицкомъ монастырѣ Еленѣ Ивановнѣ, согласно съ ея просьбою, но съ тѣмъ, чтобы по ея смерти оно воротилось снова къ королю. Виленское духовенство, кажется, ожидало, что Елена Ивановна передастъ управленіе монастыремъ новому лицу, ею самою избранному, но она оставила монастырь за Изосимомъ, который былъ здѣсь уже ранѣе архимандритомъ. Преемникомъ этого Изосима былъ Тихонъ, а по смерти сего послѣдняго, въ 1524 году, самъ Сигизмундъ, по ходатайству князя Острожскаго, передалъ монастырь Алексѣю, Лавришевскому архимандриту.

Соборная Пречистенская церковь не могла быть относительно „подаванія“ предметомъ какого-либо вопроса; всѣ права на нее принадлежали митрополиту, который имѣлъ при ней свое пребываніе, когда пріѣзжалъ въ Вильну (изъ Новогородка, гдѣ въ настоящій періодъ митрополиты имѣли большею частію свою постоянную резиденцію). Послѣ кіевскаго Печерскаго монастыря, „домъ Пречистыя“ въ Вильнѣ пользовался наибольшимъ уваженіемъ у православныхъ христіанъ западной Россіи. Князья Ольшанскіе, родственные королевско-княжескому дому Ягеллоновъ, князья Острожскіе и многіе другіе были самыми ревностными вкладчиками въ пользу виленской соборной церкви.

Около 1511 года, Пречистенская церковь, составлявшая лучшее украшеніе Вильны, пришла, повидимому, въ ветхость и требовала перестройки. Если бы законъ Казиміра строго соблюдался, то она должна была бы подвергнуться совершенному разрушенію. Къ счастію, Сигизмундъ вовсе не хотѣлъ настаивать на исполненіи постановленія, внушеннаго нетерпимостію, хотя законъ, какъ мы замѣтили, не былъ отмѣненъ, и для постройки, равно какъ и для возобновленія православныхъ храмовъ, требовалось особенное разрѣшеніе великаго князя. Такое разрѣшеніе относительно Пречистенскаго собора получилъ въ 1511 году гетманъ великаго княжества литовскаго князь Константинъ Ивановичъ Острожскій; ему позволено было перестроить церковь на старомъ фундаментѣ, а потомъ (въ 1522 г.) „въ той великой соборной церкви новомурованой у Вильны въ передних столпахъ отъ дверей великихъ по обѣимъ сторонамъ два престола справити“.

Во вновь построенномъ храмѣ погребена была покровительница православія въ земляхъ русско-литовскихъ, вдовствующая королева польская и великая княгиня литовская Елена Ивановна, скончавшаяся въ 1513 г. (въ январѣ). Памятникомъ ея пребыванія въ Вильнѣ остался драгоцѣнный образъ Богородицы, привезенный изъ Москвы, пожертвованный ею въ соборную церковь и потомъ доставшійся Троицкому монастырю, гдѣ находится и понынѣ.

Подобно Пречистенскому собору, и два другихъ древнѣйшихъ храма въ Вильнѣ обязаны были своимъ возсозданіемъ князю Острожскому. Одержавъ побѣду надъ московскими войсками, онъ получилъ отъ короля Сигизмунда (въ 1514 г.) разрѣшеніе, согласно съ обѣтомъ, даннымъ передъ сраженіемъ, вновь выстроить изъ камня храмъ св. Троицы на томъ мѣстѣ, „гдѣ прежде стояла деревянная церковь съ монастыремъ того же имени“, а также перестроить церковь св. Николая (Перенесенскую). Очень вѣроятно, что около этого времени, или немного позже, возобновлена была и церковь Покровская, не упомянутая въ 1511 году и снова являющаяся въ одномъ документѣ 1529 года.

Сигизмундъ I очень много заботился о благоустройствѣ города Вильны и о благосостояніи его жителей. Вслѣдствіе несогласій между виленскими мѣщанами и городовымъ управленіемъ, онъ издалъ грамоту, точнѣе опредѣляющую составъ и кругъ дѣйствія городскихъ властей, ихъ отношенія къ гражданамъ. Рада виленская должна была со-

стоять изъ двадцати четырехъ радцевъ и двѣнадцати бурмистровъ, какъ это было прежде; половина рады, т. е. двѣнадцать радцевъ и шесть бурмистровъ—закона римскаго, а другая половина—закона греческаго, такъ какъ „обудвумъ законамъ право майдеборское дано". Каждый годъ, для дѣйствительнаго управленія городомъ, должны были засѣдать два бурмистра, одинъ римскаго закона, другой греческаго, и четыре радца — по два отъ каждаго вѣроисповѣданія. Рада имѣла право самоизбранія, т. е. по смерти одного изъ членовъ корпораціи остальные выбирали на его мѣсто другого. Распоряженіе доходами поручено было четыремъ „шафарамъ"; два изъ нихъ выбираются радою изъ среды своей, а другіе два изъ среды кандидатовъ, представленныхъ осѣдлымъ населеніемъ города. Шафары должны каждый годъ давать отчетъ, и повѣрка суммъ производилась въ присутствіи депутатовъ отъ рады, а также отъ купцовъ и мѣщанъ. Судъ войтовскій отдѣленъ былъ отъ городскаго управленія. Радѣ съ бурмистрами положено было засѣдать въ одной избѣ (ратушѣ) и править свои справы, а лавникамъ (присяжнымъ) засѣдать и судить въ другой избѣ. Войтъ назначался королемъ изъ четырехъ кандидатовъ, представленныхъ городомъ, и оставался въ своей должности пожизненно.

Въ 1530 году Вильна пострадала отъ страшнаго пожара, который обратилъ двѣ трети города въ пепелъ, истребилъ церкви православныя и католическія, не пощадивъ ни каѳедральнаго собора, ни двора епископскаго. Тогдашній виленскій епископъ, князь Янъ, побочный сынъ Сигизмунда, усердно взялся за возстановленіе собора и вызвалъ для этого изъ Рима знаменитаго архитектора Зеноби. Между тѣмъ, войтъ, бурмистры и радцы представили королю, что городъ такъ сильно пострадалъ именно отъ недостатка воды, потому что доминиканцы, получивъ, какъ сказано, въ даръ отъ короля источникъ „вингеръ", измѣнили его теченіе, и вода, которая прежде „вольнымъ токомъ чрезъ мѣсто хаживала", теперь уже не шла старымъ токомъ; поэтому городскія власти просили, чтобы король далъ въ пользу города воду, находящуюся на его королевской землѣ, лежавшей за городомъ („ѣдучи съ Субачъ-улицы къ горамъ"). Сигизмундъ съѣздилъ на мѣсто самъ („паръсуною нашею господарскою", какъ онъ выражается въ грамотѣ), и нашелъ возможнымъ исполнить просьбу горожанъ. Они получили воду въ свое вѣчное владѣніе, съ правомъ провести ее въ городъ и пользоваться по своему усмотрѣнію. Но городское управленіе желало кромѣ того возвратить и помянутый источникъ; послѣ многихъ споровъ, монахи продали его со всѣми водопроводами (canalibus) за сто копъ грошей и десять пудовъ перцу, съ условіемъ, однако, чтобы городъ на свой счетъ провелъ и потомъ поддерживалъ одну трубу, или подземный каналъ до стѣнъ ихъ монастыря, или до погоста св. Духовскаго костела (1536).

При этомъ костелѣ, во время Сигизмунда I, возникъ знаменитый гошпиталь Св. Духа, основанный знаменитымъ виленскимъ строителемъ Ульрикомъ Гозіемъ. Еще въ 1515 г. Гозій выстроилъ на рѣчкѣ Вильнѣ (Вилейкѣ) каменную мельницу, королевскій млинъ (сломанный въ 1870 году, по распоряженію мѣстной администраціи, въ видахъ украшенія города). Такъ какъ земля, на которой выстроена мельница, принадлежала капитулу каѳедральнаго собора, а Гозій не внесъ за нее платы и не хотѣлъ вносить ежегодной аренды, то капитулъ подвергъ его чрезъ нѣсколько времени отлученію отъ церкви, что и было провозглашено во всѣхъ костелахъ виленскихъ. Освобожденный отъ проклятія по ходатайству короля, Гозій снова оказался неисправнымъ и снова подвергся гнѣву соборнаго духовенства; ему грозили еще болѣе тяжелою клятвою. Этотъ самый Гозій получилъ отъ короля разрѣшеніе построить на свой счетъ мостъ на рѣкѣ Виліи, на которой существовалъ до сихъ поръ только неудобный перевозъ. Строителю дана была привилегія на сборъ денежной платы съ проѣзжающихъ; но, воротивъ свои издержки, Гозій обязанъ былъ изъ дальнѣйшихъ доходовъ выстроить благотворительное заведеніе при монастырѣ доминиканскомъ (гошпиталь, т. е. богадѣльню), и потомъ содержать оное, пользуясь правомъ администратора. Ульрикъ Гозій умеръ, не кончивъ постройки; право его и обязанности перешли на его сына Яна. Король подтвердилъ за сыномъ право сбирать мостовую пошлину, въ опредѣленномъ размѣрѣ, запретивъ кому бы то ни было строить какой либо другой мостъ на Вилѣ отъ Бы-

стрицы до Кернова, даже запретивъ пользоваться своимъ подданнымъ паромами на пространствѣ между Верками и Понарами.

Есть много признаковъ, что католическое духовенство, особенно монашествующее, не пользовалось въ Вильнѣ большимъ расположеніемъ даже со стороны католиковъ. Доминиканцевъ считали виновными въ томъ, что пожаръ 1530-го года оказался такъ разрушительнымъ: францисканцы возбудили противъ себя жалобы и обвиненія совершенно въ такомъ же родѣ.

Дѣятельность францисканскаго ордена, такъ рано начавшаяся въ Вильнѣ, почему-то замолкла со временъ Витовта и, нужно думать, имѣла значительный перерывъ. При Сигизмундѣ I этотъ орденъ снова выходитъ на сцену и обнаруживаетъ большую политическую ревность. Онъ обращается (въ 1517 г.) въ Римъ съ просьбою о причисленіи къ лику святыхъ королевича Казиміра. „Явившись въ *не очень давнее* время (annis paulo superioribus) въ епархіи виленской для сохраненія и умноженія вѣры христіанской, мы постоянно объ этомъ заботимся“, писали францисканцы къ папѣ; „но великое княжество литовское не только окружено со всѣхъ сторонъ татарами, вѣроломными и болѣе чѣмъ камень твердыми схизматиками, но наполнено и переполнено ими и внутри.“ По этому они считали весьма важнымъ для утвержденія вѣры, чтобы папа призналъ святость Казиміра, чего, однако, на сей разъ еще не послѣдовало.

Въ 1533 году, Вильну посѣтило страшное моровое повѣтріе. Въ этомъ бѣдствіи, францисканцы оказались такъ же виновными, какъ доминиканцы въ пожарѣ, случившемся за три года. Одинъ изъ виленскихъ гражданъ, впослѣдствіи войтъ, именемъ Ротундусъ, взвелъ на нихъ обвиненіе, что именно они были причиною заразы, распространившейся въ Вильнѣ; они первые ей подверглись; они потомъ скрывали заболѣвшихъ въ своемъ монастырѣ, не обращаясь къ врачамъ, и такимъ образомъ дали усилиться заразѣ и разнесли ее по городу. За это оставшіеся въ живыхъ монахи были выгнаны изъ монастыря за городъ, гдѣ они почти всѣ перемерли не столько отъ болѣзни, сколько отъ нужды и лишеній всякого рода. Невинность монаховъ, впрочемъ, скоро была признана, и они получили обратно не только свой монастырь, но также и все отобранное у нихъ имущество а также и утраченную было милость короля.

Въ томъ-же самомъ году произошло столкновеніе между католическимъ епископомъ и капитуломъ съ одной стороны и городскимъ управленіемъ съ другой. Оно началось изъ за того, что подданные виленскаго капитула, который, подобно епископу, имѣлъ въ Вильнѣ свою независимую юрисдикцію, выносили въ городъ на продажу водку, между тѣмъ какъ исключительное право на торговлю этимъ продуктомъ, очень любимымъ въ старой Вильнѣ, имѣло городское общество; подданные капитула продавали также и хлѣбы, но дѣлали ихъ меньше нормы, установленной городскою властію. Магистратъ рѣшился принять противъ этого свои мѣры: посланные имъ пристава и служители отняли у подданныхъ капитула и хлѣбы, и водку, а капитулъ отвѣчалъ на это отлученіемъ отъ церкви лицъ, исполнившихъ распоряженіе городской власти. Виленская рада за нихъ вступилась, и дѣло приняло такой серьезный оборотъ, что оно дошло до короля.

Въ средѣ самого духовенства не было согласія, что обнаружилось въ монастырѣ бернардинскомъ. На этотъ разъ причиною раздоровъ была старая антипатія Литвы къ Польшѣ. Монастыри бернардинскіе находились подъ управленіемъ провинціала, жившаго въ Польшѣ; въ самыхъ монастыряхъ были и литовцы, и пришлые поляки. Пользуясь расположеніемъ провинціала, поляки не допускали литовцевъ къ исправленію какихъ бы то ни было духовныхъ должностей и службъ духовныхъ, и сами получали всѣ выгоды. Литовцамъ, наконецъ, показалось тяжело выносить презрѣніе, которое высказывалось имъ людьми чужими въ ихъ собственномъ отечествѣ (aegre ferentibus, quod in propria patria despicerentur). Къ великому соблазну католиковъ, къ немалому удовольствію „соперниковъ церкви католической, которыми страна изобилуетъ,“ въ бернардинскихъ монастыряхъ образовалась рѣшительная „схизма.“ Литовцы обвиняли поляковъ въ расхищеніи церковнаго имущества и требовали отдѣльнаго провинціала для своихъ монастырей. Великокняжеская рада, вельможи духовные и свѣтскіе приняли сторону своихъ монашествующихъ соотчичей; самъ король былъ на ихъ сторонѣ; папа дол-

женъ былъ принять мѣры для утишенія вражды.

Ко времени Сигизмунда I, отличавшагося любовью къ просвѣщенію, относится начало книгопечатанія въ великомъ княжествѣ литовскомъ. Въ 1525 году, Францискъ Скорина, родомъ изъ Полоцка, однако имѣвшій роднаго брата въ числѣ виленскихъ гражданъ, напечаталъ въ Вильнѣ Дѣянія и Посланія Апостольскія на русскомъ языкѣ (кирилицей) въ типографіи Якова Бабича. Такимъ образомъ, первая книга, напечатанная въ Литвѣ, есть, что и вполнѣ естественно, книга русская, хотя и назначенная для католиковъ (самъ Скорина былъ католикъ и дѣлалъ переводъ съ Вульгаты, руководствуясь чешскимъ католическимъ переводомъ библіи). Въ томъ же самомъ 1525 году, Ф. Скорина напечаталъ въ Вильнѣ канонникъ или акаѳистникъ, т. е. римско-католическій молитвенникъ на русскомъ же языкѣ, и сверхъ того соборникъ, или мѣсяцесловъ на весь годъ съ показаніемъ евангелій и апостола на разные дни по уставу церковному. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о первой типографіи въ Вильнѣ мы не имѣемъ. Догадываются, что типографія Бабича перешла потомъ къ почетной фамиліи Мамоничей. Въ 1575 году Петръ Тимоѳеевъ Мстиславецъ, бѣжавшій изъ Москвы въ западную Россію, напечаталъ въ Вильнѣ у Мамоничей „Евангеліе напрестольное"; тогда же явилась и псалтирь славянская, „на утѣшеніе и пользу" православныхъ жителей литовскаго княжества. Польскія типографіи заведены были въ Вильнѣ протестантами; первая книга, напечатанная въ Вильнѣ на этомъ языкѣ, относится къ 1555 году.

Правленіе Сигизмунда было временемъ наибольшаго спокойствія и процвѣтанія церкви православной въ княжествѣ литовскомъ, временемъ полнаго господства русской народности и русскаго языка въ Вильнѣ. Вторженіе чуждыхъ началъ, а съ ними и опасности для православной церкви, началось одновременно съ успѣхами протестантизма. Послѣдній много способствовалъ распространенію полонизма и лишилъ православную церковь многихъ сыновъ ея.

Протестантизмъ потомъ ослабѣлъ и палъ, но потеря для православной церкви была окончательна и невозвратима. Не къ православію возвратились русскіе люди, уклонившіеся въ протестантство и потомъ къ нему охладѣвшіе; они умножили ряды враговъ православной церкви, вступивъ въ католичество и подчинившись вліянію іезуитовъ. Протестантизмъ оказался для многихъ только переходною ступенью, ведущею сначала къ отчужденію отъ русской народности, къ усвоенію польскихъ обычаевъ и языка—такъ какъ именно польская рѣчь была преимущественнымъ орудіемъ кальвинистской проповѣди,— а потомъ — къ прямому союзу съ врагами и православной церкви и русской народности.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Протестанты и орденъ Іезуитовъ въ Вильнѣ. Причины быстраго распространенія протестантизма. Лютеранскіе проповѣдники въ Вильнѣ: Кульва и Виклефъ. Кальвинисты и Николай Радивилъ Черный. Постройка первой реформатской церкви. Унитаріи, анабаптисты и социніане. Посланіе Кальвина къ виленской реформатской общинѣ. Раздоры въ средѣ протестантовъ. Первые іезуиты въ Вильнѣ,— ихъ въѣздъ въ городъ. Основаніе коллегіи. Диспутъ съ протестантами. Сцены при Свято-Янскомъ костелѣ. Переходъ этого костела въ руки іезуитовъ — Скарга. Успѣхи іезуитовъ. Обращенія: Ходкевичъ и дѣти Николая Радивила Чернаго. Николай Радивилъ Рыжій и его переходъ въ реформатскую церковь. Евангелическій зборъ и школа. Возвышеніе іезуитской школы на степень академіи. Смерть Валеріана Протасевича. Сожженіе протестантскихъ книгъ. Развитіе фанатизма. Антоній Поссевинъ въ Вильнѣ. Торжество іезуитовъ надъ протестантами. Закретъ. Моровое повѣтріе 1588 года. Новыя обращенія. Съѣзды протестантовъ въ Вильнѣ.

Распространенію протестантизма въ Вильнѣ способствовали два обстоятельства: 1) въ городѣ было очень много иностранцевъ, особенно нѣмцевъ, а со времени брака короля Сигизмунда съ итальянскою принцессою Боною Сфорца въ Литвѣ явилось значительное число итальянцевъ; тѣ и другіе были ревностными распространителями протестантизма и реформы; 2) многіе изъ литовскихъ вельможъ посылали своихъ сыновей для образованія въ Парижъ, Италію и нѣмецкіе университеты, избѣгая нелюбимаго краковскаго; эти молодые люди, побывъ въ Виттенбергѣ или въ другихъ протестантскихъ городахъ, возвращались къ своимъ отцамъ поборниками новыхъ ученій и противниками католической церкви. Уже въ 1521 году, въ епископство Яна „изъ князей литовскихъ", Францискъ Лисманини, родомъ изъ Корфу, по языку итальянецъ, бывшій придворнымъ проповѣдникомъ у королевы Боны, потомъ кустосъ краковскаго францисканскаго монастыря, перебравшись въ Вильну, началъ распространять новое религіозное ученіе. Въ 1539 году здѣсь явился нѣкто Авраамъ Кульва, родомъ литвинъ, вернувшійся изъ Германіи докторомъ богословія. Съ церковной каѳедры и въ школѣ имъ основанной, Кульва прямо проповѣдывалъ протестантское ученіе. Возбудивъ неудовольствіе короля Сигизмунда, онъ долженъ былъ тайно оставить Вильну, но уже послѣ того, какъ успѣлъ совратить многихъ (1542). Чрезъ нѣсколько лѣтъ потомъ его замѣнилъ новый апостолъ реформы, называемый у историковъ именемъ, которое носилъ знаменитый англійскій реформаторъ XIV вѣка, т. е. Виклефомъ. Получивъ отъ виленскаго епископа, князя Ольшанскаго, полномочіе проповѣдывать въ церкви св. Анны иностранцамъ нѣмецкаго языка, Виклефъ заслужилъ сначала одобреніе епископа и похвалу духовенства; но потомъ открылось, что проповѣдникъ распространялъ между своими слушателями ученіе Лютера. Преданный проклятію, Виклефъ нашелъ себѣ покровителя въ лицѣ Морштина, богатаго купца виленскаго, и основалъ въ его домѣ, на Нѣмецкой улицѣ, школу, въ которой скоро набралось шестьдесятъ учениковъ. На той же самой Нѣмецкой улицѣ, на земляхъ, принадлежавшихъ францисканскому монастырю, была построена (послѣ 1560 года) лютеранская церковь для новообращенныхъ. Замѣтно, что лютеранское ученіе имѣло успѣхъ главнымъ образомъ среди купцовъ и ремесленниковъ нѣмецкаго происхожденія, хотя, безъ сомнѣнія, нашло себѣ послѣдователей и въ туземномъ населеніи.

За то кальвинизмъ съ самаго начала поступилъ подъ покровительство мѣстной аристократіи и успѣхи его были еще быстрѣе, еще шире. Князь Николай Радивилъ, прозванный Чернымъ, воевода виленскій, вслѣдствіе довѣрія къ нему короля Сигиз-

мунда II Августа почти самовластно управлявшій Литвою, во время своихъ заграничныхъ поѣздокъ познакомился съ реформаціей и сталъ ревностно распространять ее въ своемъ отечествѣ. Въ 1555 году онъ вызвалъ проповѣдниковъ изъ Польши и Пруссіи и помѣстилъ ихъ въ своемъ дворцѣ на углу улицъ Ивановской (свято-Янской) и Замковой; отсюда и началась кальвинистская проповѣдь въ Вильнѣ. Вслѣдъ затѣмъ въ загородномъ домѣ Радивила, на Лукишкахъ, было устроено публичное отправленіе реформатскаго богослуженія, на которое изъ города, изъ сосѣднихъ помѣстій дворянскихъ стекалось большое число обращенныхъ или любопытныхъ. Лѣтъ черезъ семь, количество кальвинистовъ въ городѣ было такъ значительно, что помѣщеніе реформатской церкви на Лукишкахъ оказалось неудобнымъ и недостаточнымъ. Уже въ 1562 году кальвинисты, которыхъ собралось болѣе пятисотъ человѣкъ, принуждены были отпраздновать Пасху не въ этой церкви, а въ городскомъ домѣ Радивила. Черезъ три года (въ 1565 г.), для удовлетворенія религіозныхъ потребностей сильно увеличившейся общины, была, противъ самаго костела св. Яна, выстроена болѣе помѣстительная каменная реформатская церковь. Католики жаловались, что костельное пѣніе въ католической церкви стало заглушаться громкими звуками протестантскихъ гимновъ.

При наплывѣ новыхъ идей, при великомъ броженіи умовъ, ознаменовавшихъ паденіе старыхъ вѣрованій, самыя крайнія секты и ученія находили себѣ доступъ въ княжествѣ литовскомъ. Итальянцы, которые шли далѣе въ отрицаніи, чѣмъ Лютеръ и Кальвинъ, доводили оное почти до отрицанія христіанства, принесли въ Вильну ученія анабаптизма и и социніанизма. Одинъ изъ приближенныхъ Радивилу нововѣровъ, итальянецъ Бландрата, рекомендованный воеводѣ виленскому самимъ Кальвиномъ какъ ревностный поборникъ евангелическаго ученія, оказался потомъ послѣдователемъ ученія анти-тринитаріевъ (аріанъ, отвергавшихъ троичность Божества) и былъ тѣмъ болѣе опаснымъ врагомъ для новой кальвинистской церкви, что распространялъ свои мнѣнія съ большою осторожностію, прикрывая ихъ библейскими выраженіями. Реформатскій соборъ 1560 года былъ до такой степени ослѣпленъ искусствомъ, съ которымъ Бландрата защищалъ себя, что призналъ его ученіе правильнымъ. Кальвинъ былъ болѣе проницателенъ, чѣмъ его ученики въ Литвѣ и Вильнѣ; онъ предостерегалъ въ письмѣ къ Радивилу всѣхъ виленскихъ реформатовъ, увѣщевалъ ихъ оберегать себя отъ новаго учителя, котораго женевскій реформаторъ именуетъ „язвою и заразою“ княжества литовскаго. Но Бландрата пользовался такимъ авторитетомъ и вліяніемъ, что предостереженіе Кальвина не остановило его пропаганды. Судровскій, Мартинъ Чеховичъ, проповѣдники и пасторы (praeceptor et minister) виленской общины и третій пасторъ. Николай Вендроговскій пристали къ аріанскому ученію. Синодъ, собранный въ Вильнѣ и руководимый Радивиломъ, не призналъ Бландрата еретикомъ и даже взялъ его подъ свою защиту противъ обвиненій женевскаго протестантскаго папы. Кальвинъ обратился съ новымъ рѣзкимъ посланіемъ къ „министрамъ и сеніорамъ церкви виленской“, которые склоняли его къ примиренію съ Бландратой (письмо Кальвина отъ 9 октября 1561 г.) и достигъ на этотъ разъ того, что мнѣнія Бландраты и Лисманини были осуждены и отвергнуты реформатами на соборѣ Краковскомъ. Но анти-тринитаріи не были испуганы торжественнымъ осужденіемъ ихъ ученія; они объявили рѣшеніе синода не имѣющимъ силы, основали свою общину, стали собирать свои соборы и точнѣе формулировали свое исповѣданіе, въ которомъ отрицалось Божество Христа, но было удержано слово троичность, „дабы не соблазнять слабыхъ“.

Горячая борьба шла въ Вильнѣ между унитаріями (антитринитаріями, аріанами) и тѣми, которые остались вѣрны ученію реформатскому (Кальвина). Андрей Воланъ, знаменитый поборникъ кальвинизма, проповѣдывалъ въ реформатской церкви противъ Бландраты, Чеховича, Судровскаго. Среди самыхъ унитаріевъ не было единства. Согласные въ главномъ пунктѣ, они расходились въ другихъ, Въ 1559 году Симонъ Зацкій изъ-Прошевицъ, старѣйшина (сеніоръ) реформатской виленской церкви, напечаталъ въ Вильнѣ свое исповѣданіе вѣры, въ которомъ защищалъ крещеніе младенцевъ. Сильное разногласіе обнару-

жилось по этому поводу между унитаріями. Чеховичъ отвергалъ дѣйствительность крещенія, совершоннаго надъ младенцами и сталъ перекрещивать взрослыхъ (онъ перекрестилъ Нѣмоевскаго); другой изъ унитаріевъ, Вендроговскій, высказался за крещеніе младенцевъ. Примирительное рѣшеніе, постановленное на съѣздѣ Брестъ-Куявскомъ, не было принято Виленской общественой,—которая положительно запретила крестить дѣтей, и ввела крещеніе взрослыхъ.

Быстро выросшая, но не имѣющая прочныхъ корней, протестантская церковь подвергалась тѣмъ большей опасности отъ своихъ внутреннихъ раздоровъ, что католическая реакція уже собирала свои силы и готовилась перейти отъ защиты къ наступленію. Въ 1565 году умеръ главный покровитель реформатской церкви Николай Радивилъ Черный, князь на Олыкѣ и Несвижѣ, а дѣти его, какъ послѣ оказалось, не могли считаться надежною опорою евангелической общины.

Въ томъ же самомъ 1565 году въ Вильнѣ явился первый іезуитъ, Францискъ Суннеръ, посланный изъ Польши генераломъ ордена, чтобы ближе присмотрѣться къ положенію дѣлъ въ княжествѣ литовскомъ. Чрезъ посредство Суннера, знаменитый кардиналъ Гозій, бывшій предсѣдателемъ Тридентскаго собора, совѣтовалъ виленскому католическому епископу, Валеріану Протасевичу, который почти потерялъ свою паству, вызвать къ себѣ на помощь іезуитскій орденъ, уже прославившійся въ Европѣ своимъ искусствомъ и успѣхами въ борьбѣ противъ реформаціи. Протасевичъ ухватился за указанный ему якорь спасенія.

Въ годъ, несчастный для литовско-русскаго народа, на люблинскомъ сеймѣ (1569), соединившемъ Литву съ Польшею, король Сигизмундъ-Августъ далъ свое согласіе на допущеніе іезуитскаго ордена въ княжество литовское и на основаніе іезуитской коллегіи въ Вильнѣ. Осенью того же года явился первый отрядъ братства Іисусова въ столицѣ литовской въ числѣ пяти человѣкъ. Узнавъ о приближеніи его, епископъ Валеріанъ выслалъ на встрѣчу повозки и значительную охранную стражу, опасаясь, чтобы иновѣрцы, узнавъ о цѣли прибытія гостей, не напали на нихъ съ оружіемъ. Смиренные ученики Лойолы долго отказывались сѣсть въ повозки, хотѣли продолжать свой путь пѣшкомъ, но должны были уступить настояніямъ; съ большимъ торжествомъ они въѣхали въ городъ, и были встрѣчены толпами любопытнаго народа, который вовсе не думалъ о насиліи. Іезуиты остановились въ домѣ, который купилъ для нихъ епископъ, неподалеку отъ своего дворца; помѣщеніе было приготовлено для тридцати человѣкъ. Въ слѣдующемъ 1570 году, первый отрядъ іезуитовъ былъ значительно усиленъ. Провинціалъ Маджіо прибылъ въ Вильну для устройства учебной коллегіи и снова привезъ съ собою около 20 іезуитовъ, большею частію поляковъ; въ числѣ ихъ былъ Варшевицкій, назначенный ректоромъ коллегіи. 8 мая была открыта іезуитская школа. Не смотря на хлопоты епископа, на пригласительныя и увѣщательныя письма, разосланныя по своей епархіи, очень немногіе отцы прислали своихъ дѣтей въ обученіе чужеземцамъ. Но іезуиты не унывали; въ томъ и была ихъ сила, что они умѣли работать неуклонно, постоянно, не останавливаясь ни передъ какими препятствіями. А препятствій было много. Извѣстно, что, кромѣ обученія, были еще два не менѣе важныхъ орудія, которыми іезуиты достигали своихъ цѣлей: конфессіоналъ и каѳедра, то есть исповѣдь и проповѣдь. Но виленское братство Іисуса сначала не имѣло собственнаго костела, въ которомъ бы могло свободно развернуть дѣятельность этого рода. Между тѣмъ, протестанты и реформаты, встревоженные прибытіемъ іезуитовъ, пришли къ сознанію необходимости соединиться въ виду общаго врага для отпора ему. Въ 1570 году устроенъ былъ съѣздъ диссидентовъ въ Вильнѣ съ цѣлію соглашенія. При семъ случаѣ, противники въ первый разъ помѣрялись силами. Протестанты, подъ предводительствомъ Андрея Волана, ученаго кальвиниста, пришли въ іезуитскую коллегію, вызывая на диспутъ о догматахъ католической церкви. Іезуиты, опытные въ борьбѣ съ протестантами, спросили ихъ, уважаютъ ли они авторитетъ отцовъ церкви, и получивъ отвѣтъ утвердительный, ловко воспользовались непослѣдовательностью своихъ противниковъ. Они засыпали протестантовъ многочисленными ссылками на отцевъ церкви, на которыхъ они уже ранѣе привыкли опираться при

защитѣ католическаго ученія и папской власти, и привели въ смущеніе Волана и его товарищей. Ободренные первымъ успѣхомъ, ученики Лойолы уже сами вызывали побѣжденныхъ антагонистовъ къ новому состязанію. Вызовъ былъ прибитъ на дверяхъ Свято-Янскаго костела. Въ назначенный день собралось много любопытствующихъ слушателей; но никто изъ протестантовъ не явился. Ловкіе и всегда находчивые іезуиты воспользовались этимъ обстоятельствомъ. Они повели диспутъ между собою: одинъ защищалъ ученіе Лютера и Кальвина, другой его опровергалъ; оба говорили съ жаромъ, увлеченіемъ, съ большимъ искусствомъ и сильно заинтересовали зрителей и слушателей, хотя въ концѣ концовъ мнимый еретикъ оказался разбитымъ и посрамленнымъ. Отцы іезуиты повторяли свой диспутъ три дня сряду и потомъ возвращались къ нему не рѣдко. Толпы народа постоянно увеличивались предъ Свято-Янскимъ костеломъ. Это подало іезуитамъ мысль овладѣть костеломъ, и епископъ съ своей стороны также готовъ былъ угодить имъ, но настоятель архи-пресвитеріальной церкви св. Іоанна, Петръ Рюицъ, родомъ испанецъ, нерасположенный однако къ ордену, основанному его соотечественникомъ, не смотря на всѣ настоянія епископа, упорствовалъ. Тогда іезуиты обратились къ королю и получили отъ него право на костелъ Свято-Янскій, но съ тѣмъ, что они могутъ занять его только вслѣдствіе уступки или смерти архипресвитера (per cessum aut decessum). Ждать смерти Рюица пришлось не долго; онъ умеръ тотчасъ послѣ полученія іезуитами королевской грамоты, и іезуиты внушали людямъ, что это казнь Божія за упорное недоброжелательство къ ихъ ордену.

Завладѣвъ костеломъ, близъ котораго была ихъ коллегія и школа, іезуиты начали громить съ церковной каѳедры своихъ противниковъ; Варшевицкій, обладавшій большимъ ораторскимъ талантомъ, проповѣдывалъ на польскомъ языкѣ, другіе на языкѣ латинскомъ и нѣкоторые на итальянскомъ, распространенномъ между реформатами и вообще между знатью, слѣдовательно на языкѣ модномъ. Костелъ былъ подновленъ, устроенъ и украшенъ такъ, что выгодно отличался отъ всѣхъ другихъ католическихъ церквей и привлекалъ къ себѣ болѣе посѣтителей. Дѣла іезуитовъ начинали идти успѣшно. Въ 1571 году провинціалъ Суннеръ, видя это, привелъ новое подкрѣпленіе, т. е. еще нѣсколько іезуитовъ, спеціально назначенныхъ для диспутовъ съ иновѣрцами; а въ 1573 году прибылъ изъ Рима знаменитый проповѣдникъ, іезуитскій златоустъ, Петръ Скарга. Школа также стала пріобрѣтать къ себѣ благосклонность со стороны общественнаго мнѣнія, и число учениковъ въ ней сильно увеличивалось: іезуиты не брали никакой платы за обученіе, а въ преподаваніи оказывались очень искусными; ихъ питомцы дѣлали невиданные до сихъ поръ успѣхи въ латинскомъ языкѣ. Самые иновѣрцы, даже православные, начинали соблазняться даровымъ и хорошимъ обученіемъ и скоро стали посылать своихъ дѣтей въ іезуитское училище. Что касается до католической школы, незадолго до прибытія іезуитовъ основанной при каѳедральномъ соборѣ св. Станислава, то она совсѣмъ опустѣла.

Извѣстно, съ какимъ искусствомъ образованные и ловкіе, тонкіе и изящные іезуиты умѣли всегда проникать во дворцы и знатные дома, какъ незамѣтно умѣли внушать къ себѣ довѣріе, овладѣвать совѣстью, обращать невѣрующихъ къ церкви католической; это искусство обнаружили они въ Вильнѣ. Первымъ важнымъ успѣхомъ въ этомъ родѣ было обращеніе знатной, нѣкогда православной, теперь протестантской фамиліи Ходкевичей, основателей монастыря Супрасльскаго. Иванъ Іеронимъ Ходкевичъ, бывшій покровитель виленской протестантской церкви, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ литовскихъ пановъ, вслѣдствіе убѣжденій Варшевицкаго, отступилъ отъ лютеранскаго ученія и принялъ католическую вѣру, а въ 1573 году отдалъ своего сына, знаменитаго въ послѣдствіи Яна Карла, въ іезуитскую школу. Прибытіе въ Вильну Скарги, его необыкновенный даръ слова, ученость и знаніе людей,—скоро увеличили число обращенныхъ. Стараніемъ Скарги были обращены въ католицизмъ четыре сына того самаго Радивила Чернаго, который былъ главнымъ распространителемъ кальвинизма въ княжествѣ литовскомъ. Велико было огорченіе виленскихъ кальвинистовъ; они лишались главной своей опоры; ихъ церковь при до-

мѣ Радивиловъ была теперь заперта и потомъ разрушена.

Но успѣхъ іезуитовъ въ фамиліи Радивиловъ поколебался. Двоюродный братъ Николая Чернаго, Николай Радивилъ Рыжій, князь на Биржахъ и Дубинкахъ, наслѣдовавшій санъ покойнаго, вдругъ охладѣлъ въ своей ревности къ католической церкви, къ которой доселѣ принадлежалъ. Слишкомъ грубоустроенное чудо, которое задумали совершить Ченстоховскіе монахи, прекратило всѣ его колебанія. Монахи исцѣлили какого-то бѣсноватаго, изгнавъ изъ него бѣса; но бѣсноватый объяснилъ потомъ князю, что все это было—обманъ, и бѣса въ немъ никогда не было; въ чемъ рѣшительный князь, не дававшій пощады и монахамъ, принудилъ признаться Ченстоховскую братію. Удостовѣрившись такимъ образомъ въ обманѣ, Николай Рыжій публично съ двумя своими сыновьями перешелъ въ Вильнѣ въ реформатскую общину.

Своему новому благодѣтелю и покровителю кальвинисты обязаны были возможностію выстроить новую церковь взамѣнъ утраченной. Въ 1577 году, Николай Рыжій купилъ Горностаевскій дворъ, подлѣ православной церкви Покрова Пречистой Богородицы, и подарилъ его своимъ единовѣрцамъ для постройки храма; при немъ основана была и евангелическая школа для противодѣйствія іезуитскому училищу. Но борьба была не ровная. Іезуитская школа получала постоянно новыя права, новыя приношенія и щедрые вклады (фундуши) отъ Валеріана Протасевича, отъ его молодаго коадъютора князя Юрія Радивила, избраннаго въ этотъ санъ по стараніямъ іезуитовъ, и отъ другихъ лицъ. Въ 1578 году, епископъ, его коадъюторъ и Янъ Ходкевичъ, отличавшійся ревностію новообращеннаго, начали хлопотать предъ королемъ Баторіемъ о возведеніи іезуитскаго училища на степень академіи, и въ слѣдующемъ (1579 г.) получили желаемую королевскую грамоту и папскую буллу (Григорія XIII); вмѣстѣ съ титуломъ академіи, этими актами дарованы училищу при іезуитской коллегіи всѣ права и привилегіи университета, утверждено за нимъ исключительное право, настоящая монополія высшаго образованія въ княжествѣ литовскомъ. Скарга былъ первымъ ректоромъ академіи.

Валеріанъ Протасевичъ, встрѣтившій іезуитовъ на первомъ пріемѣ слезами и объятіями, какъ единственную и послѣднюю надежду католической церкви, могъ при своей кончинѣ, послѣдовавшей въ годъ открытія академіи, оглянуться на десять лѣтъ іезуитской дѣятельности съ отраднымъ чувствомъ, съ полнымъ для себя утѣшеніемъ. „Повѣдай намъ, Валеріане“, обращался къ его памяти краснорѣчивый Петръ Скарга, „чѣмъ была Вильна, когда едва было можно показаться на улицѣ католическому священнику, когда католикъ былъ такою рѣдкостію во всемъ княжествѣ литовскомъ, особенно между панами?“ Времена быстро измѣнились.

Преемникъ Протасевича, Юрій Радивилъ, сынъ главнаго врага католиковъ и покровителя кальвинистовъ, былъ фанатическимъ приверженцемъ іезуитовъ. Онъ началъ свое епископство торжественнымъ сожженіемъ книгъ, которыя печаталъ его отецъ (Брестская библія 1563 г.). Въ маѣ 1581 года со всѣхъ сторонъ собраны были книги иновѣрцевъ, сложены въ большой костеръ на площади предъ святоянскою церковью и рукою палача преданы пламени. Скоро дошло до того, что уже некатолику, а протестанту опасно стало показываться на улицѣ. Академическое юношество, которое іезуитскіе писатели съ гордостію и похвальбою называютъ „уздою еретиковъ“ (academicae juventutis, quae in hac urbe — — — merito frenum haereticorum potest nuncupari), поощрялось и подъущалось ко всякому насилію, ко всякому беззаконію въ отношеніи иновѣрцевъ. По совѣту и просьбѣ іезуитовъ, молодой епископъ запретилъ протестантамъ провожать умершихъ ихъ исповѣданія къ мѣсту погребенія чрезъ Свято-Янскую улицу, а также пѣть при погребеніи обычные гимны. Протестанты не хотѣли исполнять этого беззаконнаго требованія; за то два пастора, возвращаясь домой съ похоронной процессіи, подверглись нападенію при Свято-Янскомъ костелѣ; студенты іезуитской академіи осыпали ихъ каменьями и едва не убили до смерти. Этого было мало. Вслѣдствіе безнаказанности, если не прямаго наущенія, они стали громко угрожать сожженіемъ реформатскихъ церквей, и въ самомъ дѣлѣ сдѣлали нападеніе на реформатскую типографію Даніила Ленчицкаго, разорили ее и унесли шрифты (1581 г.). Отсутствіе воеводы Николая Радивила Ры-

жаго, находившагося въ походѣ противъ московскаго царства, совершенно лишало защиты протестантовъ. Они обратились съ жалобами къ королю. Въ это время царствовалъ Стефанъ Баторій; изъ лагеря подъ Псковомъ онъ прислалъ строгую грамоту, въ которой требовалъ отъ виленскаго намѣстника, чтобы онъ охранялъ спокойствіе во ввѣренномъ ему городѣ.

Въ 1582 году, іезуиты получили двѣ новыхъ школы,—два новыхъ орудія для своей пропаганды. Епископъ Юрій основалъ въ Вильнѣ епархіальную католическую школу (рядомъ съ епископскимъ домомъ) и передалъ ее Іисусову братству. По старанію іезуита Антонія Поссевина, учреждена была въ Вильнѣ папою Григоріемъ XIII семинарія для русскаго юношества съ цѣлію пропаганды въ московскомъ государствѣ. Поссевинъ, мечтавшій о соединеніи церквей на основаніи флорентійскаго постановленія, надѣялся склонить къ признанію папскаго главенства въ церкви царя Ивана Васильевича Грознаго, для примиренія котораго съ Баторіемъ онъ ѣхалъ въ Москву. Остановившись проѣздомъ въ Вильнѣ, онъ вздумалъ напечатать на русскомъ языкѣ необходимыя для него книги, а именно нѣсколько сотъ флорентійско-уніатскихъ катихизисовъ на поученіе и назиданіе Москвы. Онъ обратился за этимъ къ русскимъ типографіямъ въ Вильнѣ. Но такъ какъ здѣсь работали „схизматики", то, или по наивному недоразумѣнію, или изъ ревности по вѣрѣ, они сдѣлали необходимыя, по ихъ мнѣнію, исправленія въ подлинникѣ имъ данномъ; такимъ образомъ, по словамъ знаменитаго кардинала, „они внесли въ книги различныя заблужденія", т. е. напечатали ихъ по своему, по православному [1]). Русская семинарія, основанная по мысли того же Поссевина, не имѣла успѣха, потому что, объясняетъ Поссевинъ, преемники папы Григорія XIII не понимали важности учрежденія и, не присылая денегъ для содержанія питомцевъ, допустили его уничтоженіе.

Итакъ, іезуиты начинали уже думать о борьбѣ съ церковію православною; что же касается до протестантизма, противъ котораго они сначала направили всѣ свои усилія, то онъ уже казался имъ не опаснымъ; они считали борьбу поконченною, сраженіе выиграннымъ; оставалось только преслѣдовать враговъ въ ихъ послѣднихъ убѣжищахъ, и пользоваться плодами побѣды.

Въ 1589 году іезуиты получили отъ Станислава Радивила, четвертаго сына Николая Чернаго, роскошный лѣтній домъ Радивиловъ на Лукишкахъ, гдѣ кальвинисты совершали первоначально свое богослуженіе. На этомъ мѣстѣ, получившимъ впослѣдствіи названіе Закрета, іезуиты построили большой монастырь (для своего лѣтняго пребыванія), какъ бы символъ побѣды надъ реформою. Въ 1586 году ихъ академія считала болѣе семисотъ учениковъ при пятидесяти четырехъ членахъ Іисусова общества, занятыхъ обученіемъ въ ней или духовнымъ надзоромъ. При помощи многочисленныхъ воспитанниковъ своей школы, іезуиты совершили въ 1586 году процессію Божьяго тѣла съ такимъ торжествомъ и пышностію, какихъ Вильна еще не видывала. Впечатлѣніе, ею произведенное, было такъ сильно, что около трехсотъ человѣкъ обоего пола перешли въ католичество; между ними былъ Левъ Сопѣга, носившій тогда званіе подканцлера литовскаго; онъ принадлежалъ до сихъ поръ къ реформатской общинѣ, а перейдя въ католичество, сдѣлался однимъ изъ главныхъ благодѣтелей іезуитскаго ордена. Все удавалось іезуитамъ; всѣмъ умѣли они воспользоваться. Самое моровое повѣтріе 1588 и 1589 года, посѣтившее Вильну, обратилось въ ихъ пользу, подобно тому какъ это уже разъ было въ 1571 году. Помогая больнымъ безъ различія вѣроисповѣданія, помѣщая ихъ въ госпиталяхъ, напутствуя къ смерти утѣшеніями религіи, раздавая даромъ пищу убогимъ и голоднымъ, лѣкарство больнымъ, іезуиты не забывали обращать облагодѣтельствованныхъ въ католичество

Между тѣмъ на польско-литовскій престолъ вступилъ питомецъ и почитатель іезуитовъ Сигизмундъ III. Виленская братія этого ордена пожелала напомнить ему о себѣ при самомъ въѣздѣ его въ Вильну; устроена была пышная и затѣйливая церемонія, четыре іезуитскихъ воспитанника, переодѣтыхъ анге-

[1]) Mi sforzai di dare stampare alquante centinaia di catechismi di carattere rutenico in Vilna di Lituania, ma sendo i stampatori schismatici vi posero vari errori dentro: Поссевинъ въ письмѣ къ герцогу Тосканскому отъ 10-го іюля 1605 года: Ciampi, Bibliografia critica, I. 287.

лами, привѣтствовали короля сверху Рудницкихъ воротъ. Ангелы привѣтствовали Сигизмунда III не напрасно. Въ его правленіе началось можно сказать царствованіе іезуитовъ.

Протестанты между тѣмъ не только не думали о союзѣ съ православною церковію для общей борьбы противъ общаго врага, но даже никакъ не могли достигнуть согласія и единодушія между собою. Сандомірское согласіе (1570 г.) польскихъ протестантовъ не было признано въ Вильнѣ. На Виленскомъ синодѣ, въ 1570-мъ году, было совѣщаніе (colloquium) между кальвинистами и лютеранами о соглашеніи, но этого соглашенія не устроилось. На собраніи 1577 года всѣ усилія Андрея Волана остались тщетными; лютеранскіе проповѣдники не хотѣли согласиться на примирительную формулу относительно таинства евхаристіи, и такимъ образомъ послѣдователи аугсбургскаго исповѣданія, которые составляли меньшинство между литовскими протестантами, и не смотря на изданіе лютерова катихизиса на русскомъ языкѣ (въ 1562 г.) [1]), наибольшее число своихъ единовѣрцевъ считали между нѣмецкими поселенцами Вильны,—окончательно отдѣлились отъ прочихъ протестантовъ. Въ 1583 году, князь Христофоръ Радивилъ, воевода виленскій, сынъ Николая Рыжаго, съ большимъ трудомъ устроилъ новый съѣздъ лютеранъ и реформатовъ въ Вильнѣ, вызвавъ для этого ученыхъ богослововъ изъ Кенигсберга. При открытіи засѣданія, Андрей Воланъ выразилъ желаніе, чтобы раздоры были прекращены для общаго противодѣйствія антихристу, т. е. папистамъ. Но и указаніе на общаго врага и общую опасность не склонило къ уступчивости. Зоммеръ, лютеранскій проповѣдникъ въ Вильнѣ, подкрѣпляемый прусскими богословами, настаивалъ на тѣлесномъ присутствіи Христа въ таинствѣ евхаристіи, чего не могли признать кальвинисты. Всѣ увѣщанія, всѣ просьбы князя Радивила остались тщетными; Зоммеръ упорствовалъ, не хотѣлъ сдѣлать никакихъ уступокъ, и собраніе разошлось, не достигнувъ желаемаго результата. Въ 1588 году генеральный синодъ реформатской церкви собрался въ Вильнѣ, но здѣсь, кажется, не было уже и рѣчи о соединеніи съ лютеранами; кальвинисты одни постановили хлопотать о позволеніи открыть въ Вильнѣ высшую школу или академію реформатскую. На просьбу объ этомъ Сигизмундъ III отвѣчалъ, что основаніе такой школы было бы нарушеніемъ свободы церковной и правъ, данныхъ іезуитской академіи. Вмѣсто полученія высшей школы при своемъ „зборѣ", какъ называли въ Вильнѣ реформатскую церковь, кальвинисты лишились на время и самаго „збора". Въ 1591 году ихъ церковь сгорѣла; подозрѣніе въ поджогѣ пало на учениковъ іезуитской академіи, которые уже давно грозили протестантамъ предать огню ихъ храмъ. Нѣтъ ничего невозможнаго, что они въ самомъ дѣлѣ исполнили свои угрозы; примѣръ ихъ собратій въ Краковѣ, разрушившихъ тамошнюю протестанскую церковь въ томъ же самомъ году, поощрялъ къ соревнованію и подражанію.

Слѣдя за горячею борьбою протестантовъ и католиковъ, мы навремя оставили въ сторонѣ положеніе и судьбы православнаго виленскаго населенія, противъ котораго іезуиты уже направляли свои замыслы. Теперь для связи разсказа мы должны воротиться нѣсколько назадъ.

[1]) Въ 1628 году этотъ катихизисъ былъ перепечатанъ въ Стокгольмѣ, вѣроятно для жителей русскихъ областей, уступленныхъ Швеціи по Столбовскому міру.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Положеніе западнорусской церкви предъ уніею—при митрополитахъ Сильвестрѣ, Іонѣ и Онисифорѣ. Безпорядки въ средѣ виленскаго духовенства. Переходъ Троицкаго монастыря въ вѣдѣніе городскаго управленія. Новый календарь. Православныя братства въ Вильнѣ: медовыя братства, ихъ уставъ; Троицкое церковное братство, его уставъ, утвержденный патріархомъ Іереміею. Развитіе и успѣхи Троицкаго братства. Непріятности и столкновенія. Волненіе умовъ по поводу слуховъ объ уніи. Стефанъ Зизаній. Протестъ виленскаго духовенства. Поведеніе представителей виленскаго духовенства и братства на Брестскомъ соборѣ. Впечатлѣніе, произведенное введеніемъ уніи на православное виленское населеніе. Отношеніе виленскаго духовенства къ уніи. Сцена въ собраніи панскаго братства. Энергическій образъ дѣйствій православнаго братства. Постройка Святодуховской церкви. Празднованіе Пасхи 1599 года православными; нападеніе студентовъ іезуитской академіи на Святодуховскую церковь. Мысль о союзѣ съ протестантами. Виленскій съѣздъ 1599 года, разсужденія о религіозной уніи и политической конфедераціи православныхъ съ протестантами. Диспутъ протестантовъ съ католиками. Смерть Михаила Рагозы. Первыя мѣры Ипатія Потѣя противъ Троицкаго (Свято-Духовскаго) братства. Новое появленіе Зизанія въ Вильнѣ. Борьба православныхъ противъ уніи на сеймахъ. Новая историческая теорія Ипатія Потѣя, придуманная для защиты уніи. Ипатій Потѣй въ виленской ратушѣ съ посланіемъ митрополита Мисаила къ папѣ Сиксту IV. Образованіе уніатскаго братства при церкви Св. Троицы.

Во второй половинѣ XVI вѣка православная церковь въ великомъ княжествѣ литовскомъ находилась далеко не въ завидномъ положеніи. Правительство, по необходимости прекративъ по отношенію къ ней систему притѣсненія, не сдѣлалось однако внимательнѣе къ ея интересамъ. Относясь къ нимъ съ равнодушіемъ и даже съ пренебреженіемъ, оно отдавало монастыри и цѣлыя эпархіи лицамъ, къ тому не приготовленнымъ или даже не принадлежащимъ къ духовному званію. Одинъ изъ верховныхъ пастырей западнорусской церкви, имя котораго потомъ будетъ названо среди другихъ въ хронологической послѣдовательности, принужденъ былъ просить короля, чтобы достоинства духовныя не были отдаваемы лицамъ свѣтскимъ, чтобы митрополитъ имѣлъ право отбирать „хлѣбы духовные“ у человѣка свѣтскаго, который, получивъ духовный урядъ, въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ не принималъ „стану духовнаго“. Король согласился, только съ тѣмъ измѣненіемъ, что слѣдуетъ о такихъ лицахъ представлять ему, и онъ будетъ отдавать „духовные хлѣбы“ инымъ по волѣ своей господарской. Но назначеніе самаго митрополита, который былъ главнымъ стражемъ церковнаго порядка и благосостоянія, зависѣло отъ короля, и не всегда въ этотъ санъ возводились люди того достойные. Не принадлежалъ къ числу достойныхъ, прежде всего, Сильвестръ Белкевичъ (1556—1568), носившій до вступленія на митрополію званіе литовскаго подскарбія, человѣкъ весьма богатый, но мало образованный; еще не имѣя духовнаго сана, онъ выпросилъ у короля привилегію на виленскій Троицкій монастырь, чтобы пользоваться его доходами. Такіе пастыри, какъ Белкевичъ, не могли, разумѣется, укрѣплять паству въ вѣрѣ и нравственности, способствовали ослабленію церковной дисциплины и порядка. При Сильвестрѣ Белкевичѣ случилось, напримѣръ, что священники виленскихъ церквей — Михайловской, Воскресенской и Никольской — отдали въ залогъ церковные домы, въ которыхъ они жили. На жалобу о томъ виленскихъ мѣщанъ митрополитъ отвѣчалъ, что онъ въ этомъ не повиненъ, такъ какъ не онъ выбираетъ священниковъ, а они, граждане: отговорка неумѣстная и несправедливая, потому что митрополитъ Іосифъ Солтанъ, при которомъ были опредѣлены отношенія іерархіи и православной виленской паствы, удержалъ за собою право посвящать избранныхъ только въ томъ случаѣ, когда они будутъ того достойны.

Сильвестръ не твердо зналъ свои пастырскія права и не умѣлъ ихъ охранять, а потому въ это время стали обнаруживаться всякія злоупотребленія. Бурмистры, радцы и лавники виленскіе греческой вѣры забрали въ свои руки имущество церквей Пречистенской, Спасской и другихъ—золото, серебро, каменья, особенно деньги, пожертвованныя на устройство церквей и госпиталей, и потомъ, какъ оказалось, уже при преемникѣ Сильверста, Іонѣ II, растратили его на свои нужды. Сверхъ того, Виленскій войтъ и магистратъ захватили всѣ грамоты и привилегіи, данныя митрополитамъ, и хотя, при вступленіи на митрополію Іоны, возвратили ихъ, но возвратили не все: нѣкоторыя грамоты, именно касающіяся виленскихъ мѣщанъ, были удержаны. Случались и большіе безпорядки. Въ 1563 году право патроната или подаванія въ Троицкомъ монастырѣ получилъ отъ короля какой-то бурмистръ виленскій Шумлянскій, а потомъ монастырскія имѣнія вмѣстѣ съ монастыремъ и архимандріею долго держалъ радца и мѣщанинъ виленскій Велковичь, которому явился было еще соперникъ въ лицѣ одного священника (Василія Мартиновича, попа Воложинскаго), тоже успѣвшаго выхлопотать у забывчиваго или невнимательнаго короля привилегію на монастырь. Велковичь при судебномъ изслѣдованіи успѣлъ доказать, что онъ получилъ королевскую привилегію раньше, чѣмъ его соперникъ, и удержалъ монастырь за собою, хотя не принялъ и не хотѣлъ принимать духовнаго званія.

Митрополитъ Іона (1568—1577) старался водворить порядокъ, искоренить злоупотребленія и, повидимому, въ этомъ нѣсколько успѣлъ. Ему принадлежитъ та просьба къ королю, которая приведена выше. На первый разъ его жалоба имѣла послѣдствіемъ то, что Троицкій монастырь и архимандрія были отобраны у Велковича; король передалъ монастырь самому митрополиту Іонѣ. Преемникомъ Іоны на митрополіи былъ Онисифоръ Дѣвочка, пастырь мало достойный и нерадивый. Между тѣмъ онъ не хотѣлъ допускать участія виленской православной общины въ церковныхъ дѣлахъ, даже и въ тѣхъ предѣлахъ, которые были освящены обычаемъ и постановленіями прежнихъ митрополитовъ; онъ запрещалъ мѣщанамъ каждогодно свидѣтельствовать и переписывать имущество въ приходскихъ церквахъ, строителями и попечителями которыхъ они считали себя, которыя они снабжали всѣмъ потребнымъ, колоколами, книгами, образами. Троицкій игуменъ, которому Онисифоръ передалъ управленіе монастыремъ, хотя при вступленіи своемъ въ монастырь и позволилъ мѣщанамъ переписать имущество, но потомъ не допускалъ ихъ къ ежегодной повѣркѣ переписи. Они обратились къ королю Стефану Баторію, который настоялъ на соблюденіи прежнихъ обычаевъ. Чрезъ нѣсколько времени (1584 г.), бурмистры, радцы и лавники православнаго исповѣданія считали себя въ правѣ снова жаловаться королю, что вслѣдствіе „нечастаго бываньа“ митрополита въ Вильнѣ, Троицкій монастырь пришелъ въ совершенное обѣдненіе, что строенія находятся въ упадкѣ, что въ управленіи господствуетъ безпорядокъ, и просили отдать монастырь въ ихъ вѣдѣніе. Король согласился, вмѣнивъ имъ въ обязанность: собирать монастырскіе доходы, употреблять ихъ на содержаніе архимандрита, монаховъ и убогихъ, а также черницъ жившихъ въ своемъ монастырѣ при Благовѣщенской церкви. Впрочемъ, на основаніи королевской грамоты, граждане могли принять монастырь съ имѣніемъ въ свою „моцъ, справу, владность, въ оборону и присудъ“ только по смерти митрополита; но это случилось ранѣе—вслѣдствіе того, что Онисифоръ, какъ мы увидимъ, не остался до своей смерти митрополитомъ.

Внутренніе безпорядки въ церкви православной, недовѣріе и раздоръ между іерархіей и паствой — поощряли враговъ надеждою легкаго торжества. Уже Поссевинъ пытался основать въ Вильнѣ школы въ видахъ замышляемой имъ уніи; Скарга напечаталъ сочиненіе „О единствѣ церкви Божіей и о греческомъ отъ сего единства отступленіи“ (1577 г.). Новый (Григоріанскій) календарь, введенный около этого времени въ Европѣ, подалъ поводъ католическимъ властямъ въ видѣ перваго опыта потребовать, чтобы православные подчинились этому нововведенію римской церкви. Войтъ и городское управленіе виленское не допускали православныхъ отправлять ихъ „греческіе“ праздники по старому стилю и принуждали ихъ къ празд-

нованію „святъ римскихъ“, по новому календарю. Городскія власти въ Вильнѣ намѣренно вызывали православныхъ въ судъ или въ ратушу въ такіе дни, которые падали на ихъ господскіе и богородичные праздники. Съ другой стороны, войтъ отнималъ товары у православныхъ купцовъ, подвергалъ ихъ побоямъ, когда они осмѣливались торговать въ католическіе праздники, не соблюдая новаго календаря.

Православные боролись и отстаивали свои духовные интересы. Мы видѣли, что школа Поссевина не долго держалась. Русь, т. е. православные скупали и жгли книги Скарги; вмѣшательство константинопольскаго патріарха, и вслѣдъ за нимъ жалобы митрополита и виленскихъ вліятельныхъ гражданъ заставили Баторія издать декретъ, воспрещающій препятствовать православнымъ въ отправленіи ихъ праздниковъ по старому календарю. Но опасность тѣмъ не менѣе была близка и ощутительна; умы были встревожены и сильно нуждались въ опорѣ и руководствѣ.

Этой опоры уже нельзя было найти въ литовско-русской аристократіи, нѣкогда такъ твердой въ любви къ православію, въ вѣрности русскимъ началамъ. Протестантизмъ, разлившійся неудержимымъ потокомъ въ Литвѣ и Польшѣ, принесъ большой вредъ и русскому народу, и русской православной церкви. Онъ, конечно, разбудилъ движеніе умовъ, содѣйствовалъ просвѣщенію, но это просвѣщеніе было чуждое народу. „Русскіе какъ окрестились, не учились, только церкви строили“, говорили потомъ православные на сеймѣ 1598 года, и вотъ эти церкви „имъ злые сосѣди заразъ позапустошили, великихъ пановъ своими науками отъ церкви отторгли“. Типографіи, основанныя кальвинистами въ Вильнѣ, Брестѣ и другихъ мѣстахъ, первыя стали печатать книги польскія; переводы священнаго писанія, ими распространяемые, были польскіе. Только антитринитаріи (или унитаріи т. е. послѣдователи ученія отвергавшаго Троичность) имѣли русскій переводъ Библіи, — переводъ сдѣланный знаменитымъ Семеномъ Буднымъ, для своихъ вѣроятно немногочисленныхъ единовѣрцевъ. Главные проповѣдники реформатскіе были поляки, вызванные Радивиломъ изъ Польши; орудіемъ ихъ проповѣди былъ, очевидно, языкъ польскій. Оторвавшись отъ крѣпкаго народнаго корня, аристократія русско-литовская оказалась слабою и неустойчивою въ борьбѣ съ іезуитскою реакціей. Для Ходкевичей, Сопѣговъ, Воловичей, ровно какъ потомъ для Зеновичей, князей Свирскихъ, Глѣбовичей — протестантизмъ оказался только посредствующею переходною ступенью, чтобы вступить въ ряды ожесточенныхъ враговъ православной церкви и потомъ русской народности.

Но если знатные паны, оказавшіе въ началѣ такъ много помощи русской вѣрѣ и народности, ослабѣли, то не ослабѣло среднее сословіе, городское населеніе, въ особенности благодаря крѣпкимъ частнымъ союзамъ, среди него образовавшимся, благодаря знаменитымъ братствамъ. Братства или братчины представляютъ явленіе общее всѣмъ областямъ русскимъ, какъ восточнымъ такъ и западнымъ; но въ городахъ литовской Руси, имѣвшихъ, подобно Вильнѣ, магдебургское право и цеховое устройство, они могли развиться съ большею силою, пріобрѣсти большое значеніе. Въ XVI вѣкѣ въ Вильнѣ было четыре русскихъ братства. Можетъ быть, самое древнее было братство бурмистровское или панское при церкви Пречистенской, состоявшее изъ православныхъ бурмистровъ, радцевъ и лавниковъ и возникшее, очевидно, независимо отъ цеховаго устройства. Въ началѣ XVI вѣка (1509 г.), митрополитъ Іосифъ Солтанъ позволяетъ пользоваться антиминсомъ, присланнымъ изъ Константинополя „мѣщанамъ виленскимъ православнаго христіанства закону греческаго“, составляющимъ „братство дому Пречистое Богородицы“. Въ 1522 году одинъ Виленскій священникъ въ своемъ завѣщаніи писалъ, что все отказанное имъ церкви св. Юрія на Росѣ „маетъ быти подъ свѣдомомъ пановъ бурмистровъ ихъ милости братства Пречистое Богоматере“. Сношенія съ Константинополемъ показываютъ, что въ самомъ началѣ XVI столѣтія это братство уже пользовалось большимъ значеніемъ, и очень вѣроятно, что оно существовало еще въ XV вѣкѣ. Другое братство, замѣчательное по своей древности, есть братство кушнерское, основанное тѣмъ цехомъ, который торговалъ самымъ главнымъ виленскимъ товаромъ — мѣхами и кожами. Уставная грамота короля Сигизмунда I отъ 1538 г. говоритъ, что братство существуетъ уже 80 лѣтъ, слѣдовательно начало его отно-

сится ко временамъ Казимира Ягайловича. Потомъ слѣдуетъ братство—купеческое или кожемяцкое, и братство Росское шапошниковъ, сермяжниковъ и наговичниковъ, составлявшихъ одинъ цехъ. Послѣднее братство—позднѣйшаго происхожденія; уставъ его состоитъ изъ двухъ частей 1) изъ устава собственно ремесленнаго или цеховаго и 2) изъ добавочныхъ статей церковно - благотворительнаго содержанія, заимствованныхъ отъ другихъ братствъ.

Уставы всѣхъ четырехъ братствъ русскихъ, именуемыхъ „медовыми", подтверждены грамотами короля Стефана Баторія въ 1582 г. Приводимъ содержаніе одной изъ нихъ:

„Били намъ челомъ мѣщане мѣста Виленскаго братства купеческаго и повѣдали, что у нихъ выстроенъ собственный братскій домъ каменный на Старичѣ (?) улицѣ; въ этотъ домъ братскій сходятся купцы мѣста нашего Виленскаго, закону греческаго, для разсужденія о „потребахъ церковныхъ и шпитальныхъ", и по своему давнему обычаю покупая на свой счетъ медъ, сытятъ его на великіе праздники, *восемь* разъ въ году (Пасха, Седьмая суббота, Петровъ день, Успеньевъ день, Покровъ, Николинъ день, Рождество и Благовѣщенье) и сходясь по *три* дня тотъ медъ выпиваютъ; воскъ съ тѣхъ медовъ отдаютъ на свѣчи до церкви, а доходъ медовый (денежный) на потребы и оправы и на слуги церковные, также на благотворительныя дѣла до шпиталя (богадѣльни) *Святой Пречистой* и иныхъ, и на милостыню убогимъ; а если въ три дня не выпиваютъ меду разсыченаго, то имѣютъ право продавать съ дому братскаго за деньги безъ платежа пошлинъ (капщизны).

„Для большаго порядка и лучшаго устройства, они составили „артикулы" (уставъ) и просили насъ утвердить оные, вписавъ въ нашу грамоту. Нисходя на ихъ просьбу, мы велѣли это сдѣлать". Слѣдуетъ самый уставъ.

1) Братья старшіе и младшіе избираютъ ежегодно старостъ, которые завѣдуютъ денежными дѣлами и всѣмъ порядкомъ, совѣтуясь съ братствомъ; черезъ годъ старосты отдаютъ отчетъ, они имѣютъ при себѣ ключниковъ для услуги; 2) старосты смотрятъ за тѣмъ, чтобы братья и вписанные *гости* приходячіе сидѣли въ дому братскомъ съ приличіемъ (почтивостію), лишнихъ словъ между собою не говорили, на столъ не налегали, меду братскаго не разливали; въ случаѣ нарушенія этого правила, старосты дѣлаютъ словесный выговоръ, а упорный подвергается наказанію по приговору братскому; 3) если кто въ дому братскомъ учинитъ ссору, то обиженный жалуется старостѣ; староста, выслушавъ, откладываетъ приговоръ до слѣдующаго дня, на который назначается братскій сходъ, рѣшающій дѣло и налагающій наказаніе; 4) не позволяется прибѣгать къ какому-то ни было другому суду; это имѣетъ силу и въ отношеніи къ людямъ духовнымъ какого бы то ни было „стану" „*римской* вѣры и греческой", вписаннымъ въ братство и не вписаннымъ, но приглашеннымъ отъ кого-либо на угощеніе, либо *на день вкупившимся* изъ желанія напиться меду братскаго и бесѣду имѣть съ братьею; нельзя обращаться за судомъ ни къ князю бискупу католическому, ни къ греческому митрополиту; 5) если придетъ шляхтичь, желающій имѣть бесѣду, либо приглашенный или вписавшійся на день, то онъ не имѣетъ права разбирать мѣстъ, а долженъ садиться, гдѣ придется; старосты, впрочемъ, зная состояніе каждаго, должны давать соотвѣтственное мѣсто; 5) нельзя входить съ оружіемъ въ собраніе братства; 7) нельзя быть въ тоже время членомъ другого братства, и 8) если *умретъ* членъ братства, то *на погребеніе* его даются братскія свѣчи и аксамитъ, а братья провожаютъ тѣло.

Уставы другихъ братствъ не представляютъ существенныхъ отличій. Изъ грамоты, данной братству панскому, видно, что домъ этого братства находился на улицѣ Савичъ, что бурмистры, радцы и лавники „русской половицы" собирались шесть разъ въ году (Троицынъ день, Успеніе, Воздвиженіе, Никола, Рождество, Пасха), что братство имѣло свою богадѣльню при Спасской церкви, которой принадлежали бани на рѣкѣ Вильнѣ (Вилейкѣ), купленныя братствомъ и отдаваемыя въ аренду, и сверхъ того домъ на той же Савичъ-улицѣ; доходы съ бань и дома шли на припасы и дрова бѣднымъ, живущимъ въ госпиталѣ (богадѣльнѣ). Братство кушнерское также имѣло свой домъ, собиралось и сытило медъ первоначально два раза въ годъ, потомъ шесть разъ (Духовъ день, Богородицынъ день, Покровъ, Никола, Рождество, Пасха); воскъ шелъ на свѣчи, доходы денежные на госпиталь и т. д. Росское братство имѣло

свой домъ въ предмѣстьѣ Росѣ, собиралось четыре раза въ годъ (Юрьевъ день вешній, Ивановъ день, Рождество Богородицы и Срѣтеніе), воскъ шелъ на свѣчи въ церковь Пречистыя на Росѣ (иначе церковь св. Юрія?); о госпиталѣ не говорится въ грамотѣ, но въ другихъ позднѣйшихъ документахъ упоминается госпиталь россiй.

Медовыя братства, соединяя русскихъ православныхъ людей союзомъ религіозной солидарности, привязывая цѣлыя корпораціи къ извѣстному храму, съ которымъ сростались ихъ преданія и привычки, обеспечивая пріютъ для бѣдныхъ и убогихъ братьевъ по вѣрѣ, приносили значительную пользу дѣлу православія. Когда опасность со стороны іезуитскихъ происковъ, направленныхъ противъ восточной церкви, сдѣлалась ближе и настоятельнѣе, когда ряды православной аристократіи, доселѣ стоявшей за русскую вѣру, сильно порѣдѣли, когда наконецъ высшая церковная іерархія, представляемая лицами мало достойными и заботившимися болѣе о мірскихъ выгодахъ, готова была передать свою вѣру и церковь, тогда явилось въ Вильнѣ знаменитое братство Троицкое, основанное мѣщанами города Вильны „народу русскаго, закону греческаго“.

Уставъ этого братства представляетъ существенныя отличія отъ того, что мы видѣли въ медовыхъ братствахъ: 1) Не время было думать о пирахъ и веселіи; мирная бесѣда съ „гостями римской вѣры“ сдѣлалась невозможною, благодаря вліянію „чужихъ, постороннихъ“ людей. Пріятное и легкое соединеніе благодушнаго и приличнаго веселья съ пользами Божьяго храма и заботливостью объ убогихъ признано недостаточнымъ; теперь потребовалось прямое самоотверженіе и прямой подвигъ. Желающій вписаться въ братство долженъ былъ вносить извѣстную сумму въ братскую кружку (скрынку), сколько самъ захочетъ. Каждый братъ вписавшійся обязанъ былъ въ воскресенье послѣ ранней службы Божіей прійти въ братство и дать въ братскую кружку, сколько можетъ, на милостыню. Каждый годъ, одинъ разъ, именно въ четвертое воскресенье послѣ Рождества Христова, дѣлалась общая складчина для поддержанія братскихъ средствъ, при чемъ каждый обязанъ былъ давать по своей силѣ и волѣ. Въ общую же скриню шло то, что отпишетъ кто-либо изъ братій при своей смерти. Каждый членъ братства обязанъ былъ согласно съ своимъ обѣщаніемъ и рукоданьемъ. исполнять точно братскія повинности и аккуратно посѣщать братскія сходки, въ случаѣ неисправности онъ подвергался наказанію. 2) Новое братство гораздо тѣснѣе соединяло себя съ церковію, называясь по этому церковнымъ, но въ тоже время гораздо болѣе отрѣшалось отъ бытовой связи съ какимъ либо однимъ извѣстнымъ храмомъ и съ его причетомъ. Изъ доходовъ братскихъ каждую недѣлю четыре раза (въ воскресенье, среду, пятницу и субботу) отправляется служба Божія ранняя у алтаря братскаго священникомъ и діакономъ братскими. Сверхъ того въ пятницу послѣ ранней обѣдни совершается всѣмъ Троицкимъ соборомъ молебенъ за короля и за все христіанство. Въ каждую церковь на каждый храмовой праздникъ опредѣлялось отпускать по шести грошей на богомолье; монахамъ и монахинямъ каждую недѣлю слѣдовало давать на содержаніе, сколько позволяютъ средства. 3) Новое братство гораздо шире и независимѣе отъ корпоративнаго начала развивало свою благотворительность. Два раза въ годъ, въ день Рождества и въ день Пасхи, братство обязывалось своимъ уставомъ раздавать милостыню по богадѣльнямъ, по тюрьмамъ и на улицахъ нищимъ. Кромѣ того оно производитъ вспоможеніе братьямъ разорившимся и обѣднѣвшимъ по какому-либо несчастному случаю, а также въ случаѣ болѣзни несостоятельнаго братчика. Если послѣ смерти брата вписаннаго не окажется средствъ, достаточныхъ для его погребенія, то братство должно было устраивать похороны изъ братской казны. 4) Наконецъ, что всего важнѣе, основатели Троицкаго братства поняли необходимость науки и просвѣщенія для охраненія церкви православной. Братство основываетъ школу, въ которой дѣти членовъ братства и убогія сироты могутъ обучаться даромъ языку и письму русскому, греческому, латинскому и польскому. Братство обязывается содержать и имѣть въ своемъ вѣдѣніи людей въ письмѣ ученыхъ, — особъ духовныхъ и свѣтскихъ, — для школьной науки и печатать книги всякія стараго и новаго завѣта, потребныя для науки школьной и для церкви— по гречески, по славянски, по русски и по польски. Вслѣдствіе того, въ самомъ началѣ

своего существованія братство имѣло свою типографію.

Уже въ маѣ 1588 года, мы находимъ это братство дѣйствующимъ, оно завязываетъ сношенія съ братствомъ Львовскимъ, которое было основано въ 1586 году на такихъ же началахъ какъ Виленское. „Вси купно братія о Христѣ храма святыя живоначальныя Троицы, граждане Виленскіе“, благодарятъ гражданъ Львовскаго братства за доставленіе начала изданной послѣднимъ славяногреческой грамматики, просятъ, чтобы при окончаніи изданія было прислано сто или двѣсти экземпляровъ съ назначеніемъ надлежащей цѣны и притомъ отправленъ былъ дьякъ или два, которые бы могли понимать эти книги и другихъ научить. Съ своей стороны виленское братство посылаетъ тридцать экземпляровъ книги, содержащей порядки или *Чинъ братства* своего и книгу *Маргаритъ*, въ которой находится между прочимъ обличеніе армянской ереси.

Въ іюнѣ 1588 года на пути въ Москву посѣтилъ великое княжество литовское константинопольскій патріархъ Іеремія. Когда онъ, 3 іюня, прибылъ „во богоспасаемый градъ Вильню“, то къ нему явились граждане мѣста Виленскаго члены церковнаго братства святыя Троицы „и дали намъ, — говоритъ патріаршая грамота (отъ 5 іюня) во разсмотрѣніе и исправленіе книгу: Чинъ братства своего церковнаго, юже въ сіе лѣто 1588 г. благословеніемъ Онисифора митрополита кіевскаго напечаташа“. Патріархъ, разсмотрѣвъ все по ряду и убѣдившись, что все тамъ написанное служитъ къ скрѣпленію любви духовной и къ развитію христіанскаго благочестія, благословилъ и утвердилъ „сіе Богу угодное братство“, благословилъ имѣть въ дому братскомъ братскую школу языка греческаго, латинскаго и русскаго (польскій пропущенъ), а также типографію. Кромѣ того, Іеремія далъ братству право отлучать отъ церкви всякаго непокоряющагося истинѣ и подающаго собою соблазнъ другимъ, всякаго, кто бы захотѣлъ противиться богоугодному братству, разорять его или клеветать на него, будь то архіепископъ, епископъ, протопопъ, діаконъ или мірской человѣкъ какого бы то ни было сана и званія. Патріаршая грамота, по его повелѣнію, была прочитана протопопомъ и священниками во всѣхъ церквахъ виленскихъ.

Нельзя не замѣтить, что страшное право отлученія, данное людямъ свѣтскимъ надъ церковною іерархіею, имѣло весьма опасную сторону и дѣйствительно было потомъ причиною неудовольствія и раздраженія, помогшихъ ускоренію уніи. Поступокъ патріарха оправдывался только тѣмъ печальнымъ положеніемъ, въ которомъ находились дѣла церковныя въ великомъ княжествѣ литовскомъ. На возвратномъ пути, въ 1589 году, ему были поданы такія сильныя жалобы на церковные безпорядки, виною которыхъ были порочные епископы и нерадивый архипастырь, оказавшійся при томъ двоеженцемъ, что Онисифоръ долженъ былъ оставить митрополію. По представленію христіанства, т. е. всѣхъ православныхъ западной Россіи, на митрополію поставленъ Михаилъ Рагоза, архимандритъ Минскій. Троицкій монастырь, который на основаніи рѣшенія, произнесеннаго Стефаномъ Баторіемъ, долженъ былъ поступить въ вѣдѣніе бурмистровъ и радцевъ виленскихъ греческой вѣры только по смерти Онисифора, очевидно не могъ оставаться подъ управленіемъ низложеннаго и осужденнаго; городское общество теперь же приняло монастырь въ свою справу.

Братство, уставъ котораго въ 1589 г. былъ утвержденъ также и королемъ Сигизмундомъ III, быстро развилось и богатѣло средствами. Въ 1592 году у мѣстнаго жителя Нарушевича купленъ этимъ братствомъ домъ, называемый Гамшіевскимъ, другой домъ былъ подаренъ ему виленскимъ мѣщаниномъ, вписавшимся въ братство, Кондратовичемъ: оба дома, стоявшіе рядомъ на Большой улицѣ, на лѣвой сторонѣ, идя отъ рынка (теперешней театральной площади) къ Острымъ воротамъ были соединены въ одно зданіе и здѣсь была открыта школа, въ которой ученые люди, вызванные братствомъ, стали преподавать языки греческій, латинскій, русскій и польскій. Изъ Львова явился дидаскалъ Кирилло, изъ Бреста другіе профессора, привлекаемые, по словамъ недоброжелателей, жирными пирогами виленскими. „Сообщаемъ твоему святительству, писали изъ Львова патріарху въ 1592 году, радостныя вѣсти: въ Вильнѣ братство размножается — Ѳедоръ Скуминъ (Тышкевичъ), воевода Новгородокскій, и панъ Богданъ Сопѣга, воевода Минскій, со многими чиновными людьми вступили въ братство церковное“.

Благодаря ходатайству этихъ знатныхъ особъ и при посредствѣ митрополита, братство получило отъ бурмистровъ и радцевъ право пользоваться каменною трапезой въ Троицкомъ монастырѣ и позволеніе братскимъ священникамъ совершать въ извѣстные дни богослуженіе при большомъ алтарѣ Троицкомъ, такъ какъ братство, имѣя своихъ особыхъ священниковъ, еще не имѣло своей особой церкви. Въ 1594 году, по духовному завѣщанію купца виленскаго Павла Снипки, братство получило третій домъ на той же Большой улицѣ, въ той же мѣстности, какъ и два вышеозначенныхъ.

Такимъ образомъ братство процвѣтало; но у него явились недоброжелатели съ такой стороны, съ какой всего менѣе слѣдовало ожидать этого. Самое значительное и знатное изъ прежнихъ братствъ виленскихъ, братство панское или бурмистрское, отнеслось къ успѣхамъ Троицкаго братства съ чувствами завистливаго соперничества. Это мелкое, но, къ сожалѣнію, вполнѣ естественное чувство корпоративной исключительности и самолюбія, завело виленскихъ бурмистровъ и радцевъ далѣе, чѣмъ они, быть можетъ, сначала думали. Въ 1592 году бурмистры, радцы и лавники русскіе жаловались намѣстнику митрополита протопопу Іоанну Парѳеновичу, что вызванные братствомъ Троицкимъ священники (Симеонъ и Ѳеодосій, да дьяконъ Герасимъ) вводятъ новые обычаи и произвольныя измѣненія въ обрядахъ церковныхъ при крещеніи и вѣнчаніи. Въ 1594 году бурмистры и радцы обидѣлись тѣмъ, что въ январѣ этого года, въ пятницу, 23 дня, братскіе священники (Симеонъ и Василій) безъ ихъ позволенія отслужили вечерню у большаго алтаря Троицкаго; они пошли жаловаться митрополиту, ко двору его при церкви Пречистенской. Услышавъ отъ митрополита, что *онъ* далъ позволеніе братскимъ священникамъ служить въ Троицкой церкви, они сѣтовали о нарушеніи правъ и вольностей своихъ, которыя они получили отъ короля на Троицкій монастырь, и требовали отъ Михаила Рагозы, чтобы онъ безъ ихъ вѣдома не распоряжался ихъ собственностію. Митрополитъ въ видахъ согласія и спокойствія обѣщалъ, что онъ запретитъ на будущее время братскимъ священникамъ служить въ Троицкой церкви; пусть лучше церковь, говорилъ онъ, стоитъ праздною и безъ хвалы Божіей, чѣмъ ссора и раздоры. Но въ томъ же самомъ году, виленское Троицкое братство, къ неудовольствію бурмистровъ, снова получило доступъ къ алтарю для своихъ священниковъ. На Брестскомъ соборѣ этого года было постановлено: для устраненія всякихъ непріятностей и раздоровъ, дать Виленскому братству благословеніе на постройку своей отдѣльной церкви на братскихъ грунтахъ, согласно съ привилегіею, полученною братчиками отъ короля; а между тѣмъ пока этого не будетъ сдѣлано, снова разрѣшить братскимъ священникамъ отправленіе службы въ Троицкой церкви монастыря Виленскаго. Нужно замѣтить, что бурмистры и радцы, выражавшіе недавно такую заботливость о монастырѣ, такъ ревностно добивавшіеся получить его въ свое завѣдываніе и теперь такъ ревниво охраняющіе свое вновь пріобрѣтенное право нисколько не измѣнили къ лучшему положенія монастыря, оставляли его безъ священниковъ, долго не назначали игумена или архимандрита, допускали злоупотребленія, приказывали звонить въ колокола при погребеніи иновѣрныхъ членовъ магистрата. Митрополитъ дѣлалъ имъ выговоры, а они жаловались на митрополита королю. Но когда слабохарактерный Рагоза очутился во главѣ епископовъ, устроившихъ унію, когда главнымъ борцомъ противъ уніи и митрополита явилось именно Троицкое братство, тогда произошло примиреніе, обнаружилось удивительное согласіе: митрополитъ торопитъ бурмистровъ, чтобы они какъ можно скорѣе отобрали у братства не только алтарь, но и каменную трапезу, бурмистры въ одинъ тонъ съ митрополитомъ представляютъ королю членовъ братства, какъ бунтовщиковъ и нарушителей спокойствія, становятся на сторону уніи. Объ этой уніи мы и должны теперь говорить, на сколько она касается Вильны. Мы не будемъ разсказывать того, какъ родилась мысль объ уніи, какъ эта мысль созрѣвала, какъ постепенно подготовлялось ея осуществленіе, не будемъ останавливаться на всѣхъ проискахъ и колебаніяхъ главныхъ творцевъ уніи. Общую исторію литовской уніи мы предполагаемъ извѣстною и останавливаемся только на тѣхъ эпизодахъ, которые совершались въ Вильнѣ, или въ которыхъ вилен-

ское православное населеніе стояло на первомъ планѣ.

Безпокойное и тревожное время переживала Вильна въ 1595 году. Слухи объ измѣнѣ церкви православной, задуманной невѣрными пастырями, распространялись все съ большею силою. Школьный братскій учитель Стефанъ Зизаній волновалъ всѣхъ православныхъ жителей города извѣстіями объ уніи, поднималъ ихъ противъ епископовъ предателей. „Великую войну велъ съ римлянами Зизаній, говоритъ лѣтопись, не только на ратушахъ, при рынкѣ, по дорогамъ, но и по срединѣ церкви святой". Митрополитъ отвергалъ слухи о своемъ участіи въ дѣлѣ уніи, писалъ виленскимъ священникамъ (16 іюля), чтобы они, и особенно Зизаній, не смѣли разсѣевать подобной молвы между христіанами. Но православныхъ жителей Вильны нельзя было успокоить такими увѣреніями; они были слишкомъ глубоко встревожены, имѣли слишкомъ вѣрныя извѣстія. Они заранѣе готовили протесты, искали себѣ помощи и опоры у своего воеводы сильнаго князя Радивила, просили этого протестанта вразумить ихъ митрополита, который поднялъ тревогу, возмутившую не только обывателей мѣста виленскаго, но и весь народъ христіанскій, русскій. Митрополитъ, видя, что его обѣщаніе „до горла боронити" церковь восточную, не достигаетъ цѣли; прибѣгнулъ къ другимъ средствамъ. Протопопъ и намѣстникъ митрополичій Иванъ Парѳеновичъ, священникъ Воскресенской церкви Леонтій, Спасской—Малафей, Росской—Демьянъ, Ивановской — Емельянъ, Пятницкой — Ѳеодоръ, были призваны на судъ къ митрополиту въ Новгородокъ. Митрополитъ обвинялъ ихъ въ томъ, что они, „сбунтовавшись съ нѣкоторыми мѣщанами виленскими", нарушаютъ общее спокойствіе, возстаютъ противъ своего верховнаго пастыря, и до судебнаго рѣшенія объявлялъ ихъ состоящими подъ запрещеніемъ. Грамота архипастыря (отъ 12 августа), была получена въ Вильнѣ 21 августа. На другой день была пятница, — день, который усердные христіане привыкли освящать усердною молитвою, посѣщеніемъ Божіихъ храмовъ. Но ни въ соборной Пречистенской церкви, гдѣ былъ настоятелемъ Парѳеновичъ, ни въ другихъ церквахъ богослуженіе не отправлялось; привычный и знакомый благовѣстъ не призывалъ православныхъ въ церковь. Это удивило всѣхъ жителей Вильны; городскія власти, обязанныя наблюдать за спокойствіемъ и порядкомъ, были встревожены и отправились къ соборной церкви. Здѣсь находился протопопъ со всѣми вышепоименованными священниками. На вопросъ о причинѣ, почему не было богослуженія, Парѳеновичъ показалъ митрополичью грамоту, которая, подъ угрозой вѣчнаго отлученія и проклятія, запрещала ему и его товарищамъ надѣвать на себя іерейское облаченіе, исправлять какія-либо обязанности священства. Легко себѣ представить, въ какой степени такая новость должна была взволновать все православное населеніе Вильны.

Вслѣдъ за тѣмъ (30 сентября), гнѣвъ митрополита обрушился на Зизанія. Это онъ возмущаетъ церкви въ городѣ Вильнѣ, онъ произвелъ раздвоеніе въ народѣ, онъ клевещетъ на митрополита, замышляетъ протестаціи, принуждая къ нимъ пресвитеровъ, это онъ ведетъ народъ къ кровопролитію, грозитъ уничтожить всякую церковную власть, а самъ встать на ея мѣсто. Всѣ епископы, братія моя, пишетъ митрополитъ Зизанію, жаловались на тебя и просили, чтобы я не позволялъ болѣе сидѣть тебѣ у нихъ на шеѣ. Вслѣдствіе того, братскому учителю была запрещена проповѣдь, запрещено пѣть и читать на крылосѣ; митрополитъ желалъ бы наложить болѣе суровое наказаніе, но этого безъ королевскаго позволенія пока нельзя было сдѣлать.

Угрозы и казни падали на Зизанія, за то главнымъ образомъ, что онъ клеветалъ на митрополита, будто онъ измѣняетъ православію. Но между тѣмъ, всѣ католическіе духовные по домамъ, по улицамъ и по костеламъ своимъ явно твердили православнымъ жителямъ Вильны: „вы уже должны будете по нашему состоять подъ властію папскою. Уже владыки и отецъ митрополитъ на это согласились и подписались". Православное виленское духовенство просило митрополита, чтобы онъ, не тревожа церкви Христовой, далъ прямой отвѣтъ относительно уніи. „Мы еще до сихъ поръ ждемъ отвѣта", говорится въ письмѣ духовенства къ Тышкевичу, отправленномъ въ ноябрѣ (1595 г.). Самъ Тышкевичъ писалъ

нѣсколько разъ, и тоже не получалъ положительнаго отвѣта. Но вотъ явился въ Вильнѣ писарь митрополита, Григорій, съ грамотами своего господина къ братству церковному и къ бурмистрамъ—очевидно по предмету ихъ спора объ отправленіи богослуженія въ Троицкомъ монастырѣ. Этотъ Григорій разсказывалъ вполнѣ положительно, что владыки уже поддались подъ „папежское благословенство", отступивши отъ православія; мало того, онъ показывалъ королевскую привилегію, въ которой Сигизмундъ III обѣщался оборонять соединившихся съ римскою церковью отъ неблагословенія и клятвъ патріарховъ, а также грамоту объ уніи, подписанную епископами. Григорій могъ еще сообщить, что два епископа Терлецкій и Потѣй уже поѣхали въ Римъ. Сомнѣнія больше не было. Тогда-то раздался смѣлый и сильный протестъ православнаго духовенства виленскаго. „Такъ какъ мы, люди православія греческаго, уразумѣли, что митрополитъ и епископы подкапываютъ нашу вѣру и въ неволю ее отдаютъ безъ вѣдома старшихъ своихъ (т. е. патріарховъ) и насъ, меньшихъ всего; что безъ вѣдома пановъ и всѣхъ православныхъ христіанъ, сами въ четверомъ или въ пятеромъ все дѣло дѣлаютъ: то мы, все духовенство греческаго исповѣданія, протестуемъ предъ Богомъ и всѣмъ народомъ христіанскимъ, что мы о таковомъ отступленіи отъ своихъ старшихъ патріарховъ не мыслили, не знали и не соглашались на него, но во всемъ хотимъ стоять ненарушимо при святомъ благочестіи Восточной соборной церкви".

Въ отвѣтъ на это послѣдовало закрытіе церкви одного изъ священниковъ, должно быть болѣе другихъ пылкаго; 24 ноября (4 сентября [1]) бурмистры и радцы запечатали церковь св. Юрія на Росѣ, обвиняя священника Демьяна въ растратѣ церковнаго имущества, ссылаясь на то, что онъ лишенъ священства митрополитомъ. Въ январѣ (1596 года), епископы, собравшіеся въ Новогородкѣ, отлучили отъ церкви и предали проклятію Стефана Зизанія, какъ еретика. Его осудили за книгу, которую онъ напечаталъ противъ римской церкви, и въ которой разсуждалъ, будто бы, не на основаніи слова Божія, а „только силлогизмою". Но вмѣстѣ съ Зизаніемъ подверглись карѣ два братскихъ священника (Василій и Герасимъ), которые книгъ не написали, и нѣкоторые свѣтскіе люди. Противъ мнимо-соборнаго дѣйствія послѣдовала протестація со стороны осужденнаго. Въ ней говорилось, что митрополитъ съ своими единомышленниками не могъ быть судьею въ своемъ дѣлѣ, что, находясь въ ереси отщепенства, обвиненный торжественно предъ лицомъ всей церкви, онъ самъ являлся отвѣтчикомъ и долженъ былъ, по правиламъ вселенскихъ соборовъ, судиться предъ патріархомъ, а вмѣсто того онъ, вопреки всѣмъ правиламъ, произноситъ свой судъ заочно, не выслушавъ оправданія; въ Вильнѣ даже не знали, по словамъ протеста, о предположенномъ собраніи въ Новогородкѣ, никого изъ виленскихъ священниковъ тамъ не было, князя Острожскаго не было. Но борьба съ митрополитомъ и епископами была трудна и опасна, хотя бы протестующіе и были вполнѣ правы; за духовными властями стояла власть свѣтская, стоялъ самъ король. Чрезъ три мѣсяца (въ маѣ 1596) на виленскихъ площадяхъ былъ торжественно прочитанъ, а потомъ прибитъ къ костеламъ и на перекресткахъ грозный королевскій декретъ Сигизмунда III-го. Зизаній и братскіе священники осуждались на изгнаніе изъ государства, запрещалось имѣть съ ними какое-бы то ни было общеніе, предписывалось властямъ немедленно подвергнуть ихъ заключенію и дать знать королю, если бунтовщики гдѣ нибудь снова появятся. Таже самая участь грозила другимъ священникамъ и проповѣдникамъ, которые будутъ осуждены судомъ духовнымъ; ихъ повелѣвалось предавать для наказанія уряду свѣтскому. Отнимая у Троицкаго братства руководителей, король въ тоже время приказывалъ отобрать у него алтарь церковный въ монастырѣ, а услышавъ, что нѣкоторые мѣщане виленскіе, возстающіе противъ уніи, купили себѣ землю въ городѣ и строятъ новую церковь, король объявилъ это бунтомъ, стремленіемъ распространить ересь и смятеніе, и строго воспретилъ то, что было недавно позволено духовнымъ соборомъ и его собственною грамотой (декретъ отъ 19 августа).

1) Чтобы дѣлаемыя нами переложенія новаго стиля на старый не возбудили какого либо недоразумѣнія,— можетъ быть не лишнее припомнить, что въ XVI и XVII вѣкѣ Григоріанское лѣтосчисленіе отличалось отъ нашего только десятью днями.

Когда православное виленское населеніе находилось подъ впечатлѣніемъ цѣлаго ряда суровыхъ мѣръ и еще болѣе суровыхъ угрозъ, тогда (21-го августа 1569 г.) явилось окружное посланіе митрополита Рагозы, приглашающее на соборъ въ Брестѣ Литовскомъ.

Церковное устройство православной церкви, сохранившееся въ великомъ княжествѣ литовскомъ, допускало къ участію въ дѣлахъ церковныхъ не только одно духовенство, но и самую паству или мірянъ. Сообразно съ этимъ, кромѣ трехъ священниковъ, служившихъ представителями виленскаго духовенства, на Брестскій соборъ отправились два посла отъ *города* Вильны (Остафій Максимовичъ Боровинъ—радца, Иванъ Андреевичъ Курьянъ — писарь), и восемь пословъ отъ церковнаго *виленскаго братства* (Гавріилъ Дашковичъ, Иванъ Василовичъ, Исаакъ Кононовичъ, Григорій Здановичъ, Иванъ Карповичъ, Прокопъ Стрзилудовичъ, Левонъ Ивановичъ, Иванъ Андреевичъ). Вмѣстѣ съ большинствомъ собравшихся въ Брестѣ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, всѣ выше исчисленные представители православной Вильны объявили себя противъ уніи. 9-го октября (1596 г.) въ Брестѣ было издано соборное опредѣленіе, въ которомъ митрополитъ и пять епископовъ объявлены лишенными архіерейскаго сана, потому что задумали соединеніе церквей, которое могло быть рѣшено только вселенскимъ соборомъ, и потомъ, будучи позваны на соборъ къ отвѣту, не явились и отвѣта не дали. Подъ декретомъ о низложеніи подписались послы отъ всего клира виленскаго: священники—Леонтій Воскресенскій, Емельянъ Юрьевскій, и братскій Троицкій священникъ Василій. Съ своей стороны митрополитъ съ епископами—уніатами выдалъ декретъ о лишеніи сана и проклятіи епископовъ, отвергшихъ унію, и ихъ сообщниковъ. Такъ совершилось раздѣленіе западно-русской церкви на православную и уніатскую, что̀ и называется уніей.

Впечатлѣніе, произведенное въ Вильнѣ Брестскими событіями, трудно опредѣлить. Повидимому, православная паства, измѣннически оставленная своею іерархіей, очутилась съ начала въ затруднительномъ положеніи: не имѣя всѣми признанныхъ руководителей, она не знала, на что рѣшиться; преобладало недоумѣніе и даже нѣкоторое уныніе. Люди мнительные, люди боязливые и нерѣшительные, лица не готовые на самопожертвованіе и отреченіе отъ мірскихъ выгодъ колебались, мучились совѣстію, готовы были пойти на сдѣлку съ нею, на уступку предъ опасностями. Лишенные своей іерархіи, очутившись въ положеніи лютеранъ и кальвинистовъ, за сближеніе съ которыми противники уже попрекали Зизанія и князя Острожскаго, многіе изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, протестовавшихъ противъ готовившейся уніи, покорились ей, когда она совершилась. Присталъ къ уніи Тышкевичъ, такъ ревностно ей противодѣйствовавшій, осталось на своихъ мѣстахъ виленское духовенство, не поминая на богослуженіи папы, но поминая низложеннаго соборомъ митрополита. Съ своей стороны Михаилъ Рагоза и его единомышленники продолжали утверждать, что ничего не измѣнилось, что все остается по прежнему, что они ничего не будутъ вводить новаго, что унія ограничивается только признаніемъ папы со стороны митрополита. Слѣдующая сцена, относящаяся къ январю 1597 года, очень ясно обрисовываетъ положеніе людей вышеописаннаго характера. Виленскіе бурмистры и радцы засѣдали въ своемъ дому братскомъ и разсуждали о дѣлахъ своего госпиталя. Вдругъ никѣмъ не приглашенный входитъ троицкій архимандритъ Софроній и обращается къ собранію съ такою рѣчью: „я пришелъ до вашей милости для того, чтобы объявить вамъ, что я больше не хочу быть архимандритомъ и настоятелемъ въ монастырѣ троицкомъ. Я сдѣлался предметомъ всеобщей ненависти за то, что поминаю митрополита въ эктеніяхъ и на молитвахъ и прошу за него Бога. До сихъ поръ я это дѣлалъ противъ своей совѣсти и долга, но съ этого часу я не буду просить Бога за митрополита и не хочу быть старшимъ въ монастырѣ. Я скорѣе готовъ быть простымъ чернецомъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, даже собирать милостыню, чѣмъ молить Бога за нынѣшняго митрополита. Я хочу сохранить свою совѣсть въ чистотѣ.“ Вслѣдъ за тѣмъ, архимандритъ положилъ ключи монастырскіе на столъ предъ бурмистрами и радцами. „Я получилъ эти ключи отъ вашей милости и опять ихъ вашей милости отдаю.“ Удивленные такимъ рѣшительнымъ образомъ

дѣйствій своего архимандрита, бурмистры осыпали его вопросами: „зачѣмъ ты это дѣлаешь? кто тебя подговорилъ? можетъ ты пріискалъ себѣ мѣстечко гдѣ индѣ?“ Но Софроній стоялъ на своемъ. „Добровольно принялъ я отъ вашей милости монастырь, добровольно его оставляю. Прошу васъ, прикажите кому-нибудь осмотрѣть, всѣ ли вещи церковныя цѣлы. Я съ собою ничего не беру.“

И ушелъ оставивъ на столѣ ключи.

Бурмистры и радцы сейчасъ же извѣстили объ этомъ митрополичьяго намѣстника протоіерея Парѳеновича, а тотъ немедленно послалъ за Софроніемъ. Неизвѣстно чѣмъ подѣйствовалъ на Софронія Парѳеновичъ, но, если вѣрить его разсказу, то архимандритъ предъ нимъ сознался, что онъ, Софроній, рѣшился на свой поступокъ „за намовою (вслѣдствіе подговора) нѣкоторыхъ священниковъ соборныхъ“, и будто бы сожалѣлъ о случившемся, даже просилъ ходатайствовать за него предъ бурмистрами и радцами о возвращеніи монастыря Троицкаго.

Тѣмъ не менѣе, Софроній не остался архимандритомъ; въ 1599 году это званіе носилъ Іосафъ.

Нѣсколько иначе вело себя Троицкое братство. Поддерживая сношенія съ Львовскимъ братствомъ, оно хорошо знало, что Львовскій владыка Гедеонъ (Балабанъ) остался вѣрнымъ православію, знало, что въ обширныхъ владѣніяхъ князя Острожскаго находится новый митрополитъ русскій (Лука Бѣлогородскій), что православная іерархія не изсякнетъ. Оно поддерживало сношенія съ скрывавшимся Зизаніемъ и продолжало строить свою церковь, не смотря на то, что король, сперва позволившій это, произнесъ потомъ строгое запрещеніе. Хотя изъ двухъ разнорѣчащихъ проявленій королевской воли, должно было, очевидно, имѣть силу только послѣднее, Троицкое православное братство все-таки, какъ мы сейчасъ увидимъ, оставалось на почвѣ законности.

Въ мартѣ 1597 года возный (приставъ) Петръ Юрьевичъ Новоша, по требованію русскихъ бурмистровъ и радцевъ, былъ на плацу Воловичовъ, гдѣ именно строилась новая русская церковь, и долженъ былъ донести, что строится она по желанію жены Брестскаго воеводы Зеновича (урожденной Воловичъ и родной сестры Воловича, Виленскаго католическаго епископа), которая оставалась упорной „схизматичкою“, не смотря на то, что ея мужъ былъ ревностнымъ кальвинистомъ, и по желанію православной жены другаго еретика, Смоленскаго воеводы Абрамовича. Бурмистры должны были промолчать; королевское запрещеніе не имѣло силы, ибо литовское дворянство, во всѣхъ правахъ уравненное съ польскимъ при Люблинской уніи, имѣло право строить на своихъ земляхъ какія угодно церкви. Слѣдовательно законнымъ путемъ нельзя было помѣшать окончанію постройки, начатой православнымъ братствомъ. Но къ несчастію для Польши, въ ея государственномъ строѣ, и безъ того не очень крѣпкомъ, пріобрѣли излишнюю силу элементы, способные привести его только къ окончательному разложенію, захватило страшную власть въ свои руки чуждое учрежденіе, которое не хотѣло знать государственной законности и стремилось окончательно поколебать ея основы, и безъ того слабыя въ польскомъ аристократическомъ обществѣ. Этотъ гибельный духъ, погубившій потомъ Польшу, рѣзко обнаружился именно въ данномъ случаѣ. Въ Вильнѣ, мы знаемъ, были іезуиты, принявшіе подъ свое покровительство унію; въ рукахъ іезуитовъ было многочисленное академическое юношество, воспитываемое ими въ духѣ фанатизма и беззаконнаго своеволія. Этою „уздою еретиковъ“ нашли нужнымъ воспользоваться почтенныя лица, поселившіяся близъ костела св. Яна, напротивъ дворца епископскаго, когда въ 1598 году православные должны были праздновать первую пасху въ только-что отстроенной церкви св. Духа. Уже въ великую субботу, когда въ церкви дѣлались приготовленія къ празднику, въ ней явились неожиданные посѣтители. Толпа студентовъ въ 50 человѣкъ, подъ предводительствомъ ксендза Геліашевича, плебана, посѣтила сначала братскую школу, гдѣ Геліашевичъ требовалъ диспута съ однимъ чернецомъ, живущимъ въ школьномъ домѣ, а студентъ Антонъ Десарани, поощряемый его примѣромъ, затѣялъ ссору съ русскимъ педагогомъ (Ольшевскимъ), который, вмѣстѣ съ своимъ воспитанникомъ молодымъ княземъ Огинскимъ, посѣщалъ русскую „коллегію“. Отсюда толпа пробралась въ братскую церковь, вошла прямо въ алтарь, гдѣ предавалась всякому безчинству и кощунству,—чрезъ царскія двери

торжественно выступила на средину храма, сняла плащаницу съ гроба господня и съ святотатственнымъ глумленіемъ носила ее по церкви; когда служители, занимавшіеся въ церкви приготовленіями для слѣдующаго дня, стали уговаривать студентовъ, то они, и самъ ксендзъ Геліашевичъ, бранились, грозили палками и нѣкоторымъ дѣйствительно нанесли побои. Это было еще только начало тѣхъ подвиговъ, которыми хотѣли отличиться іезуитскіе питомцы. Въ самое Свѣтлое Воскресеніе, во время богослуженія, снова явилось нѣсколько десятковъ академическаго юношества; они окружили гробъ господень, старались его опрокинуть, затѣмъ садились на него, издѣвались и смѣялись надъ церковными церемоніями, кололи молящихся булавками; потомъ, выдвинувшись впередъ, заняли мѣсто у алтаря и не пропускали желающихъ принять св. причастіе. Наконецъ, въ тотъ же день, во время вечерни, безнаказанная, безъ сомнѣнія разсчитанная и поощряемая дерзость и наглость студентовъ достигла послѣднихъ предѣловъ. Они опять явились въ церкви и уже на этотъ разъ вооруженные, начали съ тѣхъ же самыхъ сценъ, которыя были произведены утромъ, но на нихъ не остановились: нѣсколько разъ наносили сзади удары дьякону Михаилу, когда онъ кадилъ въ церкви, такъ что тотъ не выдержалъ и громко жаловался народу; занявъ мѣсто у амвона, не пропускали къ нему священниковъ, которые должны были пѣть посрединѣ церкви духовныя стихиры (на стиховнахъ); профессоръ греческаго языка („боколяръ кгрецкій") въ братской школѣ (Демьянъ Капишовскій), обратившійся къ толпѣ съ приглашеніемъ немного податься, получилъ ударъ по лицу. Оставивъ церковь, толпа ждала выходящихъ изъ ней, бросалась на нихъ съ обнаженными саблями, ворвалась снова во дворъ русской коллегіи; ранивъ здѣсь одного слугу воеводы Брестскаго (Зеновича), пана Симона, она выбѣжала на улицу, чтобы позвать къ себѣ на помощь товарищей и пособниковъ. На улицѣ ожидало уже другое сборище въ нѣсколько сотъ человѣкъ, состоявшее изъ студентовъ академіи, виленскихъ мастеровыхъ и торговцевъ католическаго исповѣданія. Вся эта сила начала штурмовать домъ братства православнаго и другой домъ рядомъ, въ которомъ остановилась пріѣхавшая на богомолье жена Смоленскаго воеводы Абрамовича; ворота были выломаны, желѣзныя рѣшетки въ окнахъ разбиты, стѣны повреждены; толпа стрѣляла изъ луковъ и лучницъ, переранила школьную челядь и церковную прислугу. Подобныя насилія возобновились и въ понедѣльникъ, но все-таки они, едва ли, достигли вполнѣ своей цѣли. Ясное дѣло, что руководителямъ безпорядковъ слѣдовало желать сопротивленія со стороны православныхъ, собравшихся въ церкви; это могло бы повести къ закрытію послѣдняго молитвеннаго убѣжища противниковъ уніи, къ полному прекращенію православнаго богослуженія въ Вильнѣ. Но православные, видя поруганіе своего храма, не сдѣлали его театромъ борьбы, продолжали молиться или плакали отъ огорченія. Они прибѣгли потомъ къ суду. Старосты Троицкаго (Свято-Духовскаго) братства, дворянство уѣздовъ Лидскаго, Трокскаго и Ошмянскаго обращались и въ гродскій судъ, и въ судъ трибунальный. Ни тотъ, ни другой судъ не счелъ для себя возможнымъ судить іезуитскую коллегію и приглашалъ обиженную сторону принести жалобу на сеймѣ, куда, однако, трудно, даже невозможно было вызвать всѣхъ или даже достаточное число свидѣтелей трехдневнаго насилія [1]).

Въ этой исторіи мы должны отмѣтить одно обстоятельство, которое можетъ быть не осталось безъ вліянія на нѣкоторыя виленскія событія ближайшихъ годовъ, именно на попытки сближенія православныхъ съ протестантами, на чемъ мы должны будемъ также остановиться. Во время погрома, устроеннаго іезуитскими питомцами противъ Свято-Духовской церкви, между прочимъ оскорблена была честь двухъ важныхъ протестантскихъ вельможъ, Зеновича и Абрамовича. Протестантамъ и православнымъ, очевидно, пора было подумать объ общемъ отпорѣ противу насилія, отъ котораго одинаково страдали обѣ стороны; побуждало къ тому не только одинаковое политическое положеніе той и другой церкви, но и родственныя связи, которыми соединены были высшія протестантскія фамиліи съ православными. Въ нижнихъ слояхъ интересы также были связаны, какъ и въ высшихъ. Въ нѣкоторыхъ цехахъ вилен-

[1]) Акты Виленскаго Гродскаго Суда, въ виленскомъ центральномъ архивѣ.

скихъ, были католики, православные и протестанты, и пользовались первоначально одинаковыми правами. Теперь это измѣнилось, какъ это мы видимъ, напримѣръ, изъ документовъ, относящихся къ швецкому цеху (башмачниковъ и сапожниковъ). Когда проѣзжалъ чрезъ Вильну (въ Москву) папскій легатъ (Александръ Комулей) виленскіе швецы латинской вѣры выпросили у него грамоту, которая возстановляла забытое отношеніе цеха къ алтарю св. Анны въ свято-Янскомъ костелѣ, установляла въ извѣстные дни отправленіе торжественныхъ процессій. Потомъ они, безъ вѣдома своихъ товарищей, выхлопотали отъ короля привилегію, постановляющую, что въ церковныхъ церемоніяхъ цеха должны участвовать всѣ старшіе члены безъ различія вѣроисповѣданія, что общіе доходы цеха должны идти только на украшеніе алтаря св. Анны, на содержаніе католическаго священника, тогда какъ прежде извѣстная часть удѣлялась на церковь греческую. На этомъ основаніи члены цеха „греческой" вѣры и нѣмецкой (лютеране) были принуждаемы къ участію въ католическихъ церковныхъ церемоніяхъ, были оттѣсняемы католиками отъ одинаковаго участія въ пользованіи общими правами. Тоже самое дѣлалось во всѣхъ городахъ, въ цехахъ каждаго ремесла.

Само положеніе вещей указало такимъ образомъ на необходимость союза двухъ одинаково притѣсняемыхъ сторонъ противъ одной притѣсняющей. И вотъ наконецъ, въ маѣ 1599 года, устроенъ былъ общій съѣздъ протестантовъ и православныхъ въ городѣ Вильнѣ, для заключенія союза ко взаимной оборонѣ противъ католической партіи. Мысль объ этомъ была еще ранѣе у князя Константина Константиновича Острожскаго. При содѣйствіи виленскаго воеводы Христофора Радивила и Брестъ-Куявскаго воеводы Лещинскаго, она теперь была приведена въ исполненіе. Для большей прочности союза рѣшено было стараться не только о политическомъ, но и о религіозномъ союзѣ, объ уніи протестантскихъ церквей съ православною [1]). Для этой цѣли 4 мая (14 по новому стилю) пріѣхали въ Вильну представители трехъ главныхъ протестантскихъ исповѣданій въ Польшѣ и Литвѣ: Турновскій, суперинтендентъ чешскихъ братьевъ, Миколаевскій, старѣйшина (сеніоръ) церкви реформатской въ Куявіи и Еразмъ Гличнеръ отъ лютеранской церкви. Первыя извѣстія, которыя они услышали въ Вильнѣ отъ двухъ протестантскихъ шляхтичей, присланныхъ къ нимъ съ привѣтствіемъ отъ князя Острожскаго, были неблагопріятны для дѣла религіозной уніи. Мѣстное православное духовенство не обнаруживало расположенія даже вступать въ разсужденіе по этому вопросу, прямо величая протестантовъ еретиками. Православные священники, люди простые, необразованные, но твердые и упорные, пускаются вообще неохотно въ разсужденія о своей вѣрѣ; хотя съ ними нѣсколько уже разъ заводили рѣчь для привлеченія ихъ къ съѣзду духовенства, но они на это не соглашаются: таковы были сообщенія, выслушанныя Турновскимъ и его товарищами. Кромѣ того, между лютеранскимъ и реформатскимъ духовенствомъ въ Вильнѣ по-прежнему существовали раздоры, потому что лютеранская виленская община не принимала Сандомірскаго согласія; такимъ образомъ, стараясь устроить соединеніе съ разновѣрцами протестанты сами страдали разъединеніемъ. 14 (24 мая) всетаки состоялась сходка протестантскихъ богослововъ съ православными духовными; но виленскихъ священниковъ здѣсь, кажется, не было; были только духовныя лица, пріѣхавшія съ княземъ Острожскимъ. Совѣщаніе происходило въ домѣ князя Константина (на Покровской улицѣ). Когда протестанты вошли въ залу засѣданія, они нашли тамъ Луку, митрополита Бѣлогородскаго, съ золотой цѣпью на шеѣ, Исаака, настоятеля монастыря въ Дубнѣ, и архидіакона Гедеона изъ Дубны. Исаакъ, протягивая пасторамъ руку, замѣтилъ, что священное писаніе собственно запрещаетъ привѣтствовать еретиковъ даже словомъ: здравствуй, но онъ съ товарищами рѣшился изъ человѣколюбія быть на сей разъ снисходитель-

[1]) С. М. Соловьевъ (Исторія Россіи X, 77) говоритъ о съѣздѣ 1599 года, что здѣсь «протестанты хотѣли было начать дѣло о соглашеніи вѣроученія, но православные не хотѣли объ этомъ и слышать; ограничились уніею политическою». Эти извѣстія несовсѣмъ точны. Въ нашемъ разсказѣ мы основываемся на сочиненіи Венгерскаго—Andreae Wengerscii, Slavoniae reformatae libri quatuor. Amstelodami 1679 г. (pag. 478—498).

нѣе. На такое странное привѣтствіе Турновскій скромно выразилъ удивленіе, что Исаакъ называетъ еретиками людей, которыхъ доселѣ никогда не видалъ, съ которыми никогда не говорилъ. Когда всѣ усѣлись, князь Острожскій, старикъ съ почтенною сѣдиною, открылъ совѣщаніе рѣчью, въ которой выражалъ свое пламенное желаніе, чтобы устроилось взаимное согласіе и любовь евангелической церкви и греческой, одинаково признающихъ Іисуса Христа единственнымъ главою церкви. Ему отвѣчалъ Еразмъ Гличнеръ, выражая князю Острожскому благодарность за его ревность къ славѣ Божіей и свою съ товарищами готовность къ достиженію взаимнаго согласія и соединенія. Рѣчь Гличнера была прервана Лукою Бѣлогородскимъ, который сказалъ по русски (sermone ruthenico): „напрасно вы надѣетесь, что мы отъ нашей вѣры перейдемъ къ вамъ, *вы* должны принять нашу вѣру, оставивъ свою". Князь Константинъ нашелъ неумѣстнымъ такое заявленіе, при самомъ началѣ переговоровъ, отнимающее всякую надежду на соглашеніе, и сдѣлалъ патетическій призывъ къ согласію, обратившись къ священникамъ, которые сидѣли по лѣвую его сторону. Турновскій говорилъ потомъ длинную рѣчь, въ которой указывалось сходство во многихъ пунктахъ ученія греческой церкви съ протестантскою, такъ, между прочимъ, обѣ церкви не признаютъ римскаго „антихриста" (папу) главою церкви, но считаютъ единственнымъ главою Іисуса Христа; далѣе Турновскій указывалъ на благосклонный пріемъ, который оказала греческая церковь предкамъ его единовѣрцевъ, чешскихъ братьевъ, ссылался на полное любви посланіе Константинопольскаго патріарха къ гусситамъ, похваляющее ихъ за отреченіе отъ антихриста и его лжи, призывающее къ соединенію съ греческою церковію [1]); ораторъ кончилъ свою рѣчь заявленіемъ отъ своего имени и отъ имени своихъ собратьевъ (по чешской церкви), готовности соединиться съ православными— не только съ тѣми, которые живутъ въ Литвѣ, но и съ тѣми, которые обитаютъ въ Греціи и въ Московскомъ государствѣ; основаніемъ соглашенія должны быть слова патріаршей грамоты къ гусситамъ „о соединеніи на основаніи священнаго писанія, какъ самаго истиннаго судіи" во всѣхъ спорныхъ вопросахъ (*ἐν πᾶσι μεσιτευούσης τῆς ἱερᾶς γραφῆς, ὡς ἀληθεστάτου κριτοῦ*); если уваженіе православныхъ къ патріарху Константинопольскому не позволитъ имъ теперь же придти къ окончательному рѣшенію, то въ настоящемъ собраніи можетъ быть положено начало и основаніе соединенія. Миколаевскій держалъ рѣчь въ томъ же смыслѣ и указалъ на различные пункты, въ которыхъ, какъ онъ выразился, паписты впали въ заблужденіе, но въ которыхъ греки, подобно протестантамъ, учатъ согласно съ писаніемъ. Князь Константинъ благодарилъ протестантскихъ богослововъ за ихъ расположеніе къ восточной церкви и братскую готовность къ соединенію. Исаакъ въ пространной рѣчи отвѣчалъ Турновскому и Миколаевскому, также остановившись на согласіи греческой церкви съ протестантскою — въ томъ, что обѣ признаютъ Христа единственнымъ главою церкви и единственнымъ основаніемъ вѣры—священное писаніе, писанія св. отцовъ и правила вселенскихъ соборовъ; онъ кончилъ замѣчаніемъ, что православное духовенство не можетъ заключить съ протестантами соединенія безъ согласія и полномочія патріарха Константинопольскаго и Александрійскаго, который, впрочемъ, какъ извѣстно, не будетъ противиться соединенію [1]). Затѣмъ всѣ поднялись и подали другъ другу руки въ знакъ того, что положено начало братской любви. Одинъ изъ духовныхъ греческой церкви сдѣлалъ при томъ замѣчаніе, что полезно было бы протестантамъ ради добраго порядка (ordinis boni gratia), подчиниться власти православныхъ патріарховъ. Но князь Острожскій выразилъ сильное сомнѣніе, чтобы это было возможно со стороны людей, отказавшихся повиноваться папѣ.

На второе засѣданіе, 18 (28) мая, у князя Константина Острожскаго собрались, кромѣ духовныхъ лицъ, вельможи обоихъ исповѣданій, православные: Александръ Острожскій, воевода волынскій, князь Сангушко, Вишневецкіе, Корецкій, Рожинскій, Соломерецкіе и многіе другіе паны; протестанты: Андрей Ле-

[1]) Разумѣется — посланіе 1451 года, на русскій языкъ переведенное и напечатанное теперь г. Гильфердингомъ.

[1]) Въ это время Мелетій, патріархъ Александрійскій, былъ также блюстителемъ константинопольскаго престола.

щинскій, Иванъ Абрамовичъ, воевода Смоленскій, Христофоръ Зеновичъ, воевода Брестскій, Юрій Радивилъ, воевода Новгородокскій, внукъ Николая Рыжаго и другіе; кромѣ Гличнера, Турновскаго, Миколаевскаго присутствовало нѣсколько пасторовъ литовскихъ протестантскихъ церквей: Піотровскій, Хржанстовскій, Яницкій и проч.; было около десяти православныхъ священниковъ. На этомъ засѣданіи былъ прочитанъ, принятъ и утвержденъ актъ конфедераціи или политическаго союза протестантовъ съ православными. Описавъ въ самыхъ рѣзкихъ чертахъ притѣсненія, которымъ, вопреки королевскимъ обѣщаніямъ и клятвамъ, вопреки сеймовымъ постановленіямъ, подвергаются лица, исповѣдующія православную или протестантскую вѣру, указавъ на разрушеніе церквей, монастырей, на жестокости, насилія, кровопролитія и убійства, при этомъ совершаемыя, на клеветы, преслѣдованія, разбойническія нападенія противъ священниковъ, пасторовъ, проповѣдниковъ и учителей, на лишеніе гражданскихъ правъ городскаго сословія въ цехахъ и торговыхъ союзахъ и т. д.,—конфедераты заявляютъ свое рѣшеніе сообща защищать свои права, свою безопасность, безопасность и спокойствіе государства; они берутъ подъ свою общую охрану храмы, сборы и кирхи, обязуются дѣйствовать согласно на сеймахъ, сеймикахъ и предъ королемъ для прекращенія обидъ и насилій и для наказанія оныхъ; далѣе конфедераты постановляютъ, что всякій протестантъ и каждый православный, узнавъ о готовящемся нападеніи на церковь или сборъ или о другомъ какомъ задуманномъ католиками насиліи, какъ на пожаръ немедленно долженъ спѣшить на мѣсто, гдѣ требуется помощь и защита. Около двухсотъ знатныхъ лицъ свѣтскаго сословія подписались потомъ подъ этимъ актомъ; сто девятнадцать провизоровъ или попечителей были избраны изъ среды сенаторовъ и знатныхъ пановъ обоихъ исповѣданій для наблюденія за происками іезуитовъ и уніатовъ.

На собраніи 18 (28) мая продолжалось также обсужденіе вопроса о религіозной уніи. Такъ какъ безъ согласія патріарха Константинопольскаго окончательное рѣшеніе было признано невозможнымъ, то ограничились публичнымъ прочтеніемъ тѣхъ догматическихъ пунктовъ, въ которыхъ протестанты сходились съ православными. Дальнѣйшія разсужденія были отложены до времени, когда получится отвѣтъ и мнѣніе патріарха Константинопольскаго и Александрійскаго. Это была мысль князя Острожскаго. Онъ желалъ теперь, чтобы протестанскіе богословы, положивъ доброе начало къ соглашенію и соединенію съ греческою православною церковію, написали письмо къ самому патріарху Мелетію, которое онъ, князь Острожскій, постарается переправить въ Константинополь и, получивъ отвѣтъ, точно также перешлетъ его протестантскимъ богословамъ. Въ Вильнѣ, дѣйствительно, было составлено общее посланіе богословами трехъ протестантскихъ исповѣданій; сверхъ того Турновскій отправилъ отдѣльно посланіе, какъ представитель чешскихъ братьевъ, имѣющихъ возможность сослаться на свои прежнія сношенія съ Константинопольскимъ престоломъ. Оба посланія были получены въ Константинополѣ, но отвѣтъ Мелетія не дошелъ до протестантовъ; одни говорятъ, что онъ былъ перехваченъ іезуитами, по другому извѣстію, Кириллъ Лукарисъ, съ которымъ онъ былъ посланъ, не передалъ его изъ боязни прогнѣвить короля Сигизмунда. Такимъ образомъ, мысль о религіозномъ союзѣ протестантовъ и православныхъ не имѣла серіозныхъ послѣдствій.

Но и политическая конфедерація не принесла всей той пользы, которой отъ нея можно было ожидать. Ограничившись заявленіемъ своей силы, протестанты и православные разъѣхались по разнымъ сторонамъ; между тѣмъ какъ враги ихъ остались по прежнему на своихъ мѣстахъ и продолжали дѣйствовать постоянно и неуклонно при дворѣ и во всѣхъ главныхъ центрахъ, въ Вильнѣ, Краковѣ и Варшавѣ.

Первое столкновеніе конфедератовъ съ іезуитами и съ тою силою, которая была ихъ орудіемъ, едва не произошла при самомъ выѣздѣ протестантскихъ богослововъ изъ Вильны. Іезуиты не хотѣли пропустить удобнаго случая и, воспользовавшись многолюднымъ собраніемъ, вызвали на диспутъ своихъ противниковъ, надѣясь посрамить ихъ при помощи такого знаменитаго бойца и діалектика, каковъ былъ Мартинъ Смиглецкій, профессоръ Виленской академіи, авторъ логики, долго употреблявшейся въ европейскихъ университетахъ. Диспутъ состоялся 23 мая (2 іюня)

въ домѣ князя Христофора Радивила, при огромномъ стеченіи дворянства всѣхъ исповѣданій; антагонистами Смиглецкаго со стороны протестантской были Миколаевскій, Яницкій и Гертихъ. По недостатку времени, такъ какъ пріѣзжіе протестанты собирались уѣзжать, положено было ограничиться обсужденіемъ одного изъ пяти тезисовъ, выставленныхъ папистами; цѣлыхъ шесть часовъ продолжался споръ о первенствѣ апостола Петра (de primatu Petri in ecclesia), и ничѣмъ не кончился. Но когда ученые протестанты стали сбираться въ дорогу, они узнали, что студенты виленской академіи угрожаютъ встрѣтить и остановить ихъ на пути за городомъ для продолженія диспута. Узнавъ объ этомъ, Юрій Радивилъ и Андрей Лещинскій заблаговременно выслали на дорогу вооруженную силу, которая должна была проводить отъѣзжающихъ; это помѣшало неизбѣжному столкновенію.

Въ сентябрѣ 1599 года умеръ Михаилъ Рагоза; преемникомъ его былъ главный дѣятель уніи, епископъ Владимірскій Ипатій Потѣй. Въ Вильнѣ знали его прежнія сношенія съ іезуитами, опасались, что онъ будетъ вводить прямое латинство; тѣмъ болѣе сочувствія нашелъ себѣ Стефанъ Зизаній, снова здѣсь появившійся и начавшій свою смѣлую проповѣдь въ монастырѣ Троицкомъ. Король былъ разгнѣванъ, митрополитъ встревоженъ; онъ подозрѣвалъ, что это сдѣлалось съ вѣдома бурмистровъ, которые до сихъ поръ шли рука объ руку съ высшею духовною властью, и послалъ своему намѣстнику Пареѳеновичу приказаніе запереть и запечатать церковь, „оскверненную этимъ негоднымъ человѣкомъ“; въ случаѣ сопротивленія, Пареѳеновичъ можетъ обратиться за совѣтомъ къ Бенедикту Войнѣ, администратору католической виленской епархіи, искать содѣйствія свѣтскихъ властей. Однако, бурмистры, радцы и лавники русской половины заявили представителю митрополита, что Стефанъ Куколь вошелъ въ монастырь безъ ихъ вѣдома, своевольно, что они нѣсколько разъ вызывали его изъ монастыря, но онъ ихъ не слушаетъ. Октября 7 дня, Пареѳеновичъ отправилъ въ Троицкій монастырь священниковъ Леонтія Воскресенскаго и Емельяна Росскаго (перешелъ отъ церкви Ивановской?) спросить Стефана Куколя, по чьему позволенію онъ вошелъ въ монастырь и тамъ остался. Зизаній отвѣчалъ священникамъ: „я вошелъ сюда съ позволенія и вѣдомости отца Іосифа, архимандрита Троицкаго, съ его благословенія, говорю проповѣди и не пойду изъ монастыря никакимъ способомъ“. Церковь была запечатана. Что касается до Зизанія, то, вѣроятно, къ этому времени относится извѣстіе, будто на его жизнь было сдѣлано покушеніе, такъ что онъ долженъ былъ спасаться чрезъ дымовую трубу (каминъ) и снова бѣжать изъ Вильны. Вслѣдъ за тѣмъ начались преслѣдованія противъ братства, перебравшагося къ церкви Св. Духа. Вмѣсто прежнихъ священниковъ Василія и Герасима, изгнанныхъ королевскимъ декретомъ, братство имѣло уже двухъ новыхъ, Карпа и Григорія, посвященныхъ львовскимъ владыкою Гедеономъ. Потѣй позвалъ ихъ на судъ, „самъ на нихъ жаловался, самъ же и судилъ“ и передавъ власти свѣтской, „управилъ ихъ въ банницію“ (изгнаніе изъ государства). На этомъ Ипатій Потѣй не думалъ остановиться; онъ хотѣлъ нанести окончательный ударъ противникамъ уніи, совершенно прекратить православное богослуженіе въ Вильнѣ, отобрать у братства его имущество, принудить его къ закрытію своей школы. Виленское городское управленіе должно было содѣйствовать исполненію плановъ митрополита.

Троицкое братство неослабно продолжало борьбу. Убѣдившись въ томъ, что ему нельзя ожидать справедливости ни отъ мѣстныхъ властей, ни отъ короля, православные старались перенести свою тяжбу съ уніатами на рѣшеніе высшаго законодательнаго и судебнаго учрежденія въ государствѣ. При всякомъ удобномъ случаѣ, на каждомъ повѣтовомъ сеймикѣ, они обращались къ панамъ съ просьбами, чтобы они вступились за нихъ предъ королемъ и похлопотали о томъ, чтобы притязанія уніатовъ, обиды православныхъ разбирались не задворнымъ судомъ королевскимъ (гдѣ дѣло рѣшалось канцлеромъ и нѣсколькими сенаторами или коронными чиновниками, находящимися при королѣ), но генеральнымъ (вальнымъ) сеймомъ. На сеймѣ 1601 года представители виленскаго братства добились того, что это требованіе было признано, и уполномоченные противной стороны, т. е. виленскаго городоваго управленія, дѣй-

ствовавшаго въ союзѣ съ Потѣемъ, дали обязательство, что они предоставятъ свой споръ съ братствомъ рѣшенію будущаго сейма. Обязательство не было исполнено. Когда король пріѣхалъ въ Вильну (въ январѣ 1602 г.), бурмистры и радцы обратились все-таки къ суду задворному; дѣло шло о двухъ домахъ братскихъ (Гамшіевскомъ и Яцковскомъ), о закрытіи школы, которая въ немъ находилась, о прекращеніи православнаго богослуженія. Бурмистры и радцы требовали, чтобы всѣ привилегіи и вольности, данныя прежде Троицкому братству, были объявлены недѣйствительными, потому что братство перестало существовать, какъ скоро отказалось отъ повиновенія митрополиту и тѣмъ отреклось отъ принадлежности къ русской церкви. Подлиннаго рѣшенія королевскаго задворнаго суда мы не имѣемъ, но его приговоръ не могъ подлежать сомнѣнію. Польское правительство держалось того принципа, что послѣ Брестскаго собора въ княжествѣ не существуетъ другой церкви, кромѣ уніатской; слѣдовательно, все, что дано было церкви въ прежнія времена, должно принадлежать уніатамъ. Къ счастію, правительство не имѣло столько власти, чтобы заставить уважать или исполнять свои рѣшенія. На сеймѣ 1603 года, православное и евангелическое дворянство, согласно съ условіями виленской конфедераціи 1599 года, стояло за религіозную свободу и за права православной церкви; между самыми католиками образовалась умѣренная партія, которая, видя опасность для государства отъ преобладанія іезуитовъ, поддерживала эти справедливыя требованія. Троицкое (Свято-Духовское) православное братство въ лицѣ одного изъ своихъ членовъ не замедлило явиться на этомъ сеймѣ съ своими слезными жалобами. Оно просило, чтобы сеймъ, согласно съ своимъ прежнимъ постановленіемъ, взялъ въ свои руки разбирательство спора уніатской партіи съ православною и потребовалъ къ своему суду членовъ виленскаго магистрата, незаконнымъ путемъ получившихъ королевскій декретъ, нарушающій права православныхъ, отнимающій у нихъ собственное ихъ имущество. Сверхъ того, братство просило, чтобы снята была „банниція“ съ двухъ братскихъ священниковъ, осужденныхъ Ипатіемъ Потѣемъ.

Сеймъ 1603 года разошелся, не достигнувъ своего законнаго конца, не успѣвши постановить рѣшенія по жалобѣ православныхъ. Тѣмъ не менѣе православные не отказались отъ надежды найти себѣ законную защиту противъ Ипатія Потѣя и его клевретовъ правильнымъ судебнымъ порядкомъ. Въ 1605 году два старосты виленскаго православнаго братства принесли жалобу въ главномъ судѣ трибунальномъ и получили благопріятное рѣшеніе. Трибуналъ по прежнему признавалъ юридическое существованіе только православной греческой церкви и указывалъ на судъ константинопольскаго патріарха, какъ на высшую законную инстанцію въ дѣлахъ духовныхъ; она и должна рѣшить споръ между Ипатіемъ Потѣемъ, который называетъ себя митрополитомъ кіевскимъ, и тѣми членами Восточной церкви, которые не признаютъ его въ этомъ санѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, это рѣшеніе высшаго судебнаго мѣста было отмѣнено королевскимъ указомъ. Еще два братскихъ священника (Іосифъ Яцкевичъ и Иванъ Семеновичъ), осужденные духовнымъ судомъ уніатскаго митрополита за непослушаніе и сопротивленіе, за обращеніе къ защитѣ суда свѣтскаго, были приговорены къ изгнанію, къ лишенію родины и правъ гражданскихъ. Наконецъ сеймъ 1607 года, напуганный рокошемъ Зебржидовскаго, къ которому пристали православные и протестанты, рѣшился на дѣло умиротворенія. Независимое существованіе православной церкви подъ верховною властію Константинопольскаго патріарха было признано; ея права поставлены подъ охрану главнаго суда трибунальнаго; опредѣлено, чтобы чины и имѣнія духовныя раздавались русскимъ людямъ шляхетнымъ и прямо греческой вѣры. Нужно при этомъ замѣтить, что вообще дѣла, касающіяся церковной собственности и духовенства какого-бы то ни было исповѣданія, отданы сеймомъ на рѣшеніе обычныхъ судовъ; такъ называемые смѣшанные суды (composili judicii), состоявшіе на половину изъ свѣтскихъ выборныхъ судей и на половину изъ лицъ духовенства католическаго, были уничтожены.

Когда православные стали переносить свое дѣло на юридическую почву, начали обращаться къ судамъ и сеймамъ, уніаты тотчасъ почувствовали свою опасность. Всѣхъ яснѣе понималъ положеніе вопроса самъ Ипатій Потѣй, человѣкъ безспорно очень ум-

ный и проницательный. Онъ скоро отыскалъ необходимый пунктъ защиты. Мысль, которая родилась въ его головѣ, можетъ быть названа, по истинѣ, остроумною и блистательною. Православные ссылаются на свои права, показываютъ грамоты королевскія, постановленія сеймовъ, которыми эти права за ними съ давнихъ временъ утверждались. Все это ложь и обманъ. Православной Церкви никогда не существовало въ великомъ княжествѣ Литовскомъ; всѣ эти права, грамоты, сеймовыя конституціи давались Церкви. По словамъ Ипатія Потѣя, русско-литовская Церковь, съ незапамятныхъ временъ признавала власть папскую; на это были даже документальныя доказательства. Самъ митрополитъ взялъ на себя трудъ извлечь ихъ изъ архивнаго мрака и потомъ ихъ обнародовать во всеобщее свѣдѣніе. Правда, онъ нашелъ такихъ документовъ не много, даже принужденъ былъ ограничиться только однимъ; за то онъ постарался придать какъ можно большій вѣсъ и значеніе своему открытію.

5-го іюня 1605 года, въ середу, въ виленскую ратушу, гдѣ засѣдали бурмистры и радцы обѣихъ сторонъ—римской и русской, явился лично митрополитъ Ипатій съ манускриптомъ въ рукахъ; члены ратуши получили приглашеніе посмотрѣть на интересную рукопись. Это была книга, найденная, по словамъ митрополита, въ Кревской церкви, писанная уставомъ, на славянскомъ языкѣ, очень старая; въ ней былъ описанъ соборъ Флорентійскій, и что всего важнѣе, заключалось посланіе отъ кіевскаго митрополита Мисаила, отъ архимандритовъ печерскаго и виленскаго, отъ князей и пановъ русскихъ къ папѣ Сиксту IV, составленное въ 1476 году и въ самыхъ торжественныхъ выраженіяхъ прославляющее величіе папы. Митрополитъ объяснилъ своимъ внимательнымъ слушателямъ, какое важное значеніе имѣетъ этотъ документъ, прямо доказывающій древность уніи въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, и объявилъ, что онъ рѣшился это посланіе сдѣлать для всѣхъ извѣстнымъ, напечатать его по-славянски и по-польски. А чтобы кто-нибудь не осмѣлился утверждать, что посланіе напечатано не съ древней рукописи, а съ какой нибудь новой, то, по требованію митрополита, на рукописи подписались двое бургомистровъ, двое радцевъ и два писаря ратуши,—сверхъ того въ оффиціальной книгѣ ратуши было записано, что она была здѣсь показана. Интересная книга дѣйствительно вышла въ Вильнѣ въ томъ же самомъ году, но только по-польски, т. е. съ польскимъ шрифтомъ и на языкѣ полу-русскомъ, полу-польскомъ (или на русскомъ, сильно подновленномъ полонизмами) [1]). Книжка Потѣя не имѣла большаго успѣха, и была встрѣчена православными съ недовѣріемъ совершенно законнымъ. Вотъ что писалъ по этому поводу авторъ „Перестроги“: „насъ забрасываютъ фальшивыми книгами, пишучи подъ датою старою, письмомъ старымъ, чтобы доказать намъ будто унія прежде существовала. Но, всмотрѣвшись внимательно, можно убѣдиться, что вся—рѣчь Потѣева, а не старая; доказательствомъ служатъ слова, неупотреблявшіяся у предковъ, новыя, т. е. польскія, которыя Русь намѣшала послѣ въ свой языкъ“.

Кревская рукопись, даже будучи подлинною, ничего не могла доказать; попытки введенія Флорентійской уніи были и прежде и послѣ Мисаила, но намъ хорошо извѣстно, какъ онѣ кончались. Тѣмъ не менѣе Ипатій Потѣй держался своего открытія и началъ дѣйствовать сообразно съ своимъ взглядомъ на исторію русской церкви въ княжествѣ Литовскомъ. Когда было издано сеймовое постановленіе (1607 г.), грозившее крайнею опасностію существованію уніи, онъ поспѣшилъ въ Вильну и явился здѣсь въ самомъ началѣ слѣдующаго (1608) года. Цѣлію пріѣзда было возстановленіе Троицкаго братства, т. е. основаніе уніатскаго братства, которое должно было вступить во всѣ права православнаго, уничтожить всякую юридическую почву у противниковъ. Когда зайдетъ рѣчь о правахъ русской церкви въ княжествѣ Литовскомъ, Ипатій Потѣй скажетъ: русская церковь — это мы, уніаты; когда, въ видѣ живой улики существованія православной церкви, явится съ своими грамотами Троицкое братство, Ипатій Потѣй скажетъ: Троицкое братство — это мы, уніаты. По его теоріи выходило, что Троицкое церковное братство было основано, какъ и все другое въ русско-литовской церкви, уніатами; тѣ

[1]) Экземпляръ этого изданія безъ послѣднихъ, впрочемъ, листовъ находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

люди, которые находятся у церкви Св. Духа и считаютъ себя членами братства, предъявляютъ незаконныя притязанія; это—отступники, которые отдѣлились отъ настоящаго первоначальнаго братства. Отступничество ихъ уже доказывается и тѣмъ, что они оставили то святое мѣсто, къ которому относятся всѣ привилегіи и фундуши, т. е. Троицкій монастырь, хотя въ грамотѣ Сигизмунда III прямо было сказано, что наименованіе братства Троицкимъ не имѣетъ никакого отношенія ко владѣнію монастыремъ, хотя православные отказались отъ богослуженія въ Троицкомъ монастырѣ вовсе не по доброй волѣ. На основаніи такого недобросовѣстнаго пріема и разсужденія, Ипатій Потѣй думалъ завладѣть всѣмъ имуществомъ братства, братскими домами, королевскими грамотами, данными братству, всѣмъ, исключая, вѣроятно, грамоты патріарха Іереміи. Замѣчательно, что документъ, въ которомъ высказывались такого рода воззрѣнія, былъ поданъ отъ имени уніатскаго братства Ѳедоромъ Тышкевичемъ, человѣкомъ, имѣвшимъ возможность знать настоящую исторію братства лучше, чѣмъ кто другой. Въ отвѣтъ на протестъ православныхъ братчиковъ противъ дѣйствій Ипатія Потѣя, воевода Новгородскій писалъ: „братство Троицкое составляемъ мы, владѣющіе настоящимъ его мѣстомъ, а не тѣ, которые собираются по угламъ. Митрополитъ Ипатій не новое какое братство заложилъ, а только возобновилъ старое, оставленное тѣми отступниками. Въ это братство вписался и онъ самъ, нашъ пастырь, потому что прежде въ немъ не былъ“.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Виленскія событія 1608—1610 годовъ. Опасное положеніе уніи. Характеристика ея послѣдователей и главныхъ дѣятелей. Архимандритъ Сенчило. Протопопъ Жашковскій. Молодое поколѣніе: Рутскій, Кунцевичъ; ихъ отношенія къ іезуитамъ. Назначеніе Рутскаго намѣстникомъ, какъ поводъ къ противоуніатскому движенію въ средѣ виленскаго духовенства. Ночное собраніе 29 ноября. Протестъ въ гродскомъ судѣ. Планъ, составленный членами Свято-Духовскаго братства и возвратившимися къ православію уніатами для овладѣнія Троицкимъ монастыремъ. Попытки склонить Кунцевича въ пользу этого намѣренія. Пощечина, полученная Кунцевичемъ, и его затруднительное положеніе въ гостяхъ у одного виленскаго мѣщанина. Неудача противниковъ уніи; ночныя сцены съ 5-го февраля на 6-е. Мороховскій и Сенчило. Сенчило и депутаты Свято-Духовскаго братства на сеймѣ 1609 года. Вводъ Рутскаго во владѣніе Троицкимъ монастыремъ. Раздраженіе въ средѣ православнаго населенія. Сцены въ ратушѣ. Возвращеніе Сенчилы, его столкновеніе съ Рутскимъ. Судебный процессъ, два противоположныхъ рѣшенія. Вмѣшательство короля. Прибытіе Сигизмунда III въ Вильну: выговоръ членамъ Трибунала, наказаніе Тупеки и Кононовича, какъ виновниковъ безпорядка. Замѣчательная похвала, возданная папскимъ нунціемъ Сигизмунду III. Отобраніе церквей у православныхъ: насилія, совершонныя при Пречистенскомъ соборѣ и при Никольской церкви. Ипатій Потѣй въ храмѣ Перенесенія мощей св. Николая. Возвращеніе Потѣя отъ папскаго нунція. Покушеніе на его жизнь. Пытка и казнь фанатика. Стараніе Потѣя представить православныхъ прямыми виновниками покушенія. Настроеніе умовъ въ Вильнѣ послѣ отъѣзда короля. Большой Виленскій пожаръ 1610 года.

Положеніе уніатовъ было крайне опасно. Вооруженное возстаніе Зебржидовскаго, направленное противъ королевско-іезуитской партіи, рѣшеніе сейма 1607 года — все это оживило надежды православныхъ; они какъ будто готовы были перейти отъ защиты къ наступленію, отъ простой обороны къ прямой борьбѣ съ уніей. До сихъ поръ они требовали себѣ только равнаго, справедливаго суда въ спорахъ съ уніатами, защищали свое существованіе; теперь же начали отвергать самую законность существованія уніи, доказывая ея несовмѣстность съ исконными правами русскаго народа въ княжествѣ Литовскомъ. Православные громко заявляли, что Ипатій Потѣй, отступившій отъ послушанія константинопольскому престолу, низложенный экзархомъ патріарха, отлученный

отъ церкви, не можетъ быть законнымъ пастыремъ греческой церкви; не имѣетъ права именовать себя не только кіевскимъ митрополитомъ, но и епископомъ владимірскимъ, какимъ онъ былъ до отступленія отъ православія. Вслѣдствіе того, что Ипатій Потѣй, ложно называющій себя членомъ греческой церкви, захватилъ кіевскую митрополію, мы, говорили православные, лишены возможности имѣть настоящую правильную іерархію, лишены возможности имѣть собственныхъ пастырей, митрополита и епископовъ, т. е. лишены своихъ исконныхъ правъ, подтвержденныхъ и послѣднимъ сеймомъ. На сторонѣ, оставшейся вѣрною преданію отцовъ, была правда, искренность, одушевленіе, готовое на перенесеніе всякой невзгоды и преслѣдованія; все это трудно было найти на другой сторонѣ.

Уніатская партія, кромѣ двухъ, трехъ іезуитскихъ воспитанниковъ, не имѣла искреннихъ, убѣжденныхъ поборниковъ. Лица, принадлежавшія къ ней, были трехъ категорій. Или это были люди своекорыстные, которыхъ легко могла поколебать всякая неблагопріятная уніи перемѣна обстоятельствъ, всякое нарушеніе ихъ интересовъ, — или это были люди слабые и малодушные, не устоявшіе предъ опасеніемъ лишиться своихъ мѣстъ, попасть подъ гнѣвъ власти, подвергнуться изгнанію или преслѣдованію: — съ прекращеніемъ гоненія они легко могли перейти на сторону православія. Наконецъ третій разрядъ состоялъ изъ тѣхъ людей, которые помирились съ уніею, повѣривъ, что съ нею не будетъ внесено въ русскую церковь ничего новаго и что все останется по прежнему. Оставаясь въ своей привычной обстановкѣ, совершая съ прежними обрядами свое богослуженіе, большинство виленскаго духовенства не долго заботилось о томъ, что митрополитъ, который живетъ большею частью вдали отъ Вильны, призналъ власть папскую. Будить этихъ людей, тревожить ихъ какими-либо нововведеніями въ смыслѣ сближенія уніатской церкви съ католическою было, конечно, дѣломъ опаснымъ. Но и оставлять унію на распутіи между православіемъ и католицизмомъ было неудобно; чтобы сдѣлать ея существованіе несомнѣннымъ и прочнымъ, нужно было удалить ее какъ можно болѣе отъ православной церкви и какъ можно болѣе сблизить съ католическою. Такого взгляда, очевидно, держался митрополитъ Ипатій Потѣй. Въ 1608 году онъ напечаталъ въ Вильнѣ книжку, называемую „Гармонія“, въ которой хвалилъ все то, что держитъ костелъ римскій, и хулилъ все то, что соблюдаетъ русская церковь, и потомъ въ другой книжкѣ опредѣлительно формулировалъ „двѣнадцать артикуловъ“, которые должна была принять уніатская церковь; здѣсь, кромѣ догматическихъ пунктовъ — признаніе чистилища, Флорентійскаго и Тридентскаго собора, шла рѣчь о томъ, чтобы святить и держать раздачу индульгенціи въ милостивое лѣто (юбилейные годы) и проч. Не ограничиваясь сочиненіями, Ипатій Потѣй перешелъ къ дѣйствіямъ и въ то самое время, какъ почва подъ уніатскою церковію начинала колебаться, принялъ такія мѣры, которыя казались ему необходимыми для ея укрѣпленія. Но эти мѣры, нарушивъ интересы лицъ, доселѣ стоявшихъ на видныхъ мѣстахъ, встревоживъ людей, примирявшихся на извѣстныхъ основаніяхъ съ уніей, произвели совершенно обратное дѣйствіе.

Еще въ 1605 году Ипатій Потѣй жаловался королю, что бурмистры и радцы русскіе управляютъ Троицкимъ монастыремъ, а доходы съ его имѣній обращаютъ невѣдомо куда; король, согласно съ ходатайствомъ Потѣя, отобралъ монастырь у бурмистровъ и предоставилъ его въ пожизненное управленіе архимандриту Самуилу Сенчиловичу, посвященному въ этотъ санъ Потѣемъ; королевская грамота обязывала Сенчиловича или Сенчилу соблюдать унію и быть въ послушаніи у пастыря своего, митрополита кіевскаго. Отобравъ монастырь у бурмистровъ, Ипатій Потѣй уже нарушилъ одинъ изъ интересовъ, связанныхъ съ дѣломъ уніи. Но получить возможность ближайшимъ образомъ распоряжаться Троицкимъ монастыремъ было ему необходимо для осуществленія своихъ плановъ. Онъ хотѣлъ здѣсь создать центръ и главную опору уніи, преобразовать порядокъ и уставъ монастырскаго общежитія, и въ монашескомъ орденѣ Базиліановъ найти такихъ же защитниковъ и пропагандистовъ уніи, какими были іезуиты для католической церкви.

Сенчило, какъ уже показываетъ его біографія, не могъ быть надлежащимъ помощ-

никомъ въ такомъ дѣлѣ. Будучи мѣстнымъ уроженцемъ города Вильны, происходя по рожденію изъ мѣщанскаго сословія, онъ не получилъ хорошаго образованія. Проведя молодость, если вѣрить уніатскимъ извѣстіямъ очень бурно, онъ долго скитался по разнымъ мѣстамъ и наконецъ надѣлъ монашескую рясу въ Супраслѣ. Не долго пробывъ здѣсь, онъ вмѣстѣ съ княземъ Иларіономъ Мосальскимъ, архимандритомъ монастыря, возсталъ противъ митрополита и противъ уніи, былъ изгнанъ изъ обители ея патрономъ Іеронимомъ Ходкевичемъ, обратился съ раскаяніемъ къ Ипатію Потѣю, и былъ принятъ благосклонно. Черезъ три года, въ продолженіи которыхъ Сенчило велъ жизнь примѣрную, Потѣй, какъ сказано, сдѣлалъ его архимандритомъ Троицкаго монастыря. Ясное дѣло, что человѣкъ съ такимъ страннымъ непостоянствомъ измѣнявшій уніи и потомъ опять къ ней возвращавшійся, не былъ ея искреннимъ и глубокимъ приверженцемъ, и что уніатская партія очень была бѣдна способными людьми, если на такой важный постъ пришлось поставить Сенчилу. Еще менѣе безупречнымъ характеромъ отличался человѣкъ, стоявшій во главѣ виленскаго бѣлаго уніатскаго духовенства. Преемникомъ Парѳеновича въ званіи протопопа и митрополичьяго намѣстника въ Вильнѣ былъ Варѳоломей Жашковскій (или Шашковскій). Первоначально школьный учитель, потомъ безженный священникъ въ Ярославлѣ Галицкомъ, Жашковскій нарушилъ обѣтъ дѣвства, и отлученный за это отъ церкви епископомъ перемышльскимъ, укрылся съ соблазненною имъ женщиною на Волыни. Рекомендованный потомъ Ипатію Потѣю, какъ человѣкъ трезвый, ученый и набожный, онъ былъ переведенъ въ Вильну и сдѣланъ протопопомъ, давъ предварительно письменное обязательство въ вѣрности уніи и митрополиту, своему пастырю. По словамъ самого Потѣя, это былъ человѣкъ негодный, за то хорошій проповѣдникъ. Онъ готовъ былъ положить за унію голову и сильно защищалъ ее какъ частнымъ образомъ, такъ и въ проповѣдяхъ: но это было только до тѣхъ поръ, пока онъ, по выраженію Потѣя, не „взбѣсился“ — т. е. какъ мы увидимъ, не измѣнилъ уніи. Не смотря на то, что православные въ своихъ полемическихъ сочиненіяхъ дѣлали намеки на недостойныхъ дѣятелей уніи, и „почти пальцемъ указывали на Жашковскаго“ въ одномъ изъ нихъ (въ „Антиграфѣ“), митрополитъ Ипатій Потѣй долженъ былъ дорожить ихъ содѣйствіемъ, пока не нашелъ новыхъ помощниковъ, приготовленныхъ іезуитами. При вступленіи Потѣя на митрополію, будущіе дѣятели искренней и рѣшительной уніи, Рутскій и Кунцевичъ, были еще молоды, и только теперь, около 1607 года, они начинали свое поприще, выдвигаемые впередъ іезуитами и Потѣемъ. Мы должны ближе ознакомиться съ этими двумя лицами [1]).

Рутскій, принадлежа по своему происхожденію къ довольно знатной русской дворянской фамиліи, прибылъ въ Вильну изъ Рима вмѣстѣ съ папскимъ нунціемъ, преемникомъ Рангони, Франческо Симонеттой (въ 1605 году). Очевидно, уже въ Римѣ готовили Рутскаго къ высокой роли; когда онъ хотѣлъ принять католичество, то его руководители и покровители, іезуиты, положительно запретили ему явный переходъ въ римскую церковь; онъ долженъ былъ оставаться въ церкви греческой, чтобы принести тѣмъ большую пользу римскому престолу. Докончивъ подъ руководствомъ іезуитовъ свое образованіе въ Римѣ, познакомившись здѣсь съ устройствомъ греческихъ уніатскихъ монастырей св. Василія, Рутскій воротился въ отечество для того, чтобы быть помощникомъ Потѣя въ преобразованіи уніатскихъ монастырей. На первый разъ онъ поступилъ въ Троицкій Виленскій монастырь. Ему порученъ былъ вскорѣ надзоръ за молодыми людьми, готовящимися къ монашескому званію, ихъ руководство и обученіе, а также завѣдываніе школой, открытою при монастырѣ. Веляминъ Рутскій уже нашелъ въ Троицкомъ монастырѣ Іосафата Кунцевича. Кунцевичъ, по словамъ его біографа, будучи простымъ и необразованнымъ юношей, по какому-то божественному вдохновенію, любилъ общество, искалъ знакомства ученыхъ и знатныхъ мужей, и потому радъ

[1]) Свѣдѣнія объ нихъ мы заимствуемъ изъ біографіи Кунцевича, написанной Іаковомъ Сушею (Cursus vitae et certamen martyrii B. Iosaphat Kuncevicii, calamo Iacovi Susza adumbratum), изъ краткихъ жизнеописаній, находящихся въ Miscellanea Кояловича и проч.

былъ сблизиться съ Рутскимъ. Обѣ будущія уніатскія знаменитости вступили въ тѣсную дружбу между собою. Оба сохранили близкія сношенія съ іезуитами, такъ какъ и Кунцевичъ, подобно Рутскому, былъ воспитанъ подъ ихъ вліяніемъ. Руководителями Кунцевича были два іезуита, которымъ онъ, по выраженію біографа, привыкъ открывать всѣ пути своей жизни, всѣ тайны сердца и совѣсти. Когда Кунцевичъ колебался между православіемъ, католичествомъ и уніей, іезуиты нравственно поддержали его и поставили на прямую дорогу, указавъ ему путь спасенія въ уніи; съ ихъ согласія, онъ поступилъ въ Троицкій монастырь; они остановили его излишнюю ревность, когда онъ, увлеченный примѣромъ одного русскаго монаха, хотѣлъ сдѣлаться юродивымъ. Первымъ изъ этихъ двухъ іезуитовъ былъ Фабрицій или, по настоящему, Ковальскій, родомъ русскій, человѣкъ отличавшійся большою ученостью и ораторскимъ талантомъ. Іосифъ Веляминъ Рутскій называлъ его послѣ „основателемъ и распространителемъ рождающейся уніи (unionis tunc nascentis fundatorem et propagatorem), мужемъ истинно апостольскимъ, котораго память должна быть благословляема уніатами. Другой іезуитъ былъ Григорій Гружевскій, также принадлежавшій къ свѣтиламъ ордена (lumina Societatis Iesu). Черезъ посредство образованнаго и ученаго Рутскаго, чрезъ посредство необразованнаго, но своею подвижническою жизнію возбуждающаго къ себѣ уваженіе Кунцевича, іезуиты такимъ образомъ забирали въ свои руки Троицкій монастырь; оставляя доживать въ немъ старыхъ монаховъ, сохранявшихъ старыя православныя преданія, они готовили здѣсь новое уніатское поколѣніе, воспитываемое въ духѣ искренней преданности римскому престолу и церкви.

Но какъ бы ни были тонки нити, проведенныя изъ-за костела св. Яна къ монастырю Св. Троицы, онѣ не могли остаться незамѣченными. Сенчило почувствовалъ, что, не смотря на санъ архимандрита, управленіе монастыремъ ускользаетъ изъ его рукъ; человѣкъ, не лишенный тщеславія и самолюбія, онъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ, свои права нарушенными. Не смотря на то, что онъ не принималъ уставовъ св. Василія, въ монастырѣ они уже были введены, молодые монахи уже присягали исполнять ихъ. Недавно посвященный іеромонахъ Рутскій, любимецъ митрополита, относится къ нему съ явнымъ неуваженіемъ. Сенчило сталъ осматриваться кругомъ, сталъ колебаться. Оскорбленное самолюбіе раскрыло его глаза. Съ своими старыми монахами онъ нашелъ, что митрополитъ начинаетъ измѣнять греческой церкви, что Рутскій есть „ксендзъ римскій“, что іезуиты и кармелиты являются въ монастырѣ слишкомъ часто, что, быть можетъ, новыя келліи, которыя теперь строятся въ монастырѣ, дѣйствительно предназначаются для помѣщенія іезуитовъ и кармелитовъ, которыхъ митрополитъ хочетъ сдѣлать образцомъ для новаго монашескаго ордена Базиліанскаго.

Вдругъ (въ 1608 г.) этотъ самый „ксендзъ римскій“, т. е. Іосифъ Рутскій, назначается намѣстникомъ митрополита, получаетъ власть надъ всѣмъ духовенствомъ епархіи и въ особенности надъ городскимъ виленскимъ; всѣ духовные обязываются ему повиноваться какъ самому митрополиту, всѣ доходы Троицкаго монастыря должны поступить въ его руки и въ его распоряженіе. Мѣра, принятая Ипатіемъ Потѣемъ, затрогивала интересы не одного Самуила Сенчилы, и окончательно встревожила совѣсть всѣхъ мнительныхъ друзей умѣренной уніи, уніи, при которой все должно оставаться по старому. Всѣ знали, что Рутскій пріѣхалъ въ Вильну изъ Рима, дружба его съ іезуитами едва-ли была тайною для многихъ, образъ его дѣйствій въ монастырѣ Троицкомъ не уничтожалъ, но усиливалъ возможность подозрѣнія.

Жашковскій, обиженный возвышеніемъ Рутскаго еще болѣе чѣмъ Сенчило, не хотѣлъ далѣе слѣдовать за своимъ пастыремъ; онъ сталъ обвинять Ипатія Потѣя, что онъ хочетъ измѣнить древнюю вѣру и обрядъ греческой церкви, сталъ объяснять духовенству, что именно съ этою цѣлію Рутскій назначенъ намѣстникомъ. Тоже самое, что протопопъ, утверждалъ теперь и архимандритъ Сенчило. Ничего не было легче, какъ взволновать и безъ того неспокойную совѣсть виленскихъ священниковъ, приставшихъ къ уніи. Они пристали къ ней по малодушію и слабости; они послѣдовали за своимъ архипастыремъ по привычкѣ іерархическаго подчиненія, они успокоились на его объясне-

ніяхъ, что никакихъ внутреннихъ перемѣнъ въ русской церкви не послѣдуетъ. Теперь ихъ миръ былъ нарушенъ. Въ средѣ Свято-Духовскаго братства они видѣли предъ собою другихъ людей, которые умѣли крѣпко и твердо стоять за свои убѣжденія, они, безъ сомнѣнія, слѣдили за борьбою братства съ Ипатіемъ Потѣемъ и теперь чувствовали, что побѣда склоняется на сторону тѣхъ, которые не захотѣли уступить страху, преклониться предъ авторитетомъ и внѣшнею силою. Итакъ, они напрасно стали на ту сторону, которая казалась прежде торжествующею, обѣщала безопасность и выгоду. При такомъ настроеніи умовъ, очень замѣтномъ послѣ 1607 года, со стороны руководителей уніи требовалась большая осторожность. Но, быть можетъ, самая непрочность положенія уніатства, опасности, которыя ему грозили, заставили Ипатія Потѣя поспѣшить исполненіемъ своихъ плановъ и мыслей, отложить въ сторону осмотрительность и благоразуміе, забыть уваженіе къ честолюбію и самолюбію своихъ прежнихъ помощниковъ. Мы допускаемъ примѣсь не совсѣмъ чистыхъ элементовъ въ томъ движеніи, которое едва не повело къ полному и окончательному паденію уніи въ литовской столицѣ, въ городѣ Вильнѣ. Но это значитъ только то, что намъ кажется подозрительною добродѣтель такихъ лицъ, какъ Жашковскій и Сенчиловичъ. Мы могли бы объяснить отступленіе архимандрита и протопопа отъ сообщества съ Ипатіемъ Потѣемъ ихъ негодованіемъ, однимъ искреннимъ неудовольствіемъ на сближеніе съ католичествомъ, которое затѣвалъ митрополитъ; мы могли бы просто отвергнуть всѣ показанія уніатскихъ свидѣтелей, невыгодно отзывающіяся о характерѣ обоихъ дѣятелей. Справедливость и внимательное изученіе фактовъ не позволяютъ этого сдѣлать, не допускаютъ такого объясненія. Наше сочувствіе и уваженіе должно оставаться на сторонѣ тѣхъ неизвѣстныхъ намъ по имени людей, которые остались вѣрны своей религіозной совѣсти отъ начала до конца, т. е. на сторонѣ членовъ православнаго Свято-Духовскаго братства. Наше снисхожденіе и участіе можетъ быть обращено къ человѣческой слабости тѣхъ послѣдователей уніи, которые ждали только благопріятнаго случая, чтобы отстать отъ нея, равно какъ къ непослѣдовательности тѣхъ, которые готовы были идти по дорогѣ, указываемой руководителями, только до извѣстнаго предѣла. Люди, руководящіеся исключительно своими интересами и самолюбіемъ, имѣютъ право только на то, чтобы мы поняли и объяснили ихъ побужденія. Приставая къ дѣлу чистому и святому, они, конечно, не дѣлаются сами чистыми и святыми, но за то ихъ не совсѣмъ чистыя побужденія не кладутъ также никакого пятна на самое дѣло. Обращаемся къ нашему разсказу.

13 (23) августа архимандритъ Сенчило съ священниками виленскими явились въ собраніе бурмистровъ и радцевъ русской лавицы съ жалобами на митрополита и Рутскаго; вслѣдъ за тѣмъ, 1 (11) сентября (1608 года), виленскіе священники, съ протопопомъ во главѣ, обратились къ митрополиту съ почтительно написаннымъ представленіемъ, объявляя, что въ назначеніи Рутскаго не видятъ нарушеніе правъ и стародавнихъ обычаевъ, что намѣстничество должно быть при нихъ, священникахъ соборныхъ, что троицкіе архимандриты, тѣмъ менѣе—монахи, никогда не имѣли надъ ними никакого старшинства; они просятъ поэтому снять съ нихъ намѣстничество отца Рутскаго. Ранѣе чѣмъ дошла эта просьба, Ипатій Потѣй зналъ о начавшемся въ Вильнѣ движеніи; онъ получилъ извѣстіе отъ двора королевскаго и отъ „нѣкоторыхъ своихъ пріятелей“, т. е. очевидно іезуитовъ. Самъ Рутскій явился къ нему лично и разсказалъ все подробно; бурмистры и лавники послали къ нему съ письмомъ своего товарища Луку Семеновича (Мамонича), извѣщая о событіи 13 августа. Ипатій Потѣй успокоивалъ бурмистровъ, увѣрялъ ихъ, что ни онъ, ни Рутскій не думали вводить въ монастырь іезуитовъ; что назначеніе Рутскаго намѣстникомъ не есть нарушеніе чьихъ-либо правъ и вызвано необходимостью. Сенчило, какъ главный виновникъ, былъ позванъ на судъ къ митрополиту. Когда въ назначенный срокъ обвиненный не явился, противъ него произнесенъ былъ приговоръ судомъ духовнымъ, подъ предсѣдательствомъ митрополита, съ участіемъ одного доминиканскаго монаха. Вслѣдствіе обвиненій, представленныхъ Рутскимъ отъ себя, отъ имени Кунцевича и нѣкоторыхъ монаховъ Троицкаго монастыря, Сенчило признанъ виновнымъ въ возстаніи

противъ власти митрополита, въ незаконномъ обращеніи къ суду свѣтскому, въ клеветѣ на Рутскаго, въ безпорядочномъ управленіи Троицкимъ монастыремъ, и приговоренъ къ низверженію, къ лишенію своего сана, къ отлученію отъ церкви. Объявленіе приговора было на нѣкоторое время отложено, чтобы дать время раскаянію виновнаго, или скорѣе изъ опасенія возбудить волненіе. Но раскаянія не послѣдовало; напротивъ волненіе въ Вильнѣ только увеличивалось. Сенчиловичъ уже вошелъ въ сношеніе съ Св.-Духовскимъ братствомъ; само собою разумѣется, православные готовы были принять въ свою среду кающагося грѣшника, рады были помогать ему и совѣтомъ и дѣломъ. Протопопъ Жашковскій, вмѣстѣ съ священниками, не получая отвѣта на свою просьбу, видя, что друзья іезуитовъ торжествуютъ, рѣшились на смѣлый шагъ; они отстали отъ уніи и вписались въ Св.-Духовское братство.

Ночью съ 29 ноября на 30 (съ 9 декабря на 10), Сенчило, Жашковскій и виленскіе священники вмѣстѣ съ духовными и свѣтскими лицами Св.-Духовскаго братства собрались въ домѣ одного мѣщанина виленскаго и постановили: 1) торжественно отречься отъ повиновенія митрополиту, 2) взять въ свое владѣніе Троицкій монастырь, вытѣснивъ оттуда приверженцевъ Потѣя и Рутскаго. Принявъ это рѣшеніе, заговорщики отправились въ церковь св. Николая (Перенесенскую) и здѣсь скрѣпили свой союзъ клятвою предъ святымъ Евангеліемъ.

Днемъ 30 ноября (10 декабря), бывшее уніатское духовенство, архимандритъ, протопопъ и священники явились въ виленскій гродскій судъ и подали заявленіе слѣдующаго содержанія: „Митрополитъ Ипатій Потѣй неоднократно увѣрялъ насъ своею совѣстію, вѣрою и присягою, что онъ не будетъ вводить ничего новаго, и поэтому мы власть его духовную, еще не видя ничего новаго, сносили съ покорностію. Но теперь, презрѣвъ свою присягу, его милость сталъ вводить въ церковь совершенно новые порядки, не только противные Восточной церкви, но разрушающіе въ самомъ основаніи всѣ начала старожитной религіи. Онъ обнаружилъ намѣреніе привести насъ подъ управленіе и послушаніе духовныхъ властей римской церкви, и неоднократно принималъ къ тому мѣры. Такъ своимъ открытымъ листомъ, съ печатью и подписомъ руки своей, онъ насъ отдавалъ подъ какую-то власть и судъ Николая Паца, суффрагана виленскаго. Потомъ поставилъ своимъ намѣстникомъ ксендза Велямина Рутскаго, давъ ему власть судить и рядить надъ всѣмъ священствомъ. Этотъ Рутскій, должно быть по волѣ митрополита, хочетъ вытѣснить архимандрита изъ монастыря Св. Троицы и для этого тайно сносится съ духовными римскаго костела и старается привести насъ подъ ихъ власть. Самъ Рутскій принадлежитъ къ римской церкви и очевидно имѣетъ въ виду всѣхъ насъ выгнать изъ церквей нашихъ, сговорившись съ монахами, своими единомышленниками. Рутскій уже выражаетъ неуваженіе архимандриту своему старшему, оклеветалъ его предъ митрополитомъ, который, не дожидаясь срока, означеннаго въ позывахъ на судъ, осудилъ его заочно, притомъ въ чужой епархіи, т. е. во Владимірской, и декретъ на лишеніе духовнаго сана и на проклятіе, какъ намъ сдѣлалось извѣстно, выдалъ ксендзу Велямину Рутскому, Рутскій далъ архимандриту съ него копію, съ подписомъ руки своей, изъ чего можно видѣть, что это сдѣлано по соглашенію Рутскаго съ митрополитомъ. Мы объявляемъ, что вслѣдствіе такого явнаго оскорбленія нашихъ правъ и нашей совѣсти, мы съ этого часу его милость, отца Ипатія, за пастыря имѣть не хочемъ, а ксендза Велямина Рутскаго за намѣстника не признаемъ и признавать не будемъ“.

Подписались: Самуилъ Сенчило, Варѳоломей Жашковскій, Леонтій Бобриковичь, священникъ церкви Воскресенской, Александръ Львовъ, священникъ церкви Пятницкой, Василій Ивановъ, священникъ церкви Покровской, Иванъ Власовичь, священникъ церкви Росской, Ѳедоръ Гавриловичь, дьяконъ собора Виленскаго.

Оставалось привести въ исполненіе вторую часть программы, т. е. овладѣть Троицкимъ монастыремъ, вытѣснивъ Рутскаго. Планъ для этого придуманный предполагалось привести въ исполненіе во время всенощнаго бдѣнія съ субботы 5-го (15) на воскресенье 6-го (16) декабря. Православные братчики должны были собраться въ монастырской церкви какъ можно въ большемъ числѣ. Архимандритъ (Сенчило) выйдетъ въ полномъ обла-

ченіи на великое славословіе и возьметъ съ собою Рутскаго; посреди церкви онъ толкнетъ его въ толпу, произнеся слова: „иди вонъ, еретикъ“; тогда слѣдовало схватить Рутскаго и передавая изъ рукъ въ руки, выпровадить за дверь. Чтобы обеспечить успѣхъ, Сенчило и его партія рѣшили привлечь на свою сторону Кунцевича, такъ какъ онъ внушалъ имъ уваженіе своею аскетическою жизнію. Въ отсутствіи Рутскаго, который удалился въ одно изъ близъ лежащихъ монастырскихъ имѣній, заговорщики приступили къ Кунцевичу съ своими просьбами, убѣждая его пристать къ нимъ, помочь древнему православію, содѣйствовать возстановленію въ монастырѣ нарушенныхъ нововведеніями Потѣя старыхъ православныхъ порядковъ. Кунцевичъ ссылается на Рутскаго, въ согласіи съ которымъ онъ привыкъ дѣйствовать, высказываетъ свое убѣжденіе, что Рутскій воспротивится ихъ намѣренію. Ему отвѣчаютъ, пусть только бы онъ сталъ на ихъ сторону, что же касается до Рутскаго, то уже придумано средство удалить его изъ Вильны. Кунцевичъ отказался принять участіе въ замыслѣ противъ своего друга и, какъ открылъ черезъ три года, получилъ за это пощечину отъ раздраженнаго Сенчилы. Архимандритъ, оставляя также монастырь подъ какимъ-то предлогомъ, приказалъ Кунцевичу, чтобы онъ отослалъ молодыхъ монаховъ, учениковъ Рутскаго, въ помѣстье, къ ихъ учителю. Кунцевичъ находился въ большомъ затрудненіи: съ одной стороны онъ боялся быть непослушнымъ приказанію, съ другой опасался, что, воспользовавшись отсутствіемъ Рутскаго и всѣхъ его приверженцевъ, „схизматики“ займутъ монастырь. Къ кому обратиться за совѣтомъ, если не къ тѣмъ, кто уже давно управлялъ его совѣстію. Кунцевичъ поспѣшилъ къ Валентину Ковальскому (Фабрицію). Іезуитъ сейчасъ понялъ опасность и посовѣтывалъ немедленно отправить гонца къ Рутскому, присоединивъ и свое письмо, въ которомъ было написано, что уніи грозитъ большая опасность; если Рутскій сейчасъ не явится, то все погибнетъ. Рутскій былъ болѣнъ лихорадкою; во время пароксизма прилетѣлъ въ Вильну и когда пропѣлъ: Te Deum, лихорадка, говорятъ, прошла. Въ тотъ же день явился архимандритъ и обратился къ Кунцевичу съ выговоромъ за непослушаніе. Тотъ отвѣчалъ, что не зачѣмъ было отправлять молодыхъ монаховъ къ Рутскому, когда самъ Рутскій сюда явился.

Сдѣлана была и другая попытка разлучить Кунцевича съ Рутскимъ; ее взяли на себя трое знатныхъ гражданъ виленскихъ, принадлежавшихъ къ Святодуховскому братству (Семенъ Красовскій, Петръ Копоть, Исаакъ Волковичь). Одинъ изъ нихъ пригласилъ (4 Декабря) Іосафата подъ предлогомъ угощенія въ свой домъ, гдѣ уже находились оба другіе. Чтобы не было свидѣтелей, удалили подъ благовиднымъ предлогомъ монаха, который сопровождалъ Кунцевича и потомъ приступили къ этому послѣднему съ просьбою и мольбою: „мы знаемъ, что ты усердно любишь Бога и его славу, что ты душевно преданъ и народу и обряду своему. Наступилъ день, когда угнетенная русская церковь должна поднять свою главу; по твоему мановенію это совершится. Клиръ на нашей сторонѣ, не достаетъ только тебя. Наша жизнь отъ тебя зависитъ, пожалѣй насъ и будь съ нами“. Съ этими словами всѣ трое пали къ ногамъ Кунцевича, цѣловали ихъ. Кунцевичъ, послѣ нѣкотораго колебанія, сказалъ: „дѣло не отъ меня зависитъ, вся сила въ Рутскомъ“, и остался непреклоненъ. Заговорщики обратились къ другимъ средствамъ: въ гнѣвѣ стали грозить ему смертію; заперли двери, одинъ сталъ на порогѣ, два другихъ сдѣлали видъ, какъ будто они готовились приступить къ насилію. Іосафатъ сказалъ тогда, что въ дѣлѣ такой важности онъ долженъ посовѣтоваться съ Богомъ, и что онъ дастъ отвѣтъ завтра утромъ. Провожая гостя, хозяинъ замѣтилъ ему, что если онъ не захочетъ пристать къ нимъ, то пусть, по крайней мѣрѣ, удалится на эту недѣлю изъ города.

Возвратясь въ монастырь, Кунцевичъ нашелъ Рутскаго на совѣщаніи съ другими ему преданными монахами; заговоръ сдѣлался уже извѣстнымъ, и они разсуждали, что слѣдуетъ предпринять. Кунцевичъ объявилъ и безъ того встревоженному собранію, что онъ былъ въ аду и слышалъ дьявольскія рѣчи, которыми склоняли его измѣнить вѣрѣ. На другой день (въ субботу 5 (15) декабря), такъ какъ Іосафатъ не думалъ явиться къ нимъ, заговорщики пригласили его пись-

менно. Онъ отписалъ, что, согласно съ обѣщаніемъ, онъ посовѣтовался съ Богомъ, который сказалъ о нихъ: „помыслиша совѣты, иже не возмогутъ стати“ *).

Первое опредѣленное и точное извѣстіе о заговорѣ было получено въ виленскомъ гродскомъ судѣ отъ какого-то измѣнника. Подвоеводій Дмитрій Карпь тотчасъ далъ знать воеводѣ Николаю Радивилу, находившемуся неподалеку, внѣ города, а также извѣстилъ Рутскаго. Воевода, не имѣя возможности прибыть лично, прислалъ приказъ — уніатамъ быть бдительными, подвоеводію — принять мѣры для усмиренія черни, архимандриту и протопопу — оставить свои замыслы подъ страхомъ лишиться головы. Рутскій, съ своей стороны, въ ночь отправилъ гонца въ Шешолы къ ксендзу бискупу, прося его, ради Бога, прибыть въ городъ. Бенедиктъ Война отказался, потому что намѣренъ былъ принимать лѣкарство, но писалъ къ Николаю Пацу, суффрагану, и приказалъ, чтобы все его вѣдомство двинулось какъ на гвалтъ, какъ только послышится звонъ Сигизмунда крѣпостнаго. Въ субботу (5 (15) декабря) Рутскій отправился въ ратушу вмѣстѣ съ Мороховскимъ, секретаремъ митрополита, прибывшимъ въ Вильну съ порученіями Ипатія Потѣя. Онъ подалъ бурмистрамъ заявленія о заговорѣ мѣщанъ виленскихъ, принадлежащихъ къ братству, въ соучастіи съ Жашковскимъ и священниками, отступившими отъ уніи; ссылаясь на показанія Кунцевича, онъ назвалъ главныхъ заговорщиковъ. Петръ Коптевичъ, Семенъ Красовскій, Исаакъ Волковичъ и, сверхъ того, Иванъ Сечька были потребованы въ ратушу и арестованы. Между тѣмъ, городъ вооружился. Ночь съ субботы на воскресенье магистратъ въ полномъ засѣданіи провелъ безъ сна, по близости его стояла отборная стража; вооруженные цехи, какъ будто приготовившись къ бою, расхаживали по улицамъ; они проходили около домовъ братскихъ „съ великимъ гукомъ и стрѣляньемъ съ пулгаковъ“ и винтовокъ, съ угрозами разрушить до основанія церковь братскую (Св. Духа). Въ замкѣ тоже не были спокойны: подвоеводій прислалъ свои силы на помощь магистрату. Когда предъ разсвѣтомъ раздался первый ударъ колокола, отрядъ, присланный Димитріемъ Карпемъ, прежде всѣхъ явился къ монастырю Троицкому и окружилъ церковь. Весь планъ противниковъ уніи рушился.

Еще въ субботу Мороховскій, присланный Потѣемъ, запретилъ Сенчилѣ отъ имени архимандрита отправлять духовныя обязанности, запретилъ братіи повиноваться ему, требовалъ, чтобы онъ совсѣмъ оставилъ монастырь. Но Сенчило отвѣчалъ, что онъ получилъ монастырь на основаніи королевской привилегіи и не обязанъ слушать непристойныхъ и неосновательныхъ приказовъ Мороховскаго. Мороховскій приходилъ вечеромъ во второй разъ, нашелъ архимандрита у игуменьи, которая угощала его вмѣстѣ съ другими монахами. Мороховскій повторилъ требованіе и объявилъ монахинямъ, чтобы и онѣ не слушались Сенчилы, и опять ушелъ съ прежнимъ отвѣтомъ. Въ третій разъ уполномоченный митрополита явился въ келью архимандрита въ понедѣльникъ ($^{7}/_{17}$ декабря); архимандритъ, на требованіе оставить монастырь, отвѣчалъ то же, что и въ первый разъ. Когда Мороховскій ушелъ, а возный съ свидѣтелями заявленія остались въ кельѣ архимандричей, случилась такая исторія. Сенчило на нѣкоторое время удалился изъ монастыря; въ ту самую минуту, съ верху, гдѣ жилъ Рутскій, сбѣжало нѣсколько монаховъ и, думая, что въ кельѣ никого нѣтъ, стали въ нее ломиться; когда-же отозвались присутствующіе въ ней, то монахи заперли ихъ своимъ собственнымъ замкомъ и ушли прочь. Когда Сенчило воротился, онъ нашелъ свою келію запертою, и только напоминаніе о присутствіи должностнаго лица, котораго необходимо выпустить, заставило монаховъ снять замокъ.

Сенчило имѣлъ друзей среди самыхъ бурмистровъ русской половины; вѣроятно, по ихъ настоянію, отправлена была просьба къ Ипатію Потѣю отъ имени всей бурмистровской коллегіи, чтобы онъ успокоилъ волненіе, произведенное въ Вильнѣ столкновеніемъ Рутскаго и Сенчилы. Потѣй отвѣчалъ упреками и требованіемъ, чтобы бурмистры не позволяли отпавшимъ въ схизму священникамъ служить въ церквахъ, находящихся въ „подаваніи“ мѣщанъ виленскихъ; что касается Троицкаго монастыря, то въ немъ настоятелемъ назначался Рутскій (писано 24 декабря).

*) Susza, Cursus vitæ B. Josaphat. Ср. Relacya, с. 3.

Вслѣдъ затѣмъ обѣ стороны—Мороховскій отъ имени митрополита и Сенчило съ отступниками отъ уніи, подписавшими заявленіе отъ 30 ноября, обратились въ гродскій судъ съ изложеніемъ, каждая съ своей точки зрѣнія, фактовъ, которые должны были подлежать разсмотрѣнію высшаго суда.

1609 годъ открылся сеймомъ въ Варшавѣ, куда отправились Самуилъ Сенчило, священникъ церкви Воскресенской Леонтій, іеромонахъ Павелъ, іеродіаконъ Макарій Голимонтъ и нѣсколько свѣтскихъ депутатовъ Св. Духовскаго братства (староста Арнольфъ Выриковскій, Иванъ Порошко. Тимоѳей Рѣпницкій, Николай Воронецъ, Логинъ Карповичь и другіе). Не смотря на побѣду, одержанную королемъ надъ рокошанами, на сеймѣ преобладала противу-іезуитская партія. На уніатскаго митрополита Ипатія Потѣя со всѣхъ сторонъ посыпались обвиненія, что онъ, вопреки сеймовой конституціи 1607 г., принуждаетъ къ уніи насильно, наступаетъ на совѣсть православныхъ. Сенчило съ своими товарищами находилъ сочувствіе какъ у сенаторовъ, такъ и въ посольской избѣ. Король нѣсколько разъ назначалъ коммиссіи для разбора того, которая сторона имѣетъ за собою право. Митрополитъ доказывалъ, что унія не новость, что она давно принята всѣмъ русскимъ духовенствомъ и шляхтою, что всѣ права и привилегіи давались русскому духовенству подъ условіемъ уніи, однимъ словомъ — развивалъ свою новоизобрѣтенную теорію. Сеймъ, однако, не убѣдился его доводами и утвердилъ конституцію 1607 года, т. е. призналъ права церкви православной, поставивъ ихъ снова подъ охрану высшихъ судовъ; всѣ споры православныхъ съ уніатами о церквахъ, имѣніяхъ, взаимныхъ обидахъ должны разрѣшаться главнымъ судомъ трибунальнымъ, сторона виновная въ какомъ либо насиліи или нарушеніи правъ противной стороны подвергается пенѣ въ 10,000 злотыхъ. Особенно непріятнымъ для уніатовъ былъ тотъ пунктъ, которымъ опредѣлялось, что жалобы православныхъ будутъ разбираться выборными свѣтскими судьями главнаго трибунальнаго суда; они предвидѣли, что такимъ образомъ для нихъ утрачены будутъ и Троицкій монастырь и всѣ виленскія церкви. Ипатій Потѣй протестовалъ противъ рѣшенія сейма и свою протестацію внесъ въ книги гродскаго варшавскаго суда. Неизвѣстно, какимъ образомъ конституція явилась съ такимъ добавленіемъ („учиненъ пришивокъ"), что споры о церквахъ и церковныхъ имѣніяхъ, отнятыхъ въ промежутокъ времени отъ предыдущаго сейма до настоящей конституціи, должны подлежать вѣдѣнію суда смѣшаннаго (compositi judicii). Въ свою очередь, одинъ изъ депутатовъ сейма, князь Богданъ Огинскій, членъ Св. Духовскаго братства, протестовалъ противъ „пришивка", прописавъ въ своей протестаціи постановленіе въ первоначальномъ его видѣ, какъ оно было принято съ общаго согласія. Неопредѣленность и безпорядокъ польскаго законодательства дѣлали вопросъ спорнымъ.

Главная опора митрополита Ипатія была, впрочемъ, въ королѣ и въ окружающихъ его лицахъ. Предъ окончаніемъ сейма, Сигизмундъ III назначилъ Рутскаго архимандритомъ Троицкаго монастыря и отпустилъ его въ Вильну съ грамотами къ виленскому магистрату, въ которыхъ приказывалось бурмистрамъ принять новаго архимандрита, отобрать у священниковъ, непослушныхъ митрополиту, ихъ церкви, отдать оныя тѣмъ попамъ, которыхъ митрополитъ поставитъ на мѣсто непослушныхъ и своевольныхъ (грамоты отъ 10 (20) февраля). Королевскимъ декретомъ (отъ 11 (21) февраля) дворянинъ Янъ Буйвилъ уполномочивался ввести Рутскаго во владѣніе Троицкимъ монастыремъ.

Это было исполнено 25 февраля (7 марта). Буйвилъ предъявилъ монахамъ королевскую волю и прочиталъ листъ, къ нему писанный королемъ. Монахи признали Рутскаго и впустили его въ монастырь. Но, при выходѣ изъ церкви вмѣстѣ съ Рутскимъ, Буйвилъ встрѣтилъ толпу, состоявшую изъ православныхъ гражданъ виленскихъ. Во главѣ ея находился очередный радца русской лавицы Иванъ Тупека, тутъ же были: Петръ Коптевичъ, Филиппъ Сенчиловичъ, Прокопъ Корольковичъ, Карпъ Рыбникъ, Константинъ Москаль, Денисъ Костюшковичъ и другіе. Тупека и его товарищи заявляли, что они посланы русскими бурмистрами изъ ратуши воспрепятствовать передачѣ монастыря Рутскому, такъ какъ, по грамотѣ короля Стефана, право подаванья въ монастырѣ принадлежитъ имъ, бурмистрамъ. Буйвилъ отвѣчалъ, что онъ уже свое дѣло сдѣлалъ и

всякій протестъ долженъ считаться запоздалымъ и неумѣстнымъ. По приглашенію Рутскаго, Буйвилъ пошелъ съ вознымъ и свидѣтелями ввода, шляхтичами, обѣдать въ монастырѣ. Скоро ему дали знать, что предъ монастыремъ собралась большая толпа народу. Буйвилъ вышелъ съ вознымъ и шляхтичами; Тупека съ товарищами стоялъ впереди, также имѣя на сей разъ при себѣ трехъ возныхъ, и объявилъ отъ имени всѣхъ, находившихся въ толпѣ, что они снова, при возныхъ и постороннихъ свидѣтеляхъ, протестуютъ противъ ввода Рутскаго и не уступаютъ монастыря; вводъ сдѣланъ неправильно, потому что бурмистровъ не оповѣстили о выѣздѣ Буйвила для исполненія этой процедуры. Буйвилъ опять отвѣчалъ, что онъ уже отдалъ монастырь, согласно съ волею короля, Рутскому и не имѣетъ болѣе ни какой власти, а остался только на обѣдъ, по приглашенію братіи. Монахи, вышедшіе изъ монастыря, говорили, что королевская грамота о передачѣ монастыря Рутскому была уже представлена въ ратушу и тамъ читана, слѣдовательно никакого извѣщенія не нужно было дѣлать. Когда въ 12 часу Буйвилъ выѣзжалъ изъ монастыря, онъ еще разъ встрѣтилъ ту же безпокойную толпу, только она еще болѣе увеличилась; ея предводители показывали теперь свои документы, т. е. королевскія грамоты на подаванье монастыря и повторяли протестъ. Стараясь отдѣлаться, Буйвилъ твердилъ, что не его дѣло разсматривать и обсуждать привилегіи; „я подалъ монастырь и церковь Рутскому и съ тѣмъ отъѣзжаю, а вы, если имѣете какое право, ищите его судебнымъ порядкомъ“.

Совѣтъ былъ принятъ. Въ тотъ же день принесена была жалоба въ гродскій судъ. Какое раздраженіе было произведено въ народѣ дѣйствіемъ, которое исполнилъ Буйвилъ, свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ. 26 февраля (9 марта) Рутскій въ томъ же гродскомъ судѣ жаловался, что нѣкто Максимъ Шембель выразилъ „похвалку“ на его жизнь, говоря, „выгоню-де Рутскаго изъ монастыря, застрѣлю его изъ „пулгака“ и самъ свою голову положу; сдѣлаю службу русскому народу тѣмъ, что сглажу съ сего свѣта непріятеля русской вѣры“ [1]).

[1]) Акты гродскаго суда.

Труднѣе было исполнить королевское приказаніе объ отобраніи Пречистенскаго собора и другихъ церквей у священниковъ, измѣнившихъ уніи. Когда Рутскій представилъ грамоту Сигизмунда III въ магистратъ, то очередные радцы русской лавицы Иванъ Тупека, да Исаакъ Кононовичъ, братчики Св.-Духовскаго братства, отнеслись къ ней неуважительно, помыкали ею по столу, клали сверху ея какія-то свои привилегіи, писанныя на пергаментѣ, и потомъ откладывали отвѣтъ со дня на день. Между тѣмъ содержаніе королевской грамоты сдѣлалось извѣстнымъ въ городѣ; сами бурмистры читали ее православному люду, жалуясь на своего государя, что онъ поступаетъ съ своими вѣрными подданными несправедливо. Въ народѣ началось волненіе; въ тотъ день, какъ магистратъ долженъ былъ, наконецъ, дать свой отвѣтъ, огромная толпа явилась къ ратушѣ; выломавъ двери, она проникла въ радецкую избу и подняла крикъ, чтобы церкви оставались во власти православныхъ, чтобы никто не смѣлъ отдавать ихъ измѣннику митрополиту. Бурмистры не принимали никакихъ мѣръ противъ взволнованной толпы. Кто-то изъ нихъ даже высказалъ такое замѣчаніе: „Гданскъ (Данцигъ) уже далъ себя знать королю, того же самаго дождется онъ и въ Вильнѣ“ [1]). Бурмистры и радцы не только не хотѣли взять на себя обязанности отбиранія церквей, но даже отказались внести въ свои книги предъявленный Рутскимъ листъ короля.

Между тѣмъ (9 (19) марта) Сенчило воротился съ сейма изъ Варшавы и нашелъ свой монастырь въ рукахъ Рутскаго. Произошла новая сцена. Сенчило явился предъ монастыремъ въ сопровожденіи большой толпы, среди которой замѣтны были главнѣйшіе мѣщане, принадлежащіе къ братству (Семенъ Красовскій, Петръ Коптевичъ, Семенъ Новгородецъ). Онъ вошелъ въ монастырь, заявилъ Рутскому свой протестъ о незаконномъ занятіи монастыря, заявилъ, что онъ, Сен-

[1]) Въ 1593 году въ Данцигѣ вспыхнуло возстаніе по тому поводу, что Сигизмундъ III приказалъ отобрать у протестантовъ одну церковь; только вмѣшательство магистрата спасло католиковъ отъ ярости народной, отъ полнаго истребленія. Король долженъ былъ отсрочить возстановленіе господства католической церкви, въ Данцигѣ.

чило, отрицаетъ власть митрополита Потѣя и не признаетъ его распоряженій; затѣмъ вышелъ къ народу и жаловался на обиду толпѣ, стоявшей у воротъ монастыря. Народъ объявилъ, что онъ, по прежнему, считаетъ его своимъ архимандритомъ и не хочетъ знать Рутскаго, равно какъ и самого митрополита Потѣя.

На основаніи сеймоваго постановленія споръ о правѣ владѣнія монастыремъ Троицкимъ и о принадлежности виленскихъ церквей, долженъ былъ поступить на судъ главнаго трибунала; король, рѣшая споръ преждевременно, нарушалъ основные законы государства. 11 (21) марта (1609 г.) суду трибунальному поданъ былъ цѣлый рядъ жалобъ: 1) отъ имени православныхъ, принадлежащихъ къ братству (Св.-Духовскому), явились князь Богданъ Огинскій и дворянинъ Арнольфъ Выриковскій, старосты братскіе, и принесли жалобу на митрополита Ипатія Потѣя, съ вѣдома котораго ксендзъ Рутскій завладѣлъ монастыремъ Троицкимъ. Будучи воспитанникомъ и послѣдователемъ костела и вѣры римской, Рутскій стремится разрушить въ самомъ основаніи всѣ права и вольности старожитной религіи русской, хочетъ отдать монастырь подъ власть и управленіе римскаго духовенства, завладѣвъ онымъ несправедливо; такъ какъ монастырь былъ основанъ предками теперешнихъ православныхъ жителей великаго княжества, людьми вѣры греческой, а не римской, признававшими власть константинопольскаго патріарха, такъ какъ съ другой стороны всѣ дѣйствія Рутскаго происходятъ съ воли и вѣдома Ипатія Потѣя, то православное братство приглашаетъ Потѣя на судъ трибунальный; 2) другая жалоба братства виленскаго съ такимъ же содержаніемъ была подана противъ самого Рутскаго; 3) отъ Самуила Сенчилы были также поданы жалобы, какъ на Ипатія Потѣя, такъ и на Рутскаго; оба они обвинялись въ нарушеніи сеймовой конституціи, которая утвердила всѣ права религіи старожитной греческой и оставила за людьми, исповѣдующими и признающими духовную власть патріарха константинопольскаго, всѣ монастыри, церкви, имѣнія, принадлежащія ихъ церкви; наконецъ 4) очередные радцы: Иванъ Тупека, Исаакъ Кононовичъ, Семенъ Красовскій, Константинъ Остафьевичъ Москаль, Прокопъ Корольковичъ—отъ имени своихъ собратій приносили жалобу на Рутскаго, который неизвѣстно на какомъ основаніи, а должно быть введя въ заблужденіе ложнымъ показаніемъ королевскую канцелярію, выхлопоталъ себѣ привилегіи на Троицкій монастырь, и не смотря на протестъ городскаго уряда, овладѣлъ онымъ.

Когда наступилъ срокъ разбирательства (10 (20) мая 1609 г.), то уполномоченный Ипатія Потѣя и Велямминъ Рутскій требовали, чтобы ихъ дѣло было передано суду смѣшанному (compositi judicii), который составлялся изъ свѣтскихъ депутатовъ трибунала въ соединеніи съ равнымъ числомъ духовныхъ лицъ католической церкви (по шести человѣкъ). Отказъ Потѣя и Рутскаго явиться на свѣтскій судъ трибунала, папскій нунцій Симонетта, слѣдившій за ходомъ дѣла, въ своемъ донесеніи римскому престолу оправдываетъ тѣмъ, что въ судѣ трибунальномъ на сорокъ членовъ было едва тринадцать католиковъ, прочіе были „еретики". Если нельзя было положиться на безпристрастіе кальвинистовъ, враждебныхъ католицизму и дружественно расположенныхъ въ отношеніи къ православнымъ, то еще менѣе было разсчитывать на праведный судъ духовенства католическаго въ отношеніи къ греческой церкви. „Самый прирожоный разумъ не можетъ позволить, разсуждали послѣ православные, чтобы люди религіи греческой вели свои духовныя тяжбы предъ судьями римскими, ибо адверсаръ (противникъ) судьею справедливымъ быть не можетъ". Въ судѣ открылся споръ относительно компетентности; свѣтскій трибунальный судъ, согласно съ первоначальнымъ смысломъ конституціи варшавскаго сейма, считалъ дѣло подлежащимъ своему вѣдѣнію; ксендзы-депутаты стояли, напротивъ, за смѣшанный судъ; они основывались на сдѣланномъ послѣ добавленіи къ сеймовому постановленію, хотя и оно едва ли могло имѣть приложеніе въ настоящемъ случаѣ, ибо до сейма монастыремъ фактически владѣлъ Сенчило, а Рутскій захватилъ его послѣ сейма. Ксендзы-депутаты нисколько не смутились тѣмъ, что никто изъ свѣтскихъ членовъ трибунала къ нимъ не явился, не смотря на троекратное приглашеніе. Они всетаки составили засѣданіе и произнесли приговоръ отъ имени смѣшаннаго суда, хотя безъ всякаго смѣшенія судили одни духов-

ныя лица католическаго исповѣданія. Такимъ образомъ, явились два приговора совершенно противоположнаго содержанія. Опредѣленіе главнаго трибунала было совершенно въ пользу православныхъ; судьи признавали, что, поддавшись власти римскаго престола, Ипатій Потѣй пересталъ принадлежать къ православной церкви и, слѣдовательно, не могъ распоряжаться въ ней, утратилъ всякое право юрисдикціи какъ относительно духовенства, такъ и относительно „подаванія" храмовъ; Рутскій, равнымъ образомъ, не могъ быть архимандритомъ въ Троицкомъ монастырѣ, который издревле принадлежалъ православнымъ, потому что онъ также былъ членомъ римской церкви. Вслѣдствіе того Потѣй и „ксендзъ" Рутскій, на основаніи конституціи, присуждались къ уплатѣ 10,000 злотыхъ, за нарушеніе правъ церкви греческой. Приговоръ католическаго духовенства, само собою разумѣется, присуждалъ къ этой пенѣ Сенчилу и братчиковъ, вполнѣ оправдывая отъ всѣхъ обвиненій Потѣя и Рутскаго; монастырь долженъ принадлежать Рутскому, который еще до сейма назначенъ былъ властію митрополита игуменомъ этого монастыря и получилъ королевское утвержденіе до *окончанія* сейма; братчики церкви новой Св. Духа, несправедливо именуютъ себя виленскимъ братствомъ Св. Троицы, потому что противная сторона представила списокъ дѣйствительныхъ членовъ братства, въ самомъ дѣлѣ собирающихся въ томъ монастырѣ; бурмистры и радцы русской лавицы утратили всякое право на Троицкій монастырь, потому что право подаванія принадлежало королю, онъ передалъ это право бурмистрамъ, онъ же взялъ его у нихъ обратно.

Главный трибуналъ кассировалъ рѣшеніе, выданное отъ имени смѣшаннаго суда 24-го іюня (4 іюля). Король съ своей стороны прислалъ приказъ, чтобы власти не приводили въ исполненіе рѣшенія трибунальнаго суда. Еще ранѣе того, до судебнаго разбирательства, Сигизмундъ III, своимъ декретомъ (отъ 12 (22) апрѣля) объявилъ Сенчилу лишеннымъ покровительства законовъ, изгнаннымъ изъ предѣловъ государства за то, что онъ возстаетъ противъ духовной власти и жалуется на нее предъ судомъ свѣтскимъ. Но теперь Сенчило снова долженъ былъ вести тяжбу съ митрополитомъ, хотя бы этого и не желалъ, предъ новымъ судомъ. Духовныя лица смѣшаннаго суда послали о своемъ столкновеніи съ свѣтскими лицами трибунала декларацію къ суду самого короля (задворному или ассесорскому); къ тому же ассесорскому суду обратился митрополитъ Ипатій Потѣй: 1) съ обвиненіемъ Сенчилы и другихъ своихъ соперниковъ въ злонамѣренномъ обращеніи къ суду ненадлежащему, и 2) съ жалобою на протопопа Варѳоломея, какъ на бунтовщика; отнявшаго всѣ церкви у законнаго пастыря.

Задворный или ассесорскій судъ имѣлъ свои засѣданія тамъ, гдѣ находился дворъ королевскій; а этотъ дворъ въ концѣ іюля (стараго стиля) прибылъ въ Вильну. Сигизмундъ III отправлялся въ свой московскій походъ, подъ Смоленскъ, и съ обычнымъ торжествомъ, съ тріумфальными воротами, съ привѣтственными рѣчами былъ встрѣченъ іезуитами при въѣздѣ въ литовскую столицу. За то орденъ получилъ много милостей отъ короля и королевы, между прочимъ большую сумму денегъ въ пользу костела св. Казиміра, который іезуиты начали строить еще въ 1604 году, вскорѣ послѣ того, какъ имъ удалось, наконецъ, выхлопотать канонизацію королевича. По пріѣздѣ короля, задворный судъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ сенаторовъ подъ предводительствомъ канцлера Льва Сопѣги, имѣлъ два засѣданія. Въ первомъ, на основаніи привилегій и самой сущности дѣла, за Ипатіемъ Потѣемъ признано право распоряжаться всѣми церквами греческой вѣры, которыя поэтому и должны быть возвращены въ его распоряженіе, а протопопъ Варѳоломей Жашковскій признанъ бунтовщикомъ противъ законной власти. Во второмъ засѣданіи разсмотрѣна жалоба Потѣя на рѣшеніе вопроса о Троицкомъ монастырѣ, по поводу притязаній Сенчилы, судомъ не компетентнымъ; задворный судъ объявилъ декретъ трибунальнаго суда неправильнымъ, кассированнымъ и уничтоженнымъ, наложилъ на Сенчилу съ братчиками штрафъ въ 10.000 злотыхъ и выдалъ на него банницію. Трибунальные судьи чувствовали себя оскорбленными и явились къ королю съ жалобой. Сигизмундъ III принялъ ихъ очень немилостиво; онъ замѣтилъ имъ, что они безразсудно вступаются въ дѣла, неподлежащія ихъ суду, въ дѣла духовныя, и такимъ

образомъ сами ослабляютъ свой авторитетъ, сами дѣлаютъ свои приговоры недѣйствительными и не стоющими уваженія. Затѣмъ король послалъ двухъ чиновниковъ въ ратушу узнать о причинѣ и виновникахъ тѣхъ безпорядковъ, которые произошли въ ней при предъявленіи Рутскимъ королевскихъ грамотъ. Члены магистрата назвали главными виновниками всѣхъ волненій двухъ человѣкъ изъ среды своей—Ивана Тупеку, да Исаака Кононовича. Государственный прокуроръ обвинилъ ихъ въ оскорбленіи величества. Кромѣ уже извѣстныхъ фактовъ (неуважительное обращеніе съ королевскими листами, чтеніе ихъ постороннимъ внѣ ратуши, напоминаніе о Данцигѣ и т. д.), на судѣ открылись новыя доказательства ихъ измѣны: они отправили нѣкоего Порошку (ѣздилъ на сеймъ варшавскій 1609 г. вмѣстѣ съ Сенчиломъ), принадлежащаго къ братству, на московскія границы для распространенія ложныхъ слуховъ и вредной клеветы, будто король Сигизмундъ III есть врагъ греческой вѣры, что если русскіе жители Московскаго государства ему покорятся, то этимъ подвергнутъ опасности и насилію свою вѣру и совѣсть. Тупека и Кононовичъ признаны виновными, въ бунтѣ и оскорбленіи величества, приговорены къ смертной казни; но наказаніе смягчено королемъ, — они только лишены были своихъ должностей, объявлены и на будущее время неспособными занимать ихъ, да сверхъ того обязаны были построить что-либо для укрѣпленія или украшенія Вильны, такъ какъ, очевидно, это были люди богатые.

Всю честь окончательнаго рѣшенія долговременной тяжбы папскій нунцій Франческо Симонетта въ донесеніи римскому престолу, посланномъ изъ Вильны, приписываетъ самому королю Сигизмунду, такъ какъ задворный судъ находился вполнѣ подъ непосредственнымъ его вліяніемъ. „Король не побоялся того, что онъ можетъ возбудить къ себѣ ненависть и подвергнуть себя опасности возстанія со стороны русскихъ схизматиковъ, которые находятся здѣсь въ большомъ числѣ и весьма сильны (sono qui in gran numero et molto potenti), онъ не обратилъ вниманія на тотъ вредъ, который можетъ отсюда выйти для его плановъ, относительно Московіи“— вотъ похвалы папскаго нунція, конечно болѣе похожія на порицаніе и осужденіе, но тѣмъ не менѣе не заключавшія въ себѣ никакой намѣренной ироніи.

Теперь оставалось, согласно съ рѣшеніемъ суда задворнаго, отобрать церкви у православныхъ и у священниковъ, отказавшихся признавать унію. 27 іюля (6 августа), королевскій дворянинъ Войтехъ Сенковскій съ вооруженнымъ отрядомъ отправился къ Пречистенскому собору, поотбивалъ замки въ этой церкви, забралъ въ свои руки казну церковную, захватилъ домъ митрополичій, объявляя, что все это поступаетъ подъ власть и распоряженіе короля, какъ наивысшаго „подавцы и оброцы церквей Божіихъ“. Отецъ Василій Вербовецкій, протопопъ Городенскій, и Ѳедоръ, дьяконъ соборный, которые отправляли въ этотъ день утреню въ Пречистенской церкви, были посажены въ тюрьму на дворѣ митрополичьяго дома. Той же участи подвергся другой священникъ, посланный духовенствомъ и пришедшій съ возными узнать, кто дѣлалъ такое насиліе въ соборной церкви. 29 іюля (8 августа) Войтехъ Сенковскій ввелъ Ипатія Потѣя, который прибылъ въ Вильну вмѣстѣ съ королемъ, во владѣніе Пречистенскимъ соборомъ и передалъ ему по описи все церковное имущество.

Отбираніе приходскихъ церквей на короля было отложено на нѣсколько дней; потому что, какъ говоритъ современная реляція объ этихъ событіяхъ (принадлежащая самому Ипатію Потѣю) слѣдовало ожидать бунта и сопротивленія. Протопопъ Варѳоломей Жашковскій обнаруживалъ большую „дерзость“, онъ не хотѣлъ выдать панамъ бурмистрамъ чудотворнаго образа Богоматери (Остро-брамской), который былъ скрытъ въ церкви Перенесенской, не смотря на то, что самъ король съ королевой и королевичемъ Владиславомъ, прибывъ въ церковь *Св. Троицы*, желали поклониться этой чудотворной иконѣ. Именно при отбираніи церкви Св. Николая (Перенесенія мощей), при которой до сихъ поръ жилъ Жашковскій, при которой были спрятаны всѣ драгоцѣнныя сокровища другихъ церквей, могло вспыхнуть возстаніе. Жашковскій будто бы хорошо приготовился къ сопротивленію; двери были забиты и загорожены; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ послѣ открылось, былъ подложенъ порохъ. Но, по другимъ свѣдѣні-

ямъ [1]), 31 іюля (9 августа), когда Войтехъ Сенковскій явился на рынкѣ при церкви Перенесенской, Жашковскаго уже не было въ Вильнѣ. Королевскій дворянинъ нашелъ при церкви только жену и малолѣтнихъ дѣтей протопопа, вытолкалъ ихъ изъ дому, разогналъ всю челядь, забралъ все имущество несчастныхъ. Точно такъ же какъ и прежде, двери во дворъ и церковный погостъ были выломаны, замки и врата церковныя разбиты, всѣ скарбы церковные переписаны и взяты на королевское имя. Тоже самое повторилось при церкви Воскресенской и въ домѣ священника Леонтія Бобриковича, затѣмъ послѣдовали церкви 4) Спасская, 5) Покровская, 6) Пятницкая, 7) Святаго Георгія (Юрьевская), 8) Св. Петра, 9) Св. Козьмы и Даміана, 10) Рождества Христова, 11) другая церковь чудотворца Николая (Успенія), 12) церковь Ивановская. Не упомянуты церкви 13) Св. Екатерины, 14) Св. Михаила Архангела, 15) Св. Пророка Иліи, 16) Петропавловская церковь (ибо церковь Св. Петра есть другая, самостоятельная церковь, можетъ быть та же, что церковь въ городѣ), 17) церковь Рождества Богородицы, быть можетъ не считаемая за отдѣльную самостоятельную. Не слѣдуетъ думать, что онѣ остались у православныхъ; такъ какъ положительно извѣстно, что за ними осталась только церковь Св. Духа. Вѣроятно, эти церкви находились въ разрушеніи или запустѣніи.

Всѣ эти церкви 1 (11) августа, во вторникъ, были переданы митрополиту, который велѣлъ бурмистрамъ осмотрѣть и переписать церковное имущество. Самъ Ипатій Потѣй былъ, естественно, всего болѣе озабоченъ тѣмъ, не похищена ли какъ схизматиками чудотворная икона Богородицы и другія священныя драгоцѣнности, которыя, какъ было извѣстно, сохранялись въ Никольской церкви. Въ тотъ же самый день, 1 августа, послѣ полудня, торжествующій глава уніи отправился въ Перенесенскій храмъ св. Николая и могъ здѣсь поклониться чудотворной иконѣ. Но осматривая все со вниманіемъ, онъ нашелъ въ придѣлѣ, на лѣвой сторонѣ отъ входа, подъ алтаремъ, нѣсколько боченковъ или лучше одинъ боченокъ съ порохомъ [1]). Франческа Симонетта догадывается, что порохъ былъ подложенъ съ цѣлію произвести пожаръ, когда митрополитъ будетъ служить въ церкви; Ипатій Потѣй, намѣреваясь сдѣлать болѣе тонкій и злой намекъ, высказалъ въ своей „реляціи“ замѣтку, которая можетъ быть принята въ простомъ и точномъ своемъ значеніи: „для чего былъ положенъ порохъ, могъ сказать только тотъ, кто его положилъ“. Изъ церкви Перенесенской Потѣй отправился въ домъ католическаго епископа (теперь генералъ-губернаторскій), для свиданія съ папскимъ нунціемъ, котораго слѣдовало поблагодарить за тѣ услуги, которыя были имъ оказаны уніи въ дѣлѣ возвращенія церквей, очевидно посредствомъ вліянія на покорнаго велѣніямъ папской куріи Сигизмунда III. Разставшись съ Франческо Симонеттой, еще среди бѣлаго дня бывшій сенаторъ и кастелянъ брестскій, а теперь гордый архипастырь возвращался домой. Въ „китайчевой сутанѣ“ (sutanny kitayczaney), съ золотымъ крестомъ и цѣпью на шеѣ, съ тростью въ правой рукѣ, онъ шелъ по Большой улицѣ и уже былъ на рынкѣ предъ самой ратушей (теперь театръ), вдругъ бросается на него сзади какой-то неизвѣстный человѣкъ высокаго роста, выхватываетъ саблю изъ подъ епанчи и наноситъ ударъ въ шею: ударъ разсѣкъ нѣсколько колецъ золотой цѣпи подъ косою митрополита, пробилъ воротникъ у рясы и рубашки, но самой шеи не повредилъ; осталась только кровавая синева, длиною въ пядень. При первомъ или второмъ ударѣ, Ипатій Потѣй этого не могъ послѣ припомнить,—онъ подставилъ для защиты свою лѣвую руку: на рукѣ два пальца были совершенно отсѣчены, такъ что упали на землю, два другіе были сильно повреждены. Злодѣй, который оказался „гайдукомъ“ одного пріѣзжаго пана [2]), былъ сейчасъ же схваченъ свитой ми-

[1]) Разсказъ двухъ православныхъ іеромонаховъ Павла и Паенутія, записанный въ книгахъ Минскаго трибунала.

[1]) Папскій нунцій пишетъ одинъ боченокъ (un barilletto). Самъ Ипатій Потѣй повѣствуетъ: нѣсколько боченковъ съ порохомъ («барилке пелне праху рушнечнего»).

[2]) Странно, что фамилія этого пана не названа не только въ донесеніи папскаго нунція, но и въ реляціи о событіяхъ 1608 и 1609 года, писанной очевидно, самимъ Ипатіемъ Потѣемъ. Что касается до фанатика, покусившагося на убійство, то его,

трополита, сильно избитъ, а потомъ отведенъ въ тюрьму при ратушѣ. Самъ Ипатій Потѣй былъ перенесенъ въ ближайшій домъ одного сенатора (можетъ быть, въ домъ Ходкевича, принадлежащій теперь учебному округу); сюда явился король и знатные паны съ изъявленіемъ соболѣзнованія. Веляминъ Рутскій подобралъ отсѣченные пальцы, велѣлъ положить ихъ на алтарь у Св. Троицы и отслужить благодарственный молебенъ. Память объ этомъ событіи долго сохранялась на серебрянной дощечкѣ при иконѣ Богородицы; самъ пострадавшій, но избѣгшій смерти сочинилъ и подпись, вырѣзанную на дощечкѣ: "наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя".

Когда толпа, окружившая виновнаго, осыпая его побоями, допрашивала, не сдѣлалъ ли онъ своего покушенія на жизнь митрополита по чьему либо наущенію, то онъ, будто бы, признался, что дѣйствовалъ по наущенію другихъ. Но подъ страшною пыткой городскаго палача, преступникъ не только не назвалъ именъ подустителей, но утверждалъ, что рѣшился на преступленіе самъ по себѣ, безъ всякаго подговора, изъ одной ревности по вѣрѣ, изъ ненависти къ митрополиту за то, что онъ отнялъ церкви у православныхъ [1]). Не смотря на всѣ усилія болѣе ничего нельзя было добиться; а казнію нужно было поспѣшить, потому что вслѣдствіе побой и пытки, преступникъ угрожалъ умереть самъ собою.

Усилія Ипатія Потѣя доказать, что покушеніе на его жизнь сдѣлано по прямому наущенію его враговъ, т. е. членовъ православнаго братства, довольно понятны; но серіозныхъ доказательствъ имъ не представлено. Онъ спрашиваетъ: откуда такая ненависть къ митрополиту у человѣка, который мало зналъ и видалъ его? Но развѣ нужно было лично знать Ипатія Потѣя, чтобы убѣдиться, онъ ли главный виновникъ отобранія церквей? Преступникъ, говоритъ далѣе Ипатій Потѣй, за нѣсколько дней до покушенія былъ въ церкви Св. Духа и ходилъ по ней какъ бы въ изступленномъ видѣ: но что же удивительнаго, если православный посѣщаетъ православную церковь, а что онъ былъ въ изступленномъ видѣ, то это еще могло только такъ представляться послѣ событія господину, съ которымъ пріѣхалъ преступникъ и который является единственнымъ свидѣтелемъ, какъ въ этомъ показаніи, такъ и въ слѣдующемъ. При томъ изступленный видъ могъ быть просто слѣдствіемъ поступковъ Ипатія Потѣя и былъ, конечно, въ тѣ дни у многихъ; нѣтъ необходимости предполагать, что такой видъ непремѣнно былъ признакомъ рѣшимости на всякое преступленіе, даже на убійство, и что замыселъ фанатика уже созрѣлъ тогда, когда его видѣли въ этомъ „изступленномъ" видѣ, тѣмъ менѣе, что онъ созрѣлъ подъ чьимъ либо вліяніемъ. Наконецъ, самое сильное доказательство состоитъ въ томъ, что „гайдукъ", пріѣхавъ въ Вильну, имѣлъ только нѣсколько мелкихъ монетъ, а послѣ у него найдено 14 червонцевъ и болѣе десятка злотыхъ; но безъ сомнѣнія, трудно считать пану деньги своего гайдука и трудно вѣрить гайдуку, когда онъ говоритъ пану о количествѣ накопленныхъ имъ денегъ. Ипатій Потѣй упрекаетъ православныхъ, что они молились за преступника въ своей церкви, когда палачъ совершалъ надъ нимъ казнь. Но они, кажется, имѣли на это тѣмъ болѣе права, что, предъ вступленіемъ въ другой міръ, преступнику не дали возможности получить напутствіе своей церкви, къ нему отправили Кунцевича, котораго православные уже прозвали „душехватомъ".

Раздраженіе, оставленное въ умахъ православныхъ жителей Вильны послѣдними событіями было весьма сильно. Итальянецъ Чилли, прибывшій въ Литовскую столицу съ королемъ Сигизмундомъ и оставшійся въ ней при королевѣ и королевичѣ, когда Сигизмундъ отправился къ Смоленску,—сдѣлалъ наблюденіе, что „русскіе", обитавшіе здѣсь въ бо́льшемъ числѣ, чѣмъ другіе „еретики", питаютъ сильное нерасположеніе къ своему государю. Слухи объ образѣ дѣйствій Сигизмунда III въ Вильнѣ перешли за предѣлы литовскіе и, какъ предвидѣлъ Симонетта,

обыкновенно называютъ Иваномъ Тупекой. Ошибка ведетъ свое начало изъ уніатскихъ источниковъ, довольно близкихъ къ событію, но все-таки несовременныхъ ему. Тупека, который встрѣчается нѣсколько разъ въ нашемъ разсказѣ, былъ человѣкъ очень хорошо извѣстный и носилъ званіе радцы; очевидно, его нельзя было разумѣть подъ гайдукомъ — un aiduca — т. е. слугой, лакеемъ какого-то пріѣзжаго пана.

[1]) Это говоритъ Симонетта въ своемъ донесеніи.

дѣйствительно повредили польскимъ планамъ на московское государство. Виленскіе купцы, пріѣзжавшіе въ Смоленскъ, не хотѣли обманывать своихъ братьевъ по вѣрѣ относительно будущности, которая ожидала ихъ подъ польскою властію, и передавая извѣстія о военныхъ планахъ и приготовленіяхъ своего государя, прямо помогали Смольнянамъ во время осады. Чилли говоритъ о какомъ-то знатномъ и богатомъ виленскомъ гражданинѣ, который былъ казненъ за передачу вѣстей въ Смоленскъ; можетъ быть, это тотъ самый Порошко, о которомъ говорилось выше. Франческо Симонетта писалъ въ Римъ, что крайнее раздраженіе „схизматиковъ" дѣлаетъ опаснымъ дальнѣйшее пребываніе Ипатія Потѣя въ Вильнѣ, что покушеніе сдѣланное на его жизнь 11 (1) августа, можетъ повториться. Самъ Ипатій Потѣй жаловался на „чернеца Павлушку", который чрезъ одного священника давалъ ему знать, что событіе, происшедшее съ нимъ на рынкѣ противъ ратуши, давно должно было случиться, и что если онъ не перемѣнится, не откажется отъ уніи, то его ожидаетъ еще нѣчто горшее. Не удивительно, что послѣ того крайняго оскорбленія, которое было нанесено религіознымъ чувствамъ цѣлаго общества, были люди, которые понимали состояніе окружающей атмосферы и дѣлали зловѣщія предсказанія, что время отъ времени раздавались роковыя и безумныя угрозы. Но, къ счастію и чести православнаго Виленскаго общества, нашелся только одинъ фанатикъ, который рѣшился мстить за свою вѣру убійствомъ и мечомъ защищать своего Бога.

Главная сила православныхъ въ борьбѣ за свою церковь была сила нравственная, сила убѣжденія, мысли и слова, выражавшаяся въ произведеніяхъ, которыя выходили изъ братской Св. Духовской типографіи. Въ 1597 году отсюда вышелъ знаменитый „Апокрисисъ (альбо отповѣдь на книжки о соборѣ Берестейскомъ именемъ людей старожитной религіи греческой чрезъ Христофора Филалета"), въ которомъ авторъ, скрывшій свое имя подъ псевдонимомъ, раскрылъ и блистательно доказалъ неправду Брестскаго собора. На это сочиненіе православные долго ссылались съ гордостію, вполнѣ справедливою, а латино-уніаты не могли представить достойнаго отвѣта и принуждены были прибѣгать ко лжи, соединенной съ грубою бранью. Въ 1608 году явился „Антиграфъ", предавшій новому разбору и новому посрамленію хитросплетенія Потѣя и Скарги, на защиту колеблющейся уніи. Въ 1610 году явился Θρῆνος т. е. *Плачъ* Восточной церкви на отступленіе нѣкоторыхъ сыновъ ея отъ древняго греческаго исповѣданія и отъ повиновенія патріарху Константинопольскому, сочиненіе іеромонаха Мелетія Смотрицкаго. Лучшею похвалою для этого сочиненія можетъ служить отзывъ самихъ уніатовъ, что здѣсь каждое слово—жестокая рана, каждая мысль—смертельный ядъ, разумѣется, для уніи (quot ibi verba, tot crudelia vulnera, quot sensus, tot lethatia toxica). Сочиненіе это пользовалось, свидѣтельствуютъ тѣже самые уніаты, безконечнымъ уваженіемъ не только православныхъ, но и протестантовъ; его передавали по завѣщанію, какъ сокровище; одинъ „еретикъ" велѣлъ положить книгу съ собою въ гробъ. Итакъ „Плачъ" былъ лучшимъ отвѣтомъ на дѣйствія Потѣя и короля Сигизмунда III, и потому понятно раздраженіе противъ братской типографіи, гдѣ появилось сочиненіе. Находясь подъ Смоленскомъ, король прислалъ приказъ сдѣлать обыскъ въ виленской русской типографіи Св. Духа, гдѣ печатаютъ возмутительныя книги и какіе-то пасквили; подозрительныя вещи и книги велѣно забрать и сжечь, печатниковъ посадить въ тюрьму, шрифтъ отобрать. Мы не знаемъ, какъ приказаніе было исполнено. Но въ 1615 г. братство обращалось къ сейму, снова признавшему право Восточной православной церкви, съ просьбою объ уничтоженіи декрета, изданнаго судомъ задворнымъ относительно братской типографіи, а вслѣдъ затѣмъ отсюда является рядъ новыхъ изданій на защиту православія.

Тяжелое и мрачное настроеніе легло надъ городомъ послѣ событій 1609 года, послѣ отъѣзда короля Сигизмунда. Уныніе и недовольство господствовали среди оскорбленныхъ въ своемъ религіозномъ чувствѣ православныхъ, страхъ и опасеніе—среди прочаго населенія. Правительство боялось смятенія и бунта; по желанію королевы, оставшейся въ Вильнѣ, запрещены были всякія сходки и сборища. Сознаніе учиненной большой несправедливости тревожно отзыва-

лось въ народной совѣсти самихъ католиковъ; возникали зловѣщія предсказанія о предстоящемъ великомъ бѣдствіи. Лѣтомъ 1610 года, когда наступило обычное время пожаровъ, не рѣдкихъ и въ старой Вильнѣ, мрачные слухи и толки приняли опредѣленную форму: опасались огня, говорили о поджогѣ. Городское управленіе нашло нужнымъ издать распоряженіе, чтобы жители обращались съ огнемъ осторожно; ночью ходили по улицамъ наблюдательные военные обходы (рундъ). Два незначительныхъ пожара, случившихся въ концѣ мая, довели тревожное настроеніе до послѣдней степени напряженія. Жители заранѣе прятали свое имущество въ церквахъ, въ каменныхъ подвалахъ (не смотря на преобладаніе деревянной постройки, такіе подвалы находились при большей части домовъ и запирались желѣзными дверями). Такъ распорядились съ своими музыкальными инструментами и члены королевской капеллы, въ числѣ которыхъ находился итальянецъ Чилли, оставившій намъ всѣ эти подробности о положеніи Вильны въ 1610 году. „При малѣйшемъ движеніи въ городѣ, намъ уже слышались крики о пожарѣ“, говоритъ онъ о себѣ и своихъ товарищахъ; прелатъ, завѣдывавшій капеллою, предписалъ по этому случаю особенныя ежедневныя моленія для предотвращенія опасности.

Утромъ 21 іюня (1 іюля) раздался сильный набатъ. Пожаръ начался самымъ простымъ и естественнымъ образомъ, начался тамъ, гдѣ всего скорѣе и проще онъ могъ начаться [1]). Недалеко отъ городской стѣны, около Трокской улицы, въ домѣ одного хлѣбопека вспыхнулъ огонь въ 8-мъ часу утра и сталъ быстро распространяться. Всѣ дома кругомъ были деревянные; здѣсь находились многіе пивоваренные и водочные заводы съ большимъ запасомъ сухихъ дровъ необходимыхъ для производства. Къ довершенію бѣды поднялся сильный вѣтеръ, который переносилъ искры и пламя на самое далекое разстояніе. Заранѣе напуганное населеніе не думало о борьбѣ съ разливающеюся огненною стихіей: каждый спѣшилъ только спасти свою жизнь и унести то, что можно было поднять на спинѣ. По мѣрѣ распространенія пожара народъ собирался на горахъ и возвышенностяхъ, окружающихъ городъ; богатые и бѣдные съ покорною неподвижностію смотрѣли оттуда на гибель своего имущества.

Изъ большихъ зданій загорѣлся, прежде всего, костелъ и монастырь францисканскій на Трокской улицѣ. Самый костелъ удалось какъ-то спасти, но монастырь сдѣлался жертвою пламени. Далѣе очередь дошла до костела доминиканскаго Св. Духа и госпиталя Св. Троицы; тотъ и другой были истреблены въ одно мгновеніе, при этомъ сгорѣло нѣсколько монаховъ и много больныхъ и убогихъ. Вся доминиканская (Благовѣщенская) улица превратилась въ груду развалинъ и пепла; та же участь скоро постигла зданія на улицѣ Бискупской (сгорѣли папскій алюмнатъ, епархіальная католическая семинарія)— и уже грозила коллегіи и академіи іезуитовъ при костелѣ св. Яна. Іезуиты, разсѣявшіеся было въ городѣ для пособія погорѣлымъ, для содѣйствія при удержаніи пожара, поспѣшили къ своей обители, бросились снимать кровлю къ академіи, гдѣ она была изъ дерева, начали забирать церковныя драгоцѣнности и выбрасывать книги изъ библіотеки. Но было поздно: огонь быстро охватилъ коллегію со всѣхъ сторонъ; большая часть монастыря, всѣ школьныя строенія поглощены были огнемъ; библіотека, уже славившаяся своимъ богатствомъ, погибла, кромѣ немногихъ книгъ, которыя успѣли побросать въ погреба; уцѣлѣли только каменныя келліи іезуитской обители (коллегіи) и костелъ св. Яна, благодаря своей каменной постройки. Огонь шелъ далѣе пылая и уничтожая все на пути: дворцы, церкви, башни, колокольни; большіе и тяжелые колокола растоплялись и таяли отъ страшнаго жару, какъ воскъ, такъ что жидкій металлъ разливался по стѣнамъ, разрушеннымъ и обезображеннымъ. Широкимъ потокомъ пламя приближа-

[1]) Въ одномъ изъ двухъ стихотворныхъ произведеній, оплакивающихъ бѣдственный пожаръ 1610 года и перепечатанныхъ у Балинскаго въ исторіи виленской академіи, дѣлается прямой намекъ на то, что причиною пожара могъ быть поджогъ; далѣе, въ одномъ изъ позднѣйшихъ нѣмецкихъ географическихъ сочиненій, приведенномъ у Крашевскаго, виновниками поджога называются московиты, мстившіе Вильнѣ за осаду Смоленска. Но Чилли не подтверждаетъ подозрѣній. Въ современномъ донесеніи, отправленномъ однимъ духовнымъ лицемъ къ кардиналу Боргезе, которое напечатано теперь у Тейнера (III pag. 339), подозрѣнія эти точно также отвергаются.

лось къ Нижнему замку, гдѣ находилась королева Констанція съ своимъ пасынкомъ Владиславомъ. Мостъ на р. Вилейкѣ, огибавшей замокъ и нынѣшнюю каѳедральную площадь, сгорѣлъ: военные люди и многочисленная прислуга, находившаяся при королевѣ и придворныхъ вельможахъ, не въ силахъ были воспрепятствовать движенію огненнаго потока во внутрь замка. Пламя вспыхнуло въ башнѣ соборной церкви св. Станислава, гдѣ находились великолѣпные часы, упоминаемые современниками, оттуда проникло въ церковь и чрезъ соединительную галлерею въ королевскій дворецъ. Королева, со всѣмъ дворомъ, поспѣшно искала спасенія въ бѣгствѣ на другую сторону рѣки Виліи; при переправѣ чрезъ рѣку, среди безпорядка и смятенія утонуло нѣсколько придворныхъ паненъ. Каѳедральный костелъ св. Станислава, со всѣми богатыми украшеніями, со своимъ знаменитымъ органомъ, стоившимъ болѣе 10.000 скуди, погибъ въ пламени; остался только придѣлъ, гдѣ хранились мощи королевича Казиміра, и это было приписано чуду.

Между тѣмъ пожаръ свирѣпствовалъ и въ восточной части города: здѣсь сгорѣли четыре церкви православныхъ, недавно перешедшія въ руки уніатскаго митрополита, и Зборъ кальвинистовъ. Монастыри бернардинскіе—мужской и женскій — также подвергались сильной опасности; всѣ дома, ихъ окружающіе, уже пылали. Бѣдныя монахини, объятыя ужасомъ, собрались въ одну толпу и, подъ предводительствомъ своего духовнаго отца, удалились за городъ, на возвышеніе, гдѣ уже волновалась, плакала и молилась масса населенія, лишенная своего имущества и крова. „Нужно думать, говоритъ Чилли, что своими молитвами монахини защитили и спасли отъ пожара свои келліи, монастырь и церковь, можно сказать—уже пылающія среди пламени“. Такъ или иначе, но и бернардинскій мужескій монастырь остался въ цѣлости,—точно такъ же какъ и вновь выстроенные — костелъ въ честь св. Казиміра съ іезуитскимъ домомъ, при немъ находящимся, которымъ опасность грозила одновременно съ бернардинскими обителями. Пожаръ достигъ іезуитскаго зданія, повидимому, со стороны Нѣмецкой улицы, на которой сгорѣла лютеранская кирха и еврейская синагога. Но около трехъ часовъ по полудни вдругъ пошелъ проливной дождь: благодаря этой случайности, которую легко было принять за чудо и объяснять съ одной стороны особеннымъ покровительствомъ Святого Іезуитамъ, выхлопотавшимъ ему канонизацію, съ другой стороны усердными молитвами монахинь св. Клары (бернардинокъ), пожаръ вдругъ ослабѣлъ и вскорѣ прекратился.

Въ продолженіи восьми часовъ была истреблена большая часть города; остались невредимы только предмѣстія. Когда пламя утихло, народъ сталъ понемногу сходить съ возвышеній, съ которыхъ онъ слѣдилъ за разрушительнымъ дѣйствіемъ огненной стихіи. Всякій хотѣлъ воротиться, по крайней мѣрѣ, на свою землю, на свое родное пепелище; но такъ какъ все кругомъ было совершенно изглажено пламенемъ, то многіе, говоритъ очевидецъ, не узнавали своего мѣста и своего земельнаго участка. „Я самъ, разсказываетъ Чилли, былъ въ числѣ такихъ; видя вокругъ дома, гдѣ я жилъ, только большую и гладкую площадь, расчищенную огнемъ, я долго не былъ въ состояніи опознаться, и потомъ, когда отыскалъ свое прежнее жилище, то не имѣлъ никакой возможности приблизиться къ нему: огонь, который оставался между развалинами стѣнъ, таился въ погребахъ и углубленіяхъ, — время отъ времени вспыхивалъ, и такого рода вспышки продолжались постоянно три или четыре дня; время отъ времени въ разныхъ мѣстахъ падали обгорѣлыя стѣны и зданія, угрожая опасностію и даже причиняя смерть тѣмъ несчастнымъ, которые бродили по улицамъ“.

Какъ великъ былъ уронъ, причиненный пожаромъ, это легко себѣ представить, если припомнимъ, что Вильна считалась въ то время городомъ торговымъ и притомъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ: со всѣхъ сторонъ стекались сюда купцы разныхъ націй и товары всякаго рода. Здѣсь были купцы изъ Венеціи и Англіи, торговавшіе шелковыми тканями и сукнами; нѣкоторые изъ нихъ, говоритъ Чилли, потеряли по сту тысячъ флориновъ въ однихъ товарахъ, не считая потери золотомъ, серебромъ и деньгами, которыя были истреблены или испорчены огнемъ. Деньги, отыскиваемыя послѣ пожара, были уже ни къ чему не годны. „Я видѣлъ, пишетъ Чилли, цѣлыя массы такихъ денегъ, собранныхъ

несчастными купцами; они думали хотя отчасти вознаградить большой уронъ, ими понесенный, но время и трудъ были потрачены напрасно: монета была слишкомъ испорчена огнемъ и уже не имѣла цѣнности". Вообще, большая часть движимаго имущества была уничтожена дѣйствіемъ огня. Хотя, какъ сказано, при домахъ устроивались обыкновенно глубокіе подвалы, снабженные желѣзными дверями, тѣмъ не менѣе имущество, которое было положено и заперто тамъ, точно такъ же погорѣло, какъ и все прочее. „Я могу это сказать по собственному опыту, замѣчаетъ нашъ очевидецъ. Сложивъ все свое имущество въ подвалѣ моего дома, имѣющемъ желѣзную дверь и глубину болѣе 40 ступеней, я нашелъ его истребленнымъ отъ огня". Въ итогѣ, принимая въ разсчетъ развалины церквей, дворцевъ и другихъ зданій, потерю имущества, утвари, денегъ и другихъ цѣнныхъ вещей—весь уронъ представлялъ болѣе десяти милліоновъ флориновъ.

Ущербъ въ цѣнностяхъ и капиталахъ представлялъ самое непоправимое бѣдствіе; въ другихъ отношеніяхъ городъ скоро оправился. Постройка частныхъ зданій большею частію была, какъ сказано, деревянная; при изобиліи лѣса кругомъ и по близости Вильны, при его дешевизнѣ жители могли скоро и легко обстроиться. Къ слѣдующей зимѣ весь городъ былъ уже возстановленъ; не прошло трехъ лѣтъ, и онъ уже явился въ новомъ, даже лучшемъ, видѣ, съ болѣе красивыми зданіями, съ болѣе многолюднымъ населеніемъ. „Если бы случилось такое бѣдствіе въ Италіи, то не десятки, а сотни лѣтъ были бы слышны жалобы и сѣтованія; а тамъ, въ Литвѣ, по прошествіи короткаго времени, совсѣмъ нельзя было замѣтить какихъ либо слѣдовъ великаго общественнаго бѣдствія"— писалъ уже у себя на родинѣ бывшій членъ польской придворной капеллы. Король Сигизмундъ, стоя подъ Смоленскомъ, съ горестію узналъ о страшномъ несчастіи, постигшемъ его литовскую столицу и, съ своей стороны, сдѣлалъ многое для утѣшенія и облегченія пострадавшихъ; виленскимъ обывателямъ позволено было приглашать для плотничнаго и кирпичнаго мастерства работниковъ постороннихъ откуда угодно, помимо мѣстныхъ цеховъ этого рода; на цѣлыхъ четыре года Вильна была освобождена отъ всѣхъ податей. Только бывшія православныя церкви, пострадавшія отъ огня, не могли вновь возникнуть. Чилли говоритъ о четырехъ церквахъ, русскихъ истребленныхъ пожаромъ 1610 г.; онъ не называетъ ихъ по имени, но изъ другихъ источниковъ мы видимъ, что послѣ 1610 г. перестаютъ существовать церкви: Рождества Христова, Спасская, Покровская, а Воскресенская церковь въ 1632 году называется вновь построенною, изъ чего можно заключить, что, наравнѣ съ другими, она горѣла за нѣсколько времени предъ тѣмъ.

Вообще, возникшая изъ подъ пепла и развалинъ новая Вильна во многихъ отношеніяхъ была не похожа на старую Вильну. Пожаръ 1610 года можетъ быть считаемъ важною эпохою въ исторіи литовской столицы. Здѣсь находится граница, раздѣляющая два періода въ ея историческомъ существованіи—періодъ древній русскій отъ періода польскаго. Торжество уніи, выразившееся въ окончательномъ отобраніи церквей у православныхъ, было вмѣстѣ и торжествомъ католичества и полонизма, которые и будутъ здѣсь долго и почти безраздѣльно господствовать, уничтожая памятники русской старины, стирая самые слѣды ихъ и воздвигая свои собственныя въ большемъ числѣ и въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ прежде. Въ изданіи, посвященномъ древностямъ сѣверозападнаго края, мы не имѣемъ нужды выходить изъ предѣловъ древности и можемъ остановить здѣсь свой разсказъ. Мы отмѣтимъ только нѣкоторыя событія ближайшаго времени, въ которыхъ еще обнаруживаются отголоски религіозной борьбы, волновавшей Вильну XVI столѣтія.

Къ 1611 году относится исторія Франка ди-Франко, подробно разсказанная кальвинистомъ Венгерскимъ. Франко, по рожденію, былъ итальянецъ и переселился еще въ ранней юности въ Польшу вмѣстѣ съ отцемъ, который сдѣлался здѣсь начальникомъ соляныхъ сборовъ. Въ отечествѣ своемъ Франко наслышался всякихъ ужасовъ объ еретикахъ и считалъ ихъ какими-то чудовищами, но въ Краковѣ, познакомившись съ ними лично, перемѣнилъ свое мнѣніе и даже присталъ къ евангелической общинѣ. Возвратившись въ Италію, Франко подвергся преслѣдованію какъ еретикъ и былъ заключенъ въ темницу, но успѣлъ бѣжать изъ нея, воротился въ Польшу,

а чрезъ нѣсколько времени сдѣлался воспитателемъ дѣтей одного знатнаго литовскаго пана и поселился въ Вильнѣ. Здѣсь онъ принадлежалъ къ самымъ ревностнымъ членамъ реформатской общины, но его совѣсть мучилась сомнѣніями, не погубилъ-ли онъ своей души, бѣжавъ изъ тюрьмы, въ которую его ввергли за исповѣданіе Евангелія Христова. Франко искалъ случая загладить свой грѣхъ новымъ подвигомъ. Въ праздникъ Тѣла Христова, съ необыкновенною пышностію устроенный іезуитами, Франко пришелъ, по своему обычаю, въ собраніе виленскихъ кальвинистовъ и вмѣстѣ съ другими присутствовалъ при богослуженіи. Андрей Хржанстовскій, пасторъ виленскаго Збора, говорилъ поученіе общинѣ на текстъ изъ пророка Даніила—объ идолѣ, которому заставлялъ поклоняться вавилонскій царь Навуходоносоръ. По окончаніи проповѣди, Франко пошелъ домой и дорогой увидѣлъ, что „паписты" несутъ въ торжественной процессіи черезъ площадь Тѣло Христово; въ толпѣ, среди молящагося народа, онъ замѣтилъ итальянцевъ, своихъ соотечественниковъ, съ которыми имѣлъ частыя сношенія, подошелъ къ нимъ и началъ ихъ убѣждать, чтобы они отказались отъ „идолопоклонства." Потомъ увлеченный ревностію, онъ вошелъ на возвышеніе, гдѣ должна была отправляться месса. Прежде чѣмъ явился сюда епископъ Бенедиктъ Война, Франко обратился съ проповѣдію ко всему народу, обличая его въ идолопоклонствѣ: „этотъ хлѣбъ, говорилъ онъ, которому вы поклоняетесь,—не Богъ, какъ вы думаете, а идолъ, который даже не можетъ самъ собою двинуться съ мѣста." Окруженный разъяренною толпою, страшно избитый, Франко былъ отведенъ въ тюрьму при ратушѣ. Чрезъ нѣсколько дней, епископъ съ нѣкоторыми знатными панами сдѣлали допросъ заключенному, не подъучилъ-ли его кто изъ еретиковъ къ такому злодѣянію; правда-ли, что онъ думалъ убить королеву или королевича или наконецъ епископа? Франко отвѣчалъ, что онъ дѣйствовалъ безъ посторонняго внушенія, не имѣя болѣе терпѣнія выносить зрѣлище того, какъ честь, подобающая Спасителю, воздается нѣмому идолу; что же касается до замысла на цареубійство, то всѣмъ извѣстно, извѣстно Франціи, Британіи и Нидерландамъ, что убійства надъ монархами совершаютъ не евангелики, а паписты. Въ заключеніе Франко убѣждалъ самого епископа отказаться наконецъ отъ идолопоклонства. Подвергнутый жестокой пыткѣ, которую онъ перенесъ мужественно, Франко былъ казненъ позорною смертію: святотатственный языкъ былъ вырванъ изъ гортани, обезглавленное тѣло разсѣчено палачемъ на четыре части, которыя были выставлены передъ ратушею.

Католическій фанатизмъ, разжигаемый іезуитами, не могъ остаться позади протестанскаго. На слѣдующій за праздникомъ Тѣла Христова день, т. е. 2-го Іюля, толпа католиковъ, среди которой главную роль играли студенты іезуитской академіи, напала на домъ одного шляхетнаго кальвиниста и штурмовала его цѣлый часъ; не удовольствовавшись тѣмъ, она бросилась на реформатскую церковь или Зборъ (на Покровской улицѣ). Послѣдовали страшныя сцены буйства и насилія: три пастора евангелической общины сдѣлались ихъ жертвою. Одинъ изъ нихъ, полякъ Балтазаръ Кросневицкій былъ выброшенъ изъ верхняго этажа на землю; два другихъ—оба нѣмцы—страшно изранены: первый, Іоахимъ Вендландъ, избитый палками едва не былъ сожженъ живой, огонь былъ разложенъ и полумертвая жертва была спасена только жалобнымъ воплемъ дитяти, который былъ вытащенъ изъ дому вмѣстѣ съ матерью, чтобы быть свидѣтелемъ мученій своего отца; товарищъ Вендланда, по имени Мартинъ Тертулліанъ, умеръ отъ побоевъ и ранъ, ему нанесенныхъ. Затѣмъ іезуитскіе питомцы обратили свое вниманіе на библіотеку: богатое собраніе книгъ, принадлежащихъ отчасти общинѣ, отчасти отдѣльнымъ пасторамъ, было предано сожженію. Прямой грабежъ сопровождалъ подвиги религіознаго фанатизма: сундуки и ящики въ домахъ пасторовъ, живущихъ при Зборѣ, были разломаны, одежда, постели, утварь—все было расхищено толпою. Пожаръ завершилъ наконецъ долго продолжавшееся неистовство: огонь, подложенный фанатиками, истребилъ какъ Зборъ, такъ и школу, а равно и всѣ дома пасторовъ, при немъ находящіеся.

Все это совершалось на глазахъ королевы Констанціи и королевича Владислава, имѣвшихъ мѣстопребываніе въ нижнемъ замкѣ. Видно, что общественная совѣсть, еще не совсѣмъ заглушенная іезуитскимъ воспитаніемъ, была отчасти возмущена. Не даромъ іезуиты старались распространять свои бро-

шюры, въ которыхъ событія 2-го іюля представлялись въ смягченномъ видѣ, не даромъ они старались снять съ себя обвиненіе, что, внушая учащемуся юношеству духъ вражды и ненависти, они дѣлаются причиною опасныхъ для государства безпорядковъ и своеволія; не даромъ, выгораживая питомцевъ своей академіи, они старались свалить всю вину на городскую чернь, на необразованную толпу. Іезуитская ложь, однако, не достигла цѣли; всему городу было очень хорошо извѣстно, что зачинщиками и предводителями смятенія и буйства были, именно, студенты іезуитской академіи. При томъ въ самыхъ оправдательныхъ сочиненіяхъ почтенные отцы не умѣли или не хотѣли скрыть своей ненависти къ протестантамъ и обращались къ правительству съ совѣтами, пропитанными тѣмъ же самымъ духомъ нетерпимости и фанатизма. Для общественнаго спокойствія, писали они, не слѣдуетъ допускать протестантовъ къ свободному отправленію своего богослуженія въ городѣ; скорѣе можно позволить это жидамъ, татарамъ, чѣмъ такимъ еретикамъ, какъ лютеране и кальвинисты; они приносятъ больше вреда римской церкви, чѣмъ невѣрующіе во Христа татары и евреи.

Не смотря на эти внушенія, кальвинистамъ все-таки было позволено вновь выстроить свою церковь и школу. Только гораздо позже удалось іезуитамъ вытѣснить протестантское богослуженіе изъ центра города. Въ 1639-мъ году много шуму надѣлала въ Вильнѣ слѣдующая исторія. Двое виленскихъ кальвинистовъ, Раковскій и Пекарскій, находясь не въ трезвомъ видѣ, вздумали стрѣлять изъ лука въ галокъ, которые сидѣли на колокольнѣ Збора, какъ говорятъ одни, или на башнѣ костела Св. Михаила, принадлежащаго къ монастырю Бернардинокъ, какъ говорятъ другіе. Одна изъ стрѣлъ попала, будтобы, въ образъ Архангела Михаила на стѣнѣ костела. Монахини подняли вопль объ оскорбленіи святыни, въ городѣ распространилось волненіе, и сейчасъ же явились на сцену іезуитскіе студенты; предводительствуя толпой городскихъ ремесленниковъ и цеховыхъ, они напали на Зборъ, грозя местью всѣмъ живущимъ въ его оградѣ. Военный отрядъ, отправленный воеводою Христофоромъ Радивиломъ, протестантомъ, защитилъ церковь кальвинистовъ и оттѣснилъ отъ нея буйное сборище, которое вымѣстило свою ярость на кальвинистахъ, захваченныхъ въ городѣ, и на ихъ домахъ,—здѣсь находящихся. Ректоръ школы кальвинской, нѣмецъ Гартлибъ, попался въ руки этой толпѣ: его сейчасъ же потащили къ рѣчкѣ Вилейкѣ и стали топить; три раза погружали несчастнаго въ воду, только подоспѣвшая стража воеводы спасли его. Домъ и лавки купца Дезо (Desaus), француза и кальвиниста, были разрушены до основанія. Назначена была слѣдственная коммиссія по поводу этихъ событій; она состояла изъ шести католиковъ и двухъ протестантовъ и большинствомъ голосовъ рѣшила, что виновны во всемъ одни протестанты, которые и должны быть наказаны. Сеймъ 1640 года утвердилъ приговоръ, и на основаніи этого приговора кальвинисты должны были закрыть свой Зборъ и въ продолженіи шести недѣль перебраться со своею школою и богадѣльней въ другое мѣсто, которое они могли избрать себѣ только внѣ городскихъ стѣнъ. За Трокскими воротами, гдѣ уже прежде находилось реформатское кладбище, выстроили кальвинисты свой молитвенный домъ.

Эти примѣры достаточно показываютъ, какой духъ господствовалъ въ Вильнѣ XVII столѣтія. Судьбу протестантовъ раздѣляли по прежнему и православные жители города, не покорившіеся уніи. Не смотря на все гоненіе и напасти, по-истинѣ героическое Св. Духовское братство продолжало держаться и не теряло мужества и терпѣнія, среди тяжелыхъ обстоятельствъ. „Толико смирихомся, яко едва тѣнь лѣпоты и величества широковладнаго рода Россійскаго и благочестія его оста намъ“: писали въ 1619-мъ году изъ Вильны во Львовъ. Тѣмъ не менѣе Святодуховскіе братчики не ограничивались однимъ страдательнымъ подвигомъ терпѣнія, очень не легкимъ въ себѣ самомъ; они находили свою силу въ наукѣ, въ духовномъ просвѣщеніи, горячо заботились о школѣ, приносили для нея всевозможныя жертвы. „Лѣта 1617-го, Божіею помощію соорудихомъ каменнымъ назданіемъ домъ школьный, въ пять училищъ раздѣленный, отъ нихъ же въ трехъ латинская наука—чтется, въ четвертомъ русская, пятое во славенскаго и греческаго языка наказаніе“. Но, увы, латинская наука преподавалась иновѣрными нѣмцами „ску-

дости ради своихъ." Братство обращалось къ своимъ единовѣрцамъ, способность которыхъ была извѣстна ему, молило, убѣждало—и съ трудомъ получало согласіе. „Мы желаемъ имѣть такихъ ученыхъ людей, которые бы имѣли трудолюбное, сыновнее, а не наемничее о матери нашей церкви попеченіе; если вы имѣете такихъ или узнаете о таковыхъ, то, молимъ, пришлите:" съ такими просьбами обращаются члены Св. Духовскаго братства къ Львовскому. Кромѣ того Виленское братство по прежнему поднимало свой протестующій голосъ при всякомъ удобномъ случаѣ, являлось со своими жалобами на сеймахъ и въ судахъ, заносило свои реляціи о насильственныхъ поступкахъ уніатовъ въ гродскія книги. Рѣдко оно получало отсюда прямую пользу: его голосъ на сеймахъ заглушался воплемъ болѣе многочисленныхъ и сильныхъ враговъ, данныя обѣщанія не исполнялись, судьи были пристрастны, реляціи, внесенныя въ гродскія книги вымарывались или вырывались. Нѣкоторый лучъ надежды на благопріятную перемѣну блеснулъ по смерти короля Сигизмунда (1632 г.). Когда собрался избирательный сеймъ, долженствовавшій возвести на отцовскій престолъ королевича Владислава, то православные и протестанты единодушно заявили, что не прежде примутъ участіе въ избраніи короля, чѣмъ рѣшено будетъ удовлетворить ихъ требованія, не прежде чѣмъ сеймъ приметъ пункты соглашенія и мира, заранѣе составленные какъ протестантами, такъ и православными. Козаки своимъ голосомъ, который уже начиналъ быть грознымъ и зловѣщимъ для Польши, поддержали требованіе православныхъ; условія соглашенія были приняты сеймомъ. На основаніи ихъ, виленское Свято-Духовское братство получило право докончить начатую постройку каменной церкви Св. Духа, только чтобы ей не былъ придаваемъ видъ крѣпости или замка. Въ замѣнъ Троицкаго монастыря, который долженъ былъ остаться въ рукахъ уніатскихъ, православному братству возвращались двѣ церкви внутри городскихъ стѣнъ: церковь Воскресенская и Ивановская—и третья церковь за городскими стѣнами—Юрьевская на Росѣ. Королевичъ Владиславъ, избраніе котораго собственно не подлежало сомнѣнію, готовъ былъ принять на себя эти обязательства. Когда папскій нунцій, слѣдившій внимательно за ходомъ дѣлъ, явился къ нему для заявленія своего неудовольствія и протеста, Владиславъ, не раздѣлявшій фанатическихъ стремленій своего отца, подозрѣваемый нѣкогда въ холодности къ римской церкви, прямо и рѣшительно высказалъ свое мнѣніе, что сама справедливость требуетъ удовлетворить требованіямъ православныхъ, въ сущности весьма умѣреннымъ. Я знаю исторію уніи, говорилъ онъ: съ самаго начала она не имѣла необходимаго основанія, потому что была устроена безъ согласія лучшей части народа, какъ бы это требовалось при такой важной перемѣнѣ; только нѣсколько духовныхъ лицъ, изъ своекорыстныхъ видовъ, дали на нее свое согласіе [1]). Но, къ несчастію, сдѣлавшись королемъ, Владиславъ не устоялъ предъ напоромъ католическихъ требованій, не обращавшихъ никакого вниманія на государственные интересы Польши. Протестъ папскаго нунція, два раза повторенный, жалобныя посланія самого папы, протестъ уніатскихъ епископовъ, протестъ дворянства и духовенства католическихъ — поколебали его нетвердую волю: исполненіе пунктовъ, принятыхъ на сеймѣ, было сначала отложено, а потомъ и совсѣмъ отвергнуто. За православными, по прежнему, осталась только Св.-Духовская церковь.

---

[1]) Донесеніе нунція отъ 2-го октября 1632 года. Theiner, III pag. 397.

О ДРЕВНИХЪ ПРАВОСЛАВНЫХЪ ЦЕРКВАХЪ

ГОРОДА ВИЛЬНЫ.

Городъ Вильна въ XVI вѣкѣ, особенно въ первой его половинѣ, не смотря на союзъ Литвы съ Польшею, жилъ еще чисто русскою жизнію. Большинство населенія было русское; оно занимало и большую и лучшую часть города; горожане римско-католическаго исповѣданія составляли незначительное меньшинство.

Западные путешественники, посѣщавшіе Вильну въ XVI вѣкѣ, говоря о богослуженіи и религіозныхъ обычаяхъ православныхъ жителей города, только вскользь упоминаютъ о латинскомъ исповѣданіи, какъ религіи меньшинства. Численное превосходство православно-русскаго населенія Вильны ясно открывается также изъ количества церквей и костеловъ, бывшихъ здѣсь въ XVI вѣкѣ. Костеловъ, не смотря на все покровительство латинству со стороны польскаго правительства, было не болѣе 10, но изъ нихъ большая часть были монастырскими костелами, безъ прихода. Между тѣмъ православныхъ церквей, въ тоже самое время, было не менѣе 20, изъ коихъ 15 — были приходскія.

Начнемъ обзоръ православныхъ виленскихъ святынь въ данное время, слѣдуя по тому пути, какимъ прибыла въ Вильну въ 1495 году великая княгиня Елена Ивановна то есть по Полотской дорогѣ. По этому пути первая православная церковь, которую встрѣчалъ путешественикъ при въѣздѣ въ Вильну въ XV вѣкѣ, была церковь во имя Апостоловъ Петра и Павла. Она находилась на Зарѣчьѣ, тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ небольшая каменная, католическая каплица, съ рѣзнымъ и раскрашеннымъ изображеніемъ Спасителя. Годъ основанія этой церкви, какъ и большей части виленскихъ церквей, неизвѣстенъ, но вообще основаніе виленскихъ церквей слѣдуетъ относить къ XIV и первой половинѣ XV в., такъ какъ во второй половинѣ XV в. Казиміръ Ягайловичъ, по внушенію сына своего Казиміра, запретилъ православнымъ строить новыя и возобновлять старыя церкви. Во второй половинѣ XVI вѣка, Петропавловская церковь несомнѣнно уже существовала: въ 1570 году, священникъ ея Иванъ Александровичъ даетъ обязательство виленскимъ мѣщанамъ „уставичне Бога просити“ за короля, митрополита, бурмистра, радцевъ и за всѣхъ православныхъ христіанъ и — не только не растрачиваетъ церковнаго имущества, но увеличиваетъ его (Археографическій Сборникъ VI, 31). Въ 1609 году она была передана уніатамъ. Изъ актовъ видно, что эта церковь продолжала еще существовать въ 1653 году, но въ 1671 г. она является уже запустѣлою; въ это время оставалась неразрушенною только бывшая при ней богадѣльня, какъ это видно изъ духовнаго завѣщанія виленскаго бурмистра Кличевскаго (Wizerunki, XXIII, 44—46).

Съ Зарѣчья къ городу велъ черезъ рѣчку Вилейку Спасскій мостъ, повыше котораго находилась мельница, замѣчательная по имени

своего основателя — Константина Ивановича князя Острожскаго, построившаго ее въ 1515 г. „на поживенье митрополиту Кіевскому и всея Руси Іосифу и по немъ будучимъ митрополитамъ“. Затѣмъ по этому пути въѣзжали въ самый городъ Спасскими воротами. Вступивъ за эти ворота, православный человѣкъ чувствовалъ себя со всѣхъ сторонъ окруженнымъ православною святынею: въ чертѣ города, за Спасскими воротами, на весьма небольшомъ пространствѣ было въ первой половинѣ XVI в. девять православныхъ церквей. При самыхъ Спасскихъ воротахъ, рядомъ съ Пречистенскою церковію, находилась Спасская церковь. Она основана несомнѣнно ранѣе 1505 г.: въ грамотѣ митрополита Іосифа Солтана 1511 г. о Спасской церкви упоминается какъ о церкви, давно уже существующей (Археограф. Сб. II, № 4). Въ 1610 г. на другой годъ послѣ передачи уніатамъ, Спасская церковь сгорѣла, и изъ позднѣйшихъ актовъ, касающихся этой церкви, не видно, чтобы она была возобновляема послѣ пожара: въ постановленіяхъ коммиссій, назначавшихся въ 1619 и 1671 гг., для рѣшенія спора уніатскихъ митрополитовъ съ виленскими мѣщанами, Спасская церковь показана запустѣлою (Археограф. Сб. II, 100 и VI, 127).

При Спасской церкви, съ давняго времени находилась богадѣльня, которая еще долго существовала послѣ разрушенія самой церкви. Она содержалась на счетъ виленскаго братства, имѣвшаго право, передъ шестью большими праздниками, сытить по двадцати медницъ меду и безпошлинно продавать его въ братскомъ домѣ.

Противъ Спасской церкви, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, на другой сторонѣ Пречистенской улицы, находилась каменная церковь во имя Рождества Христова. По изданнымъ доселѣ документамъ, Рождественская церковь дѣлается извѣстною въ началѣ XVI вѣка; въ 1557 году, во время большаго пожара, она сгорѣла, но вскорѣ, по особому ходатайству православныхъ, съ разрѣшенія короля, была построена вновь. Затѣмъ въ 1609 году поступила въ вѣдѣніе уніатовъ, въ слѣдующемъ году снова сгорѣла, и съ того времени уже не была возобновлена. Въ 1619 году весь погостъ ея, съ разрѣшенія уніатскихъ властей, былъ застроенъ домами церковныхъ мѣщанъ (Археограф. Сборникъ, VI, № 127).

Рядомъ со Спасскою церковью, находился огромный митрополитальный соборъ во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, съ тремя придѣлами: во имя Благовѣщенія, Рождества и Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы. По лѣвой сторонѣ собора стояла отдѣльно колокольня и — нѣсколько въ углубленіи со стороны улицы — митрополичій домъ.

Къ сѣверо-востоку отъ Пречистенскаго собора, въ несуществующемъ теперь переулкѣ, на мѣстѣ, занимаемомъ нынѣ домомъ Пузины, находилась церковь во имя Св. Екатерины. Въ грамотѣ митрополита (1511 года) Іосифа Солтана виленскимъ мѣщанамъ упоминается о „посвященіи“ этой церкви, вѣроятно, по случаю ея возобновленія, а не основанія. Въ актахъ конца XVI вѣка не говорится объ Екатерининской церкви; вѣроятно, она сгорѣла въ 1557 году.

Далѣе — при самомъ концѣ Пречистенской улицы, на пересѣкающей ее Покровской на мѣстѣ, занимаемомъ теперь отчасти дворомъ общей ученической квартиры (бывшій конвиктъ), находилась каменная церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы. Эту именно церковь, не безосновательно полагаютъ, разумѣлъ великій князь Александръ, отвѣчая на требованіе Іоанна III — построить въ княжескомъ дворѣ православную церковь для великой княгини Елены Ивановны — что недалеко отъ дворца находится церковь Пресвятыя Богородицы. Во всякомъ случаѣ, Покровская церковь несомнѣнно существовала уже въ 1529 году, какъ ясно видно изъ продажной записи Зеновичевой Ивану Горностаю на плацъ, находившійся около этой этой церкви (Археограф. Сб. III, № 6). Затѣмъ объ ней упоминается въ актахъ подъ 1579 г., 1608 и 1609 гг. Но въ 1619 г. въ ней уже не совершалось богослуженіе; вѣроятно, она пострадала отъ пожара 1610 г. и затѣмъ не была возобновлена уніатами.

Вблизи Покровской церкви, на лѣвой сторонѣ той же Покровской улицы, по направленію ея къ Большой, тамъ, гдѣ теперь домъ Яловцына (бывшій Пясецкихъ), находилась каменная церковь во имя Іоанна Крестителя. Въ 1526 году, подскарбій дворный Иванъ Андреевичъ завѣщалъ этой церкви домъ въ Вильнѣ (тамъ же, № 16). Въ 1609 г. она

передана была уніатамъ и въ слѣдующемъ году, вѣроятно, истреблена пожаромъ.

Рядомъ съ церковію Іоанна Крестителя, на углу Большой и Покровской улицы, на мѣстѣ, занимаемомъ нынѣ домомъ Тизенгаузена, находилась церковь во имя Михаила Архангела. Первое, извѣстное доселѣ, документальное указаніе на существованіе этой церкви относится ко второй половинѣ XV вѣка. Въ 1619 г. уже не было этой церкви и ея погостъ былъ застроенъ шляхетскими и городскими домами (Археограф. Сб. VI, № 127). Когда, въ 1622 году, нѣмецъ Болверъ началъ строить домъ „на улицѣ Великой, идучи до костела св. Яна, по правой рукѣ, на углу улочки, которая идетъ къ Сбору Евангелицкому", т. е. на мѣстѣ Михайловской церкви, то при закладкѣ фундамента выкопано было много человѣческихъ костей, что показываетъ, что при этой церкви, не смотря на то, что она находилась въ самомъ центрѣ города, было кладбище (тамъ же, № 86).

Неподалеку отъ Михайловской церкви, на углу Лоточка (въ XVI в. эта улица называлась Смилинскою) и Пятницкаго переулка, находилась церковь во имя Св. Николая (его успенія). Объ этой церкви сохранилось еще менѣе свѣдѣній, чѣмъ о другихъ церквахъ. Доселѣ извѣстно только, что эта церковь была деревянная, что она подъ названіемъ „другой церкви св. Николы", передана была въ 1609 году уніатамъ, и что въ 1612 году обгорѣлыя стѣны каменной колокольни этой церкви уніатскій митрополитъ Потѣй отдалъ одному виленскому мѣщанину, для устройства жилаго дома съ ежегодною платою семи копъ грошей и съ правомъ открыть въ этомъ домѣ „шинкъ медовый, пивный, горѣлчаный и вшелякого напою" (Археограф. Сб. VI, № 85). Вслѣдствіе такихъ распоряженій уніатскихъ властей, въ 1671 г. не осталось даже и признаковъ существованія на этомъ мѣстѣ православной церкви.

На томъ же Лоточку, гдѣ теперь дома Нишковскаго и Танскаго, стояла церковь во имя пророка Иліи. Но въ 1609 году она уже не существовала, а въ 1619 году погостъ ея былъ застроенъ домами. Между прочимъ въ 1622 году нѣмецъ „Ендрихъ" началъ строить домъ на мѣстѣ Ильинской церкви, и тогда вырыто было нѣсколько гробовъ и много человѣческихъ костей. Приглашенный отъ намѣстника уніатскаго митрополита въ Вильнѣ, для засвидѣтельствованія этого, возный Миклашевичъ донесъ виленскому гродскому суду, что домъ Ендриха построенъ на погостѣ, или на мѣстѣ самой церкви св. Иліи (Археограф. Сб. VI, № 120).

Отъ церкви св. Иліи, идя по Большой улицѣ мимо древнѣйшихъ виленскихъ церквей: св. Параскевіи и св. Николая (Перенесенія его мощей), мы направимся на уголъ Стеклянной и Большой улицы. Здѣсь, на мѣстѣ нынѣшняго дома Мокржецкихъ, существовала весьма древняя Воскресенская церковь. Въ реестрѣ восковой дани отъ виленскаго братства въ 1580 г., говорится о свѣчѣ въ церкви Воскресенія „изъ пяти камней и четырехъ восковъ" (камень — 32 фунта). Такія большія свѣчи даваемы были братствомъ еще двумъ только виленскимъ церквамъ: Пречистенской и Троицкой (Археограф. Сб. VI, № 36). Въ 1609 году Воскресенская церковь передана уніатамъ, во владѣніи которыхъ она продолжала существовать до конца XVIII в. И хотя въ 1650 г. сеймовымъ постановленіемъ, состоявшимся въ силу Зборовскаго договора, положено было возвратить православнымъ въ Вильнѣ Воскресенскую церковь вмѣстѣ съ церквами Іоанна Крестителя и св. Георгія на Росѣ („Историческое извѣстіе объ уніи" Бантышъ-Каменскаго), но это постановленіе не было исполнено. Въ началѣ XVIII в. въ Воскресенской церкви совершалось еще богослуженіе: въ 1705 году уніатскій епископъ Гедеонъ Шумлянскій рукоположилъ для нея священника Якова Животкевича и въ ставленной грамотѣ вмѣнилъ ему въ священную обязанность „схизму въ своей парохіи искоренять". (Археограф. Сб. VI, № 97). Но въ самомъ концѣ XVIII в. церковь эта пришла въ ветхость, и потому ксендзъ Мокржецкій выхлопоталъ себѣ право перестроить и обратить ее въ жилой домъ.

На улицѣ Бакштѣ, на мѣстѣ, занимаемомъ теперь Андреевскимъ духовнымъ училищемъ, находилась деревянная церковь во имя Козьмы и Даміана. Въ началѣ XVI вѣка священникъ Козьмо-Даміанской церкви Іоаннъ былъ намѣстникомъ митрополита въ Вильнѣ (Археограф. Сб. VI, № 4). Въ 1609 году объ ней упоминается въ числѣ церквей, отобранныхъ въ этомъ году у православныхъ; но во второй половинѣ XVII вѣка она уже не су-

ществовала; вѣроятно, истреблена была пожаромъ въ 1610 или въ 1655 гг. Въ 1677 году уніатскій митрополитъ Жоховскій отдалъ запустѣлый погостъ Козьмо-Даміанской церкви августиніанамъ, которые построили здѣсь монастырь, занятый въ 1808 году подъ главную семинарію. Въ одной изъ келлій бывшаго августиніанскаго монастыря, построеннаго на пепелищѣ православной церкви, приготовлялся къ своей великой дѣятельности возстановитель древней, исконной вѣры въ Западной Россіи — митрополитъ Іосифъ.

По Большой, противъ Субачъ улицы, расположенъ былъ Московскій гостиный дворъ. Рядомъ съ этимъ дворомъ находился Троицкій монастырь, отдѣлявшійся отъ него переулкомъ (теперь не существующимъ). Основаніе Троицкаго женскаго монастыря относится къ XV в.; о немъ упоминается въ грамотѣ, данной Сигизмундомъ I Константину Ивановичу, князю Острожскому, въ 1514 году, на возобновленіе Троицкой и Никольской церквей. Въ 1609 году Троицкій женскій монастырь переданъ былъ уніатамъ, а православныя инокини переселились изъ него къ церкви Благовѣщенія, находившейся на погостѣ Свято-Духовскаго монастыря (теперь не существующей). Здѣсь женскій монастырь существовалъ до 1795 года, до времени своего упраздненія.

Минуя древнѣйшую виленскую обитель Свято-Троицкую и Свято-Духовскій монастырь, направимся по Троицкой улицѣ (называемой нынѣ Остробрамскою или Островратскою), на Росское предмѣстье. Троицкая улица приводитъ насъ къ Кревскимъ (Острымъ или Мѣдникскимъ) воротамъ. На воротахъ, по православно-русскому обычаю, поставлена была въ давнія времена икона Божіей Матери.

Недалеко отъ Кревскихъ воротъ, на правой сторонѣ, по направленію изъ города, находилась небольшая деревянная церковь во имя св. Петра, принадлежавшая Троицкому монастырю и упраздненная въ началѣ XVII вѣка.

На самомъ Росскомъ предмѣстьѣ, къ югозападу отъ Никодимовскаго переулка, на мѣстѣ, занимаемомъ теперь отчасти желѣзною дорогою, отчасти домомъ Бернштейна и др., находилась деревянная Юрьевская Росская церковь. Она основана виленскими мѣщанами послѣ 1532 года, какъ видно изъ королевской грамоты, выданной въ этомъ году на ея построеніе. Грамота показываетъ также, что это была кладбищенская церковь. Очевидцы разсказываютъ, что, при производствѣ работъ по устройству желѣзной дороги, на мѣстѣ бывшей Юрьевской церкви выкопано было много человѣческихъ костей. При церкви находились также: братство, называвшееся Росскимъ, и богадѣльня, содержавшаяся на счетъ братства. Въ 1655 году эта церковь сгорѣла, бывши уже уніатскою.

Кромѣ Юрьевской Росской церкви, существовала еще въ Вильнѣ, по крайней мѣрѣ въ первой половинѣ XVI в., другая церковь во имя св. Георгія „на Луцѣ“ (вѣроятно, въ мѣстности, называемой теперь Лукишками). Изъ грамоты Сигизмунда I, данной въ 1524 году на имя виленскаго воеводы Гаштольта объ отводѣ пустоши для этой церкви, видно, что при ней находился мужской монастырь (Акты Зап. Рос. II, № 127).

Такимъ образомъ, въ XVI вѣкѣ несомнѣнно существовали въ Вильнѣ: три монастыря (кромѣ основанныхъ въ самомъ уже концѣ этого вѣка Свято-Духовскаго и Благовѣщенскаго монастырей) и 20 церквей.

Сверхъ того, есть еще нѣкоторыя, хотя и не столь ясныя указанія на существовавшія въ Вильнѣ три церкви: св. Анны (около Бернардинскаго монастыря), Воздвиженія (около костела св. Яна) и св. Варвары (на другой сторонѣ рѣки Виліи, въ предмѣстьѣ Рыбаки).

Изъ всѣхъ поименованныхъ выше виленскихъ церквей XV и XVI вѣковъ въ настоящее время продолжаютъ существовать только пять церквей, именно: Пречистенская, Пятницкая, Никольская, Свято-Троицкая и Свято-Духовская.

НИКОЛО-ПЕРЕНЕСЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

Церковь Св. Николая Чудотворца (Перенесенія мощей) считается по времени первымъ христіанскимъ храмомъ и первою православною церковію въ Вильнѣ. Принимая въ соображеніе, что Св. Чудотворецъ Николай издревле признаваемъ былъ покровителемъ города Вильны даже римско-католиками (которые только съ 1484 г. начали считать Казиміра патрономъ города), и что казненные, по проискамъ литовскихъ жрецовъ въ 1347 году св. виленскіе мученики: Антоній, Іоаннъ и Евстафій, погребены были въ церкви Св. Николая, — можно принять за достовѣрное, что эта церковь основана еще во время Гедемина (1315—1340).

Первоначально церковь Св. Николая была деревянная; въ послѣдствіи вторая супруга Ольгерда, Іуліанія Александровна, княжна Тверская, замѣнила ее каменною. Въ началѣ XVI вѣка эта церковь была уже ветха. Князь Константинъ Ивановичъ Острожскій въ 1514 году 30 ноября исходатайствовалъ у короля Сигизмунда I грамоту, которою ему разрѣшено было воздвигнуть по-срединѣ города, на каменномъ фундаментѣ кирпичную церковь Св. Николая. Изъ грамоты, данной митрополитомъ Іосифомъ Солтаномъ виленскимъ мѣщанамъ въ 1511 г., видно, что эта церковь при западно-русскихъ митрополитахъ Іонѣ Глезнѣ, Симеонѣ, Макаріѣ I и Іосифѣ Болгариновичѣ, была въ распоряженіи виленскихъ мѣщанъ, такъ что они испрашивали у митрополита священника себѣ и сами дѣлали вводъ его во владѣніе церковію, или, по выраженію грамоты, подавали ключи и „увязывали“.

Церковь Св. Николая была одною изъ лучшихъ приходскихъ церквей въ Вильнѣ. При ней служили почетнѣйшія должностныя лица духовенства. Такъ, въ грамотѣ митрополита Макарія (1551 г.) упоминается, что при этой церкви служилъ священникъ Клементій, виленскій митрополичій протопопъ; затѣмъ изъ актовъ 1608 и 1609 гг., въ которыхъ изображается борьба православныхъ виленцевъ съ митрополитомъ Потѣемъ, уніатомъ, извѣстно, что протопопъ Перенесенской (Св. Николая) церкви Жашковскій, стоявшій во главѣ православныхъ, назывался и намѣстникомъ митрополита. Въ 1609 году церковь Св. Николая, вмѣстѣ съ другими виленскими церквами, была отнята у православныхъ и передана митрополиту Потѣю. Находясь въ рукахъ бѣлаго уніатскаго духовенства, она до 1840 года оставалась единственною въ городѣ приходскою церковію, въ которой совершалось богослуженіе. Но если она не пришла въ совершенное разрушеніе, какъ другія церкви, то все-таки сильно пострадала во время пожара, бывшаго въ Вильнѣ въ 1748 году. Въ послѣдствіи времени, стѣсненная со всѣхъ сторонъ домами и различными пристройками, она только высокою изящною колокольней указывала мѣсто своего нахожденія. При боковыхъ стѣнахъ и алтарной части, на сосѣднихъ дворахъ были устроены мѣста для всякаго рода нечистотъ. Такъ, испытывая уничиженіе и под-

гнивая въ основаніяхъ, на смрадномъ дворѣ стояла древнѣйшая православная церковь въ Вильнѣ, находившаяся на лучшей улицѣ, въ центрѣ города!

И хотя, по возсоединеніи уніатовъ, приняты были нѣкоторыя мѣры для улучшенія положенія церкви, — такъ, домъ, закрывавшій фасадъ церкви, былъ сломанъ, но по недостатку средствъ, фундаментальныхъ исправленій не могло быть произведено, — но до самаго 1863 года Николаевская церковь оставалась въ прежнемъ бѣдственномъ положеніи.

Въ концѣ этого года, русскіе чиновники и горожане Вильны, желая торжественно выразить благодарность главному начальнику края графу М. Н. Муравьеву за водвореніе въ краѣ спокойствія и гражданскаго порядка, обратились съ ходатайствомъ о разрѣшеніи подписки для сооруженія православной церкви во имя Св. Михаила Архангела. Принявъ съ благодарностію заявленіе сочувствія къ его дѣятельности, графъ М. Н. Муравьевъ выразилъ желаніе, чтобы на жертвуемыя деньги возобновить въ должномъ величіи древнѣйшую въ Вильнѣ церковь Св. Николая. По всеподданнѣйшему докладу о семъ г. министра внутреннихъ дѣлъ, послѣдовало высочайшее соизволеніе на открытіе подписки по всей имперіи. Подписка доставила 82.431 р. 59 к. Но чтобы съ тѣмъ вмѣстѣ была достигнута и цѣль жертвователей, опредѣлено было устроить при этой же церкви часовню во имя архистратига Михаила.

Церковь окончена и освящена въ 1865 г. Работа производилась по рисункамъ профессора академіи художествъ А. И. Рязанова. Церковь очищена отъ всѣхъ окружавшихъ ея построекъ, на что потребовалось скупить пять частныхъ домовъ, съ употребленіемъ на это 16.250 р. Нынѣ церковь Св. Николая представляетъ замѣчательное произведеніе архитектуры, и какъ по внѣшнему виду, такъ и по внутреннему устройству составляетъ украшеніе города.

Часовня устроена также по проэкту профессора Рязанова. Надъ входною дверью въ полукружіи помѣщенъ 13-й стихъ X главы пророка Даніила: „И се Михаилъ, единъ отъ старѣйшинъ первыхъ, пріиде помощи намъ“. По лѣвой сторонѣ входа вырѣзана на мраморной доскѣ слѣдующая надпись: „Часовня сія во имя Св. Архистратига Михаила воздвигнута въ 1865 году во время возобновленія церкви Св. Николая, въ благодарность начальнику сѣверо-западнаго края Михаилу Николаевичу Муравьеву, за водвореніе въ краѣ спокойствія и гражданскаго порядка“. Внутри часовни, прямо противъ главнаго входа, поставленъ великолѣпный мозаичный образъ Св. Архистратига Михаила; по сторонамъ пять образовъ въ превосходныхъ, вырѣзанныхъ изъ дерева, росписанныхъ и раззолоченныхъ кіотахъ. Вообще, и по внѣшнему виду, и по внутренней отдѣлкѣ, взятая отъ церкви отдѣльно, часовня представляетъ художественное цѣлое.

8 ноября 1869 года, часовня была торжественно освящена архіепископомъ литовскимъ и виленскимъ Макаріемъ.

ПЯТНИЦКАЯ (СВ. ПАРАСКЕВЫ) ЦЕРКОВЬ.

„На улицѣ Великой, которая идетъ отъ ратуши до замку, лежитъ мурованная церковь, прозываемая Пятницкою“,—такъ говоритъ королевская грамота 1611 г. Это—была первая каменная церковь въ Вильнѣ. Она построена въ 1345 году супругою князя Ольгерда, Маріею Ярославною Витебскою, во имя Великомученицы Параскевіи, которую на Руси чтили издревле подъ именемъ *Пятницы*.

Въ просторѣчіи, въ Вильнѣ, эта церковь именовалась еще Пятенской или Петенской, можетъ быть, и отъ того, что она построена была на мѣстѣ капища литовскаго Бахуса, Рагутиса, жрецы котораго назывались Петениками. По описанію пословъ, прибывшихъ къ Ольгерду въ 1357 г. отъ крестоносцевъ, Пятницкая церковь внутри была устроена по образцу древнѣйшихъ кіевскихъ, новгородскихъ и другихъ русскихъ церквей, именно: въ ней были хоры (полати), закрытые зеленою, прозрачною занавѣсью и предназначенные для помѣщенія женщинъ при богослуженіи, по общерусскому того времени обычаю.

Первоначально эта церковь, какъ ближайшая къ замку, была придворною; въ ней похоронена ея основательница, великая княгиня Марія. Впослѣдствіи она принадлежала соборному духовенству, или такъ называвшемуся „крылосу“, а около 1511 г., была незаконно захвачена монахами Св. Троицкаго монастыря; но послѣ того, какъ „крылошане“ въ томъ же году подали прошеніе на имя митрополита Іосифа Солтана о „приверненіи“ имъ этой церкви, мы видимъ, что ключи отъ нея подавались ея священнику мѣщанами города Вильны, которые, очевидно, были ея патронами.

Въ 1557 году, во время страшнаго пожара, бывшаго въ Вильнѣ, сгорѣла и Пятницкая церковь; но чрезъ три года, по просьбѣ священника Протасія, король особою грамотою разрѣшилъ построить на плацѣ, гдѣ была Пятницкая церковь, другую церковь Богоявленія, такъ что съ этого времени, въ оффиціальныхъ актахъ, она называется или просто Богоявленскою, или церковью Богоявленія, именуемою Пятницкою.

Послѣ возстановленія, Пятницкая церковь оставалась въ рукахъ приходскаго православнаго духовенства; на церковныя средства и на пособія отъ мѣщанъ, на погостѣ ея построено было нѣсколько домовъ, съ благотворительными цѣлями, или же для собиранія съ нихъ дохода; образовалось и кладбище. Во время насильственнаго распространенія уніи, Пятницкій священникъ Александръ Львовъ присоединился къ числу виленскихъ духовныхъ и мѣщанъ, оставшихся вѣрными православію и объявившихъ въ торжественномъ протестѣ о томъ, что они не хотятъ подчиняться уніатскому митрополиту Потѣю, продавшему свою церковь латинянамъ.

Православные добровольно не уступали уніатамъ ни одной церкви. И Пятницкая церковь отошла къ митрополиту Потѣю не безъ сопротивленія. Виленскій радца Иванъ Тупека, имѣвшій свой домъ подлѣ самой церкви, какъ ея патронъ, собравъ другихъ членовъ ратуши и мѣщанъ, во время церковной службы, которую совершалъ, вскорѣ измѣнившій пра-

вославію священникъ Львовъ, вошелъ въ церковь, забралъ всѣ священные сосуды, затѣмъ отправился въ домъ, гдѣ жилъ священникъ, и выгналъ оттуда его семейство, находя противозаконнымъ какъ совершеніе службъ церковныхъ уніатомъ въ православномъ храмѣ, такъ и пребываніе его въ церковномъ домѣ. Въ заключеніе всего, Тупека заперъ Пятницкую церковь своимъ замкомъ.

Пятницкая церковь, вскорѣ послѣ этихъ событій, въ 1610 году, сгорѣла во время большаго пожара въ Вильнѣ; а плацъ ея, съ кладбищемъ и домами, на немъ построенными, грамотою короля въ 1611 году отданъ былъ Троицкому, тогда уже уніатскому, монастырю и его настоятелю Іосифу Велямину Рутскому съ тѣмъ, чтобы на немъ возобновлена была церковь и „оправленъ шпиталь".

Но уніатскіе монахи, въ большей части, переодѣтые латиняне и іезуиты, не считали нужнымъ возстановлять русскую святыню; пользуясь доходами отъ домовъ этой церкви, они не позаботились о „шпиталѣ", который со времени занятія Пятницкой церкви уніатами пересталъ существовать. Въ 1633 году, когда Владиславъ IV далъ обѣщаніе избирательному сейму умирить православныхъ, имъ дана была грамота о занятіи плаца, принадлежащаго Пятницкой церкви; и уже городничій виленскій съ вводнымъ актомъ („поѣздчимъ листомъ") прибылъ на упомянутый плацъ; но на встрѣчу ему вышелъ уніатскій ксендзъ Котлубай и, по порученію митрополита Рутскаго, словесно и письменно заявилъ, что плаца и домовъ не отдастъ православнымъ. Спустя два года, когда король принужденъ былъ дѣлать уступки латинянамъ и уніатамъ, послѣдовала новая грамота, которою плацъ и дома Пятницкой церкви окончательно отданы уніатскимъ монахамъ. Подъ ихъ вѣдѣніемъ, и плацъ и дома этой древней христіанской святыни были приведены въ такое состояніе, что православный авторъ „Лиѳоса" (1644 г.), митрополитъ Петръ Могила печатно обличалъ уніатовъ въ томъ, что на мѣстѣ церкви Св. Параскевы-Пятницы въ Вильнѣ, они построили кабакъ, а строенія, принадлежащія этой церкви и воздвигнутыя православными для благотворительной цѣли, отдали подъ публичный домъ. Обличенія эти никѣмъ и никогда не были опровергнуты.

Такая „мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ" продолжалась до начала XVIII в., когда въ 1702—5 г. возстановлена была Пятницкая церковь, и въ ней, какъ гласитъ преданіе, Петръ Великій слушалъ литургію и совершалъ молебствіе о побѣдѣ надъ шведами; ей онъ подарилъ и знамя, отбитое у шведовъ. Здѣсь же онъ крестилъ извѣстнаго Аннибала, дѣда поэта А. С. Пушкина.

Во время пожара въ 1748 году истреблена была и Пятницкая церковь.

Въ настоящемъ столѣтіи Пятницкая церковь приходила все въ большее запустѣніе. Застроенная со всѣхъ сторонъ домами, безъ крыши, съ полуразвалившимися стѣнами, она сдѣлалась, наконецъ, мѣстомъ для нечистотъ... Въ такомъ видѣ можно было ее видѣть до 1863 г. По возсоединеніи уніатовъ, хотя и возникла мысль о ея возобновленіи, но на постройку не было средствъ.

Нынѣ эта древняя русская святыня Вильны возстановлена и очищена отъ стѣснявшихъ ее домовъ. На наружныхъ ея стѣнахъ съ двухъ сторонъ вдѣланы мраморныя доски съ надписями: здѣсь показаны годъ основанія церкви, время ея возобновленія, составъ членовъ комитета, завѣдывавшаго постройкою виленскихъ церквей, и начертаны изображенія Пятницкой церкви въ настоящемъ ея видѣ и въ развалинахъ. Пятницкая церковь освящена въ 1865 году при бывшемъ генералъ-губернаторѣ К. П. Кауфманѣ.

ВИЛЕНСКІЙ УСПЕНСКІЙ СОБОРЪ,

НАЗЫВАЕМЫЙ ПРЕЧИСТЕНСКИМЪ И МИТРОПОЛИТАЛЬНЫМЪ.

Основаніе сему храму, по мѣстному преданію, положилъ Ольгердъ въ 1346 году, по возвращеніи своемъ изъ похода на Новгородъ Великій; мѣсто для него избрано было самимъ княземъ на лѣвомъ берегу рѣки Виленки, близъ княжескаго дворца, на площади. Храмъ строили зодчіе, вызванные изъ Кіева, по подобію Софіи Ярослава Мудраго. Изъ дошедшихъ до насъ, довольно древнихъ, краткихъ сказаній и изъ уцѣлѣвшаго расположенія и стѣнъ собора можно судить о художественности первоначальнаго построенія его. Корпусъ зданія, при основаніи своемъ, образуетъ четыреугольникъ въ видѣ квадрата въ 16 саженъ и 2 аршина длины и ширины, кромѣ алтаря, который выдается изъ квадратнаго зданія къ востоку тремя полукружіями на 4 сажени. Внутри квадратнаго пространства, немного ближе къ алтарю, поставлены четыре, въ квадратѣ расположенные, громадные многогранные столба. Эти столбы соединяются вверху арками, которыя служили и теперь служатъ основаніемъ для главнаго купола, сдѣланнаго первоначально изъ кирпича, а нынѣ изъ желѣза; высота прежняя не извѣстна, нынѣ же отъ помоста до основанія креста на куполѣ 20 саженъ и 2 арш., а съ шаромъ и крестомъ 23 сажени и 1 аршинъ. На юго-восточномъ углу зданія сохранилась башня для хода на чердакъ; на наружной сторонѣ этой башни уцѣлѣли старинные архитектурные узоры, украшавшіе храмъ Ольгерда. На другихъ трехъ углахъ зданія найдены основанія для прочихъ башень, которыя и воздвигнуты нынѣ вновь, по подобію оставшейся, и всѣ четыре завершены малыми куполами одинаковаго стиля съ большимъ, что даетъ храму видъ византійскихъ пятиглавыхъ соборовъ и вполнѣ отвѣчаетъ требованіямъ православнаго чувства и вкуса.

Въ 1348 году, святитель Алексій, бывшій тогда еще въ санѣ епископа Владимірскаго намѣстникомъ митрополита Ѳеогноста, по приглашенію литовско-русскаго великаго князя Ольгерда, прибылъ въ Вильну и освятилъ сооруженный княземъ соборъ. Отъ посвященія сего храма въ честь Успенія Пречистой Дѣвы, усвоились ему два названія— Успенскій и Пречистенскій. Названія сіи въ самыхъ древнихъ актахъ употребляются безразлично, но болѣе общимъ и народнымъ сдѣлалось послѣднее.

При великомъ князѣ Витовтѣ, преемникѣ Ольгерда, когда въ 1416 году раздѣлилась митрополія русская на восточную и западную, соборный храмъ сей сдѣлался каѳедральнымъ для всей Литвы, и первый возсѣлъ на его каѳедрѣ Григорій Цамвлакъ, отъ котораго начался рядъ православныхъ митрополитовъ Западной Руси. Событіе это послужило поводомъ къ новому названію храма—Ми-

трополичьимъ, или по мѣстной рѣчи Митрополитальнымъ.

Въ 1495 году столица Литовская торжественно встрѣтила царственную невѣсту своего великаго князя Александра, Елену, дочь Царя Московскаго Іоанна III. Елена Іоанновна, со всѣмъ свадебнымъ поѣздомъ, вступила въ соборъ сей 15 февраля и слушала въ немъ благодарственный молебенъ, отслуженный соборне намѣстникомъ митрополіи, архимандритомъ виленскаго Троицкаго монастыря Макаріемъ, который въ томъ же году и въ семъ же храмѣ былъ рукоположенъ въ митрополита и прославился мученическою кончиною отъ татаръ на пути въ Кіевъ, въ 1497 году.

Явленіе Елены Іоанновны на великокняжескомъ престолѣ Литвы было великою отрадою для православной литовской Церкви, отъ которой отступились уже ея великіе князья, предавшіеся на сторону Рима. Во все время осмнадцатилѣтняго своего властвованія въ Литвѣ, она была твердою защитницею православія, обновляла и основывала церкви и благодѣтельствовала духовенству. Такъ, между прочимъ, въ 1496 году она подарила сему собору имѣніе Жагоры, расположенное въ Трокскомъ воеводствѣ и купленное ею у Петра Яцынича.

Въ 1506 году упалъ внезапно главный куполъ собора, и повредились его стѣны, особенно — восточная и южная. Въ этомъ году поправлялись городскія стѣны для защиты Вильны отъ набѣга татаръ, разорившихъ предъ симъ Минскъ, Слуцкъ, Новгородокъ и показавшихся уже въ 70-ти верстахъ отъ литовской столицы. Каменная обрушившаяся часть городскихъ стѣнъ проходила по лѣвому берегу рѣки Виленки, обнимая соборъ въ 11 саженяхъ отъ юговосточной стороны его; для укрѣпленія этой части стѣны забивались сваи и палисады, отъ чего происшедшее сотрясеніе и было причиною паденія купола и поврежденія стѣнъ собора.

Въ это время существовало и прилагалось уже къ дѣлу, данное въ 1480 году королемъ польскимъ Казиміромъ IV запрещеніе строить новыя и починять старыя греко-россійскія церкви, но находились еще поборники православія, которымъ нельзя было отказать въ ходатайствѣ противъ сего запрещенія. „Славный побѣдами за русскую землю и благими нравами“ князь Константинъ Ивановичъ Острожскій исходатайствовалъ, 19 іюня 1511 года, грамоту отъ короля Сигизмунда I на возобновленіе храма Пречистыя, и отстроилъ оный въ прежнемъ его видѣ, въ стилѣ готическо-византійскомъ, съ большимъ куполомъ по срединѣ и четырьмя башнями по угламъ. Не довольствуясь симъ обновленіемъ собора, ревностный князь съ супругою своею Татьяною, урожденною княжною Гольшанскою, подарилъ ему въ 1522 г. двѣ свои отчины — Шешолы и Свираны, расположенныя въ Виленскомъ уѣздѣ.

Въ 1588 году, какъ бы въ заключеніе цвѣтущаго состоянія каѳедры литовскихъ православныхъ митрополитовъ, въ стѣнахъ ея совершилось торжество, какого не видало еще сіе святилище со времени своего основанія. Первосвятитель Вселенской Церкви, константинопольскій патріархъ Іеремія, въ сослуженіи съ сопровождавшими его,—митрополитомъ Монемвасійскимъ Іероѳеемъ и архіепископомъ Димонитскимъ Арсеніемъ и мѣстными епископами, Гедеономъ львовскимъ, Мелетіемъ владимірскимъ и другими, совершилъ въ соборѣ божественную литургію и рукоположилъ въ немъ новаго митрополита Западной Руси, Михаила Рагозу.

Но возведеніе Рагозы въ первосвятителя литовской церкви ознаменовалось вскорѣ злополучіемъ для православія. Названный патріархъ, какъ бы предчуствуя измѣнника въ Рагозѣ, не хотѣлъ святить его; но уступилъ убѣжденіямъ многихъ знатныхъ лицъ о благонадежности избраннаго ими. Малодушіемъ Рагозы воспользовались подчиненные ему епископы и, въ 1596 году, на Брестскомъ соборѣ, объявили церковную унію, то есть, соединеніе литовской православной церкви съ римскою. Услышавъ о семъ, духовенство и граждане города Вильны высказались предъ митрополитомъ рѣшительно, что не хотятъ знать ни уніи, ни уніатовъ. Рагоза удалился въ Новогрудокъ и тамъ доживалъ въ печали вѣкъ свой. Почему не ранѣе какъ чрезъ 13 лѣтъ послѣ Брестскаго собора, ревностный слуга іезуитовъ Ипатій Потѣй, заступивъ мѣсто митрополита Рагозы, рѣшился провозгласить унію въ этомъ каѳедральномъ соборѣ. Въ 1609 году, въ день св. апостоловъ

Петра и Павла, Ипатій отслужилъ въ этомъ соборѣ литургію, съ присовокупленіемъ къ ней торжественнаго молебна о соединеніи церквей, и впервые имя римскаго папы огласило храмъ Пречистыя, который въ продолженіи почти трехсотъ лѣтъ былъ хранилищемъ православія въ землѣ литовской. Но дерзость сія едва не стоила жизни самому лжепастырю; возмутился народъ и напалъ на отступника вѣры отеческой, въ ту минуту, какъ онъ выходилъ изъ поруганнаго имъ собора; одинъ мѣщанинъ, нѣкто Иванъ Тупека, замахнулся на Потѣя саблею и отрубилъ ему два пальца лѣвой руки, отклонявшей ударъ. Потѣй спасся бѣгствомъ въ Троицкій монастырь, который былъ занятъ уже базиліанами, уніатскими монахами.

Послѣ насильственнаго водворенія уніи, каѳедра православныхъ митрополитовъ стала клониться къ паденію и постепенно пустѣла; но совершенное запустѣніе произошло не ранѣе половины минувшаго столѣтія. Въ 1748 г. страшный пожаръ, опустошившій Вильну, истребилъ палаты митрополичьи и сильно опалилъ каѳедральный соборъ внутри и снаружи. Клирошане митрополичіе совершали богослуженіе въ бывшей подлѣ правой стороны собора, теплой Спасской церкви, и такъ это продолжалось цѣлые 37 лѣтъ. Отъ этой послѣдней малой церкви, названіе Спасской перешло и на древній запустѣлый храмъ и усвоилось ему народомъ наравнѣ съ названіями Пречистенскій и Митрополитальный.

Въ 1785 г. уніатскій митрополитъ Ясонъ Юноша-Смогоржевскій, русскій литвинъ родомъ, поступившій на сію каѳедру изъ архіепископовъ Полотскихъ, возобновилъ, еще разъ, опустѣвшій храмъ, но въ иномъ уже видѣ, безъ купола и башень, съ крышею въ два ската и съ стрѣльчатымъ аттикомъ поверхъ фронтона. Вслѣдъ за симъ исчезла малая Спасская церковь, обращенная сперва подъ госпиталь, а потомъ преобразовавшаяся въ домъ, дожившій до насъ подъ именемъ Андржеевскихъ; ворота же, ведущіе изъ города къ предмѣстью Зарѣчью, еще существовали нѣкоторое время и продолжали называться Спасскими, что все вмѣстѣ еще болѣе усилило въ народѣ названіе собора Пречистыя-Спасскимъ и даже Спасскою церковью.

Въ 1795 году, съ упраздненіемъ уніатской митрополіи въ Россіи, упразднилась и виленская митрополичья каѳедра; имѣнія ея перешли къ Троицкому монастырю и причтъ распущенъ; однако богослуженіе совершалось еще до 1810 года базиліанами, приходившими изъ Троицкой обители. Въ 1808 году, по ходатайству извѣстнаго польскаго магната, князя Адама Чарторыйскаго, соборъ Пречистыя съ митрополичьимъ подворьемъ отданъ былъ бывшему виленскому университету и обращенъ въ анатомическій театръ и ветеринарную клинику. Принаровляя къ сей потребности древнее православное святилище, перегородили его внутренность каменными толстыми стѣнами, вдоль и поперегъ на шесть частей; высоту раздѣлили на два этажа; изъ алтаря сдѣлали особое помѣщеніе, проломавъ для входа въ него горнее мѣсто и заложивъ на-глухо царскія, южныя и сѣверныя двери, и устроили въ немъ лабораторію для разъясненія мертвыхъ тѣлъ и варки костей; впослѣдствіи образовалась здѣсь кузница. Съ неменьшею наглостію поступлено и съ внѣшнимъ видомъ храма: угловыя башни, фронтонныя и сѣверовосточныя, сломаны; окна устроены на другихъ мѣстахъ и другой формы; наличники и прочія выступныя украшенія обтесаны и изглажены, колокольня, стоявшая на лѣвой сторонѣ храма — срыта, и признаковъ святыни не осталось, за исключеніемъ лишь тройной выпуклости алтаря съ восточной стороны и башни на юговостотномъ углу зданія

Такъ истреблялась и самая память о православіи въ Вильнѣ!

Бывшій главный начальникъ края, графъ М. Н. Муравьевъ обратилъ вниманіе на это древнее святилище и, по соглашенію съ высокопреосвященнымъ Іосифомъ, митрополитомъ Литовскимъ и Виленскимъ, призналъ важнымъ для православія и русской народности возобновить оное. Въ 1864 году онъ испросилъ Высочайшее разрѣшеніе на открытіе повсемѣстной подписки въ Россіи, и въ томъ же 1864 году обратился ко всѣмъ начальникамъ губерній въ Имперіи съ просьбою пригласить всѣ сословія, къ принятію участія въ дѣлѣ возстановленія многознаменательной святыни.

Въ 12 день іюня 1867 года, Его Императорское Величество, обозрѣвая работы по возобновленію сего собора, Всемилостивѣйше

разспрашивалъ бывшаго главнаго начальника края графа Э. Т. Баранова о средствахъ на возобновленіе и, узнавъ, что для окончательной отдѣлки этого храма на самыя необходимыя работы требуется не менѣе 57,000 рублей, изволилъ приказать снестись съ министромъ внутреннихъ дѣлъ объ отпускѣ сей суммы, которая немедленно и была ассигнована изъ государственнаго казначейства.

22-го октября 1871 года освященъ въ немъ новый придѣлъ во имя священномученика Макарія, митрополита Кіевскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ окропленъ св. водой заново отдѣланный прежній иконостасъ главнаго соборнаго престола, освященнаго въ тотъ же день, три года назадъ.

Каждый православный, кому случалось видѣть иконостасъ въ прежнемъ положеніи, безъ сомнѣнія, сожалѣлъ, что внутренняя, можно сказать, бѣдная обстановка храма не соотвѣтствовала наружному виду дѣйствительно прекрасной и оригинальной архитектуры собора. Хотя рисунокъ прежняго иконостаса самъ по себѣ былъ хорошъ, но онъ терялъ все свое достоинство именно отъ того, что иконостасъ, помѣщенный между средними колоннами восточной стѣны храма, казался точно вдвинутымъ въ тѣсную рамку, или, какъ многіе выражались, имѣлъ видъ ширмы именно оттого, что далеко не досягалъ до свода и оставлялъ по сторонамъ голыя, даже непокрашенныя соотвѣтственно стѣны.

Теперь тотъ же иконостасъ принялъ совершенно другой видъ вслѣдствіе того, что поднятъ еще на одинъ (5-ый) ярусъ и по сторонамъ его устроены два новые четырехъярусные иконостаса, придающіе собору видъ трехпрестольной церкви и сдѣланные подъ одно лицо съ главнымъ. Рисунокъ ихъ, въ древнемъ вкусѣ, сталъ гораздо эффектнѣе оттого, что изящная рѣзьба арабесокъ и обиліе позолоты особенно отчетливо выдаются, точно чеканная работа, на коричневомъ фонѣ новой покраски иконостаса. Колонны, отдѣляющія иконостасы, убраны кіотами въ томъ же древнемъ вкусѣ. Всѣ внутреннія стѣны, колонны, своды и куполъ храма покрашены клеевою краской, въ нѣсколько тоновъ, и по мѣстамъ расписаны узорами, хотя и не богато, но со вкусомъ и прилично.

Однимъ словомъ, лишь теперь, благодаря особенно счастливымъ обстоятельствамъ, удалось довести до конца первоначальное предположеніе относительно внутренней отдѣлки возобновленнаго собора; ибо, надо сказать, что чертежи нынѣшняго иконостаса были первоначально одобрены еще покойнымъ графомъ М. Н. Муравьевымъ; но такъ какъ имѣвшіяся средства оказались недостаточными къ осуществленію задуманнаго, въ широкихъ размѣрахъ, проекта, то строители, торопясь открыть поскорѣе богослуженіе въ этомъ историческомъ храмѣ, ограничились на первыхъ порахъ только самымъ необходимымъ устройствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣлось въ виду дать время просохнуть заново отдѣланнымъ стѣнамъ зданія въ надеждѣ, что продолженіе открытой по всей Имперіи подписки на возобновленіе собора дастъ средства и на постепенное его украшеніе. Однако, надежда эта, можетъ быть, не осуществилась бы еще долгое время, если бы великое историческое значеніе храма не обращало на него особеннаго сочувственнаго вниманія русскихъ людей.

Стѣны этого храма, привлекая подъ свои своды каждаго почти пріѣзжаго, особенно изъ столицы, поражали посѣтителей оригинальностію зодчества и въ то же время—бѣдностію внутренней отдѣлки. На сколько мы знаемъ, толки объ этомъ несоотвѣтствіи доходили и до высшихъ сферъ въ столицѣ. Между тѣмъ, въ виду церковно-строительнаго комитета имѣлись деньги, собранныя по подпискѣ на устройство памятника въ память лицъ, павшихъ во время послѣдняго мятежа не на полѣ брани. Денегъ этихъ для сооруженія отдѣльнаго памятника оказывалось недостаточно, и это подало церковно-строительному комитету мысль совмѣстить устройство памятника съ довершеніемъ возобновленія Пречистенскаго собора.

Лѣтомъ прошлаго года, Государь Императоръ, въ бытность свою въ Вильнѣ, изволилъ посѣтить Пречистенскій соборъ, и разсмотрѣвъ на мѣстѣ всѣ приготовленные чертежи и планы по совмѣщенію сказанныхъ проектовъ, удостоилъ таковые Высочайшаго одобренія.

Такимъ образомъ, осуществилась прекрасная мысль—на стѣнахъ древняго Ольгердова собора, служащихъ вѣковымъ памятникомъ господства русской народности въ Литвѣ,

увѣковѣчить память лицъ, мужественно постоявшихъ даже до смерти за свою непоколебимую преданность русскому Царю и отечеству. Имена ихъ, безъ различія званія и исповѣданія, начертаны на четырехъ каменныхъ доскахъ, которыя помѣщены на боковыхъ стѣнахъ собора, по сторонамъ двухъ кіотъ, на которыхъ изображены св. покровители Царственной Четы, Александръ Невскій и Марія Магдалина.

Совершившееся освященіе соборнаго придѣла было въ нѣкоторомъ смыслѣ торжествомъ въ память этихъ доблестныхъ гражданъ, почему и провозглашена была имъ „вѣчная память", по окончаніи обряда освященія престола.

Не безъ особеннаго отношенія къ сбору и даже къ мученическому подвигу доблестныхъ гражданъ освященъ новый придѣльный престолъ собора въ честь и память священномученика Макарія. Этотъ святитель принялъ посвященіе въ санъ кіевскаго митрополита въ этомъ же виленскомъ Пречистенскомъ соборѣ и, какъ извѣстно, на пути изъ Вильны въ Кіевъ, къ мѣсту своего святительства, сдѣлался жертвою своего пастырскаго долга, невинно замученный перекопскими татарами. Это случилось въ предѣлахъ здѣшняго же края, на рѣкѣ Припети, въ селѣ Стриголовѣ, Минской губерніи, 1-го мая 1497 года.

Нѣсколько раньше этого событія, тотъ же святитель, въ томъ же храмѣ Пречистыя въ Вильнѣ, торжественно встрѣчалъ вступившую прямо въ этотъ соборъ, по прибытіи изъ Москвы, Елену—невѣсту великаго князя литовскаго Александра, дочь великаго князя московскаго Іоанна III. Тогда еще святитель былъ архимандритомъ виленскаго Св.-Троицкаго монастыря.

Другой придѣлъ собора, посвященный въ честь митрополита Московскаго Алексія, напоминаетъ о томъ фактѣ, что этотъ великій святитель и чудотворецъ земли Русской освятилъ первоначально зданіе собора, въ то время, когда Литовско-русская церковь находилась въ іерархическомъ единеніи съ всероссійской митрополіей.

Иконы новаго иконостаса тоже служатъ какъ бы наглядною историческою лѣтописью: по мысли покойнаго настоятеля собора, протоіерея Антонія Пщолки на нихъ изображены преимущественно тѣ святые, которые имѣли какое либо историческое или поучительное отношеніе къ западно-русскому краю. Укажемъ, по крайней мѣрѣ, на имена:

Преподобнаго Симеона, епископа Тверскаго, бывшаго прежде епископомъ Полотскимъ, изъ рода князей Полотскихъ, раздавшаго множество земель и угодій Полотскимъ церквамъ, скончавшагося въ 1289 г. Преп. Лаврентія, еписк. Туровскаго, † 1194. Преп. Геннадія, родомъ изъ Могилева-на-Днѣпрѣ, настоятеля Сурскаго монастыря, † 1565 г. Преп. Иринарха, Ростовскаго инока, сказавшаго гетману Сопѣгѣ: „Я живу въ Россіи и признаю Русскаго Царя, другого же не знаю", † 1616 г. Блажен. Ѳеогноста, митроп. Кіевскаго, который посѣщалъ западно-русскіе города, имѣлъ личныя сношенія съ Гедиминомъ и устроилъ брачный союзъ вел. князя Семеона Іоанновича съ дочерью Гедимина, Анастасіею, и Ольгерда—съ Тверскою княжною Іуліаніею, † 1353 г. Стефана, перваго епископа Владиміра-Волынскаго, † 1094 г. Кирилла II, еп. Туровскаго, † 1183. Довмонта, князя Псковскаго изъ кн. Литовскихъ, † 1299. Преп. Евфросиніи, княжны Полотской, † 1173. Преп. Тихона Луховскаго, родомъ изъ Литвы, бѣжавшаго отсюда отъ преслѣдованій папизма, † 1492. Блаж. старца Мартина, Туровскаго затворника, † 1150 г. Благов. кн. Андрея Боголюбскаго, владѣвшаго нѣкоторое время Пинскимъ удѣломъ, † 1174 г. Св. Фотія, митр. Московскаго, бывшаго неоднократно въ Вильнѣ, между прочимъ, на съѣздѣ князей и государей, по поводу коронованія Витовта, который на его глазахъ и умеръ, † 1431 г. Св. Іуліаніи, княжны Ольшанской, изъ рода вел. кн. Литовскихъ, † 1540 г. Св. Аѳанасія, преподобномученика Брестскаго, претерпѣвшаго мученическую кончину отъ поляковъ, † 1648 г. Св. Амфилохія, епископа Владиміра-Волынскаго, † 1123 г. Св. Ѳеодора, кн. Острожскаго, мужественнаго защитника православія противъ насилій, бывшихъ при королѣ Ягайлѣ, † 1435 г. Преподобномуч. Макарія, Овручскаго архимандрита, что на Волынѣ, 1678. Преп. Харитины, урожденной княжны Литовской, игуменьи Новгородскаго дѣвичьяго монастыря, † 1281 г. Преп. Евпраксіи, кн.

Псковской, дочери Литовскаго князя Рогволода Борисовича, † 1243. Пр. Арефы Печерскаго, родомъ изъ Полотска, † 1114 г. Преп. Іова Почаевскаго, много пострадавшаго отъ насилія ревнителей уніи, † 1651. Св. Димитрія Ростовскаго, проповѣдывавшаго въ Виленскомъ Св. Духовскомъ и Слуцкомъ монастыряхъ, † 1709.—Много есть изображеній и другихъ святыхъ какъ русской, такъ и общеславянской церкви.

Такимъ образомъ, Пречистенскій соборъ пріобрѣтаетъ вполнѣ значеніе историческаго памятника, напоминающаго собою знаменательныя эпохи и достопамятныя имена.

СВ. ТРОИЦКАЯ ЦЕРКОВЬ.

Св. Троицкая церковь есть одна изъ древнѣйшихъ православныхъ святынь въ Вильнѣ и во всей Литвѣ. Съ нею много соединено отрадныхъ и грустныхъ воспоминаній для русскаго человѣка. Въ теченіи двухъ съ половиною вѣковъ она была разсадникомъ православной вѣры въ Литвѣ и почти столько же вѣковъ, насиліемъ отнятая у православныхъ, работала уніи и латинству. Исторія этой церкви напоминаетъ злосчастную судьбу всего западно-русскаго края. Св. Троицкая церковь построена на довольно возвышенной плоскости, которая въ монастырской хроникѣ называется *горою*. Гора эта была покрыта густою дубовою рощею, въ которой язычники собирались для жертвоприношеній. Въ первой половинѣ XIV столѣтія (1342—1347) эта священная роща прославилась мученическою кончиною трехъ придворныхъ бояръ великаго князя Ольгерда, — Антонія, Іоанна и Евстафія, обращенныхъ въ христіанство духовникомъ первой супруги Ольгерда, Маріи Ярославны Витебской. Озлобленные поклонники Знича, потребовали казни царедворцевъ, отступившихъ отъ вѣры отцевъ. Ольгердъ, боясь возмущенія язычниковъ, подстрекаемыхъ жрецами, отдалъ новопросвѣщенныхъ царедворцевъ въ распоряженіе жрецовъ. Тѣла угодниковъ Божіихъ, послѣ разныхъ истязаній, были повѣшены на одномъ изъ священныхъ дубовъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ число православныхъ христіанъ въ Вильнѣ умножилось до того, что они имѣли довольно значительную силу при великокняжескомъ дворѣ. Они выпросили у Ольгерда священную гору, на которой пострадали виленскіе мученики и стали собираться туда для молитвы. Въ скоромъ времени священная роща была срублена; изъ срубленныхъ дубовъ, христіане, при содѣйствіи православной супруги Ольгерда, построили церковь во имя Св. Троицы, за исповѣданіе которой пострадали „Троицѣ равночисленные“ виленскіе мученики. Это было около 1347 г. Съ этого времени, вся окрестная мѣстность, доселѣ пустынная, стала населяться исключительно православными христіанами и получила названіе „Русскаго конца“. Съ теченіемъ времени, Троицкая церковь отъ ветхости пришла въ упадокъ и, наконецъ, разрушилась. Въ силу указа короля польскаго Казиміра Ягайловича, воспрещавшаго православнымъ строить новыя церкви и возобновлять старыя, безъ особеннаго на то королевскаго разрѣшенія, церковь эта стояла въ развалинахъ до начала XVI столѣтія. Въ 1514 году, Сигизмундъ I, по просьбѣ извѣстнаго ревнителя православіи князя Острожскаго, во вниманіе къ его великимъ заслугамъ, оказаннымъ королевству, согласился выдать ему привилегію на построеніе въ Вильнѣ двухъ каменныхъ церквей. Заботами и иждивеніемъ этого князя и были построены въ Вильнѣ двѣ церкви — одна на мѣстѣ разрушившейся деревянной церкви во имя Св. Троицы, другая во имя Перенесенія мощей Св. Николая.

При Св. Троицкой церкви съ древнѣйшихъ временъ существовалъ монастырь. Когда и какъ онъ основанъ—нѣтъ положительныхъ

свѣдѣній. Уніатскіе и латинскіе писатели утверждаютъ, что онъ основанъ одною изъ православныхъ женъ великаго князя литовскаго Ольгерда, вмѣстѣ съ деревянною церковью. Въ концѣ XV столѣтія, здѣсь уже несомнѣнно существовалъ монастырь, и изъ него вышли многіе замѣчательные пастыри церкви, какъ напримѣръ: Макарій I, митрополитъ кіевскій (съ 1490—1497), пострадавшій отъ татаръ и содѣлавшійся священномученникомъ, Іона II и Сильвестръ Бѣлькевичъ и др. Первоначально монастырь былъ деревянный, и отчасти по недостатку средствъ, отчасти по малой вмѣстительности едва могъ содержать трехъ иноковъ. Послѣ перехода въ унію, въ 1620 году, базиліане построили, на мѣстѣ обветшалаго деревяннаго, каменный монастырь. Въ монастырской хроникѣ подъ 1706 г. сказано, что въ этомъ году былъ сильный пожаръ въ Вильнѣ, истребившій почти половину города. „Во время этого пожара", продолжаетъ хроника, „пострадала и Троицкая церковь: огонь истребилъ все, что̀ находилось внутри и внѣ,—остались однѣ только стѣны. Настоятель монастыря Яковъ Суликовскій тотчасъ же послѣ пожара приступилъ къ возобновленію церкви." Вотъ въ это-то время, всего вѣроятнѣе, Троицкая церковь и была возобновлена въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала до настоящаго времени. Внутреннее устройство ея соотвѣтствовало внѣшнему. Кромѣ главнаго алтаря, было девять малыхъ алтарей во имя извѣстнаго фанатика гонителя православія Іосафата Кунцевича, который изъ настоятелей этого монастыря былъ возведенъ на Полотскую уніатскую каѳедру, гдѣ за свое изувѣрство и погибъ.

По лѣвой и по правой сторонамъ отъ входа въ церковь съ давнихъ временъ пристроены двѣ часовни; изъ нихъ одна называлась Скуминовской часовней, по имени ея строителя Януша Скумина Тышкевича, воеводы виленскаго. Она построена въ первыхъ годахъ XVII столѣтія и освящена была во имя Покрова Пресвятыя Богородицы. Здѣсь погребенъ и самъ основатель часовни и его супруга Варвара, урожденная Нарушевичъ, о чемъ свидѣтельствуетъ латинская надпись на мраморной плитѣ, вдѣланной въ западной стѣнѣ. Въ настоящее время здѣсь устроена семинарская церковь во имя Св. Іоанна Богослова. Другая часовня, находящаяся по лѣвой рукѣ отъ входа, принадлежала исключительно инокинямъ женскаго, первоначально православнаго, потомъ перешедшаго въ унію, монастыря, который находился въ смежномъ каменномъ домѣ, принадлежащемъ нынѣ каѳедральному собору. Инокини этого монастыря не имѣли своей церкви, и потому къ богослуженію ходили въ Троицкую церковь. Изъ часовни сдѣланъ былъ ходъ на хоры, гдѣ инокини слушали богослуженіе. Ходъ этотъ нынѣ закрытъ, а въ самой часовнѣ хранится монастырскій архивъ.

ИКОНА ОСТРОБРАМСКОЙ БОГОРОДИЦЫ.

Вблизи православныхъ монастырей: Свято-Троицкаго и Свято-Духовскаго, въ узкой улицѣ, при костелѣ св. Терезіи, надъ воротами, находится часовня съ чудотворною иконою Божіей Матери. Эти ворота, по-польски, брама, въ концѣ XVI столѣтія получили названіе острыхъ, по имени мѣстности, называвшейся Острымъ Концомъ; отсюда и икона называется Остробрамскою или Островоротною. Вся эта мѣстность изстари была населена православными. Икона Остробрамской Богородицы написана на двухъ соединенныхъ дубовыхъ доскахъ, имѣетъ вышины съ небольшимъ $2^1/_2$ аршина, а ширины—2 аршина. О происхожденіи ея существуютъ два мнѣнія: одни писатели утверждаютъ, что эта икона привезена въ Вильну въ первой половинѣ XIV вѣка великимъ княземъ литовскимъ Ольгердомъ изъ города Херсона (древній Корсунь) и была подарена имъ монахамъ Свято-Троицкаго православнаго монастыря, которые и поставили ее надъ своими воротами, названными въ послѣдствіи Острыми; другіе называютъ ее явленною, относя явленіе ее на виленскихъ городскихъ воротахъ къ 14 апрѣля 1431 года.

Икона Остробрамской Богородицы съ давнихъ лѣтъ составляла предметъ благочестиваго поклоненія и особаго уваженія со стороны православныхъ жителей Вильны, которые построили при ней деревянную часовню; передъ иконой, по православно-русскому обычаю, теплились лампады и горѣли свѣчи, а вблизи воротъ была небольшая деревянная церковь св. Петра, нынѣ уже не существующая.

Началась унія, а съ нею и жестокія гоненія на православныхъ; православныя церкви одна за другою передаваемы были уніатамъ. Въ первой четверти XVII столѣтія при Остробрамской часовнѣ построенъ былъ римско-католическій монастырь и костелъ св. Терезіи. Поселившіеся здѣсь монахи, кармелиты босые, имѣя въ виду присвоить себѣ православную святыню, стали съ особеннымъ усердіемъ чествовать икону Остробрамской Богородицы, принимая къ своему служенію и католиковъ и православныхъ. Вліяніе кармелитовъ росло. Въ противодѣйствіе Свято-Духовскому братству, кармелиты основали свое братство св. Іосифа. У православныхъ оставались только церкви: Свято-Духовская и Благовѣщенская и Остробрамская часовня. Наконецъ, въ 1671 году, кармелиты завладѣли и часовней и иконой Остробрамской Богородицы, и на мѣсто старой часовни построили новую, совершивъ перенесеніе въ нее иконы съ необыкновеннымъ торжествомъ. Съ этого года древняя православная святыня города Вильны стала принадлежать римско-католикамъ, у которыхъ она находится и по настоящее время.

Монахи Свято-Троицкаго монастыря, бывшаго уже въ уніи, протестовали противъ такого присвоенія и начали съ монастыремъ кармелитовъ процессъ, продолжавшійся весьма долго. Но не смотря на самыя неопровержимыя доказательства Троицкихъ монаховъ, папа рѣшилъ споръ въ пользу кармелитовъ. Это было въ началѣ XIX вѣка.

Въ 1715 г. Остробрамская часовня сгорѣла, но икона была спасена и поставлена въ ко-

стелѣ Св. Терезіи. Новая часовня изъ камня воздвигнута въ 1744 году. Замѣчательно, что до 1794 года Остробрамская икона у римско-католиковъ не считалась чудотворною. Въ этомъ году, въ ночь на Свѣтлое Воскресеніе, русскія войска въ Вильнѣ были предательски обезоружены, многіе изъ солдатъ убиты, и начался въ Вильнѣ мятежъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года русскія войска, подъ начальствомъ Кнорринга, два дня сряду штурмовали городъ со стороны Острыхъ Воротъ. Въ воротахъ дѣйствовали два орудія, а изъ часовни, чрезъ пять круглыхъ отверстій, находящихся за престоломъ, ксендзы стрѣляли въ русскихъ, и одинъ изъ кармелитовъ, Целица, убилъ полковника Дѣева, когда этотъ послѣдній осматривалъ войска. Съ этого времени поляки стали почитать Острыя ворота и часовню, какъ польскую твердыню.

Значеніе и богатство часовни росло; но въ 1812 году она, равно монастырь и костелъ, сильно пострадала отъ французовъ, которые устроили здѣсь казармы, уничтожили алтари и многія иконы; оказалась поврежденною и икона Остробрамской Богородицы. Въ 1823 году, съ закрытіемъ въ Вильнѣ политическихъ обществъ, при часовнѣ учреждено было братство объединенія и явилось въ печати первое польское сочиненіе о чудесахъ, явленныхъ въ Острыхъ воротахъ, составленное въ польскомъ духѣ, со многими вымыслами.

Насталъ юбилей 1826 года; многія тысячи народа перебывали въ Вильнѣ; слава иконы и участіе къ братству распространялась. Въ 1829 г. часовню великолѣпно украсили; вблизи нея устроили галлерею и подновили ликъ Богородицы. Говорятъ, въ то время была еще видна на иконѣ славянская надпись: „честнѣйшую херувимъ". Извѣстно, что въ 1832 г., за участіе въ мятежѣ, значительное число костеловъ въ сѣверо-западномъ краѣ, по высочайшему повелѣнію, было закрыто, а костелъ Св. Терезіи съ Остробрамскою часовнею и иконою Богородицы, о которой бывшій въ то время архіепископъ минскій Анатолій писалъ къ оберъ-прокурору святѣйшаго синода, что она есть „древнее достояніе православной церкви," подлежало передать православному духовенству. Но этой передачи не послѣдовало и по настоящее время. Дѣло поведено было такъ искусно, что, вмѣсто настоящаго костела Св. Терезіи кармелитовъ босыхъ, находящагося въ Вильнѣ, назначили къ передачѣ костелъ Св. Терезіи тѣхъ же кармелитовъ босыхъ, находящійся внѣ города, за рѣкою Виліей. Но православное духовенство отказалось принять этотъ костелъ. Въ 1844 году монастырь кармелитовъ передали православному духовенству, а костелъ, переименованный Остробрамскимъ и сдѣланный приходскимъ, и часовня съ иконою поступила въ вѣдѣніе бѣлаго римско-католическаго духовенства.

Политическое значеніе Остробрамской часовни, котораго не лишены и Остробрамскіе молитвенники на польскомъ языкѣ, особенно изданные въ Парижѣ, весьма замѣтно усилилось передъ мятежемъ 1863 года. Великолѣпно украшенная въ 1857 г., она все болѣе и болѣе привлекала къ себѣ народъ частыми торжественными богослуженіями, совершаемыми съ музыкой и пѣніемъ. Польскіе агитаторы пользовались стеченіемъ народа для возбужденія толпы противъ правительства. Въ 1861 году, когда начались въ Вильнѣ политическія демонстраціи, Остробрамская часовня сдѣлалась главнымъ ихъ центромъ: здѣсь неоднократно, во время богослуженія, стоявшая на улицѣ толпа, въ двѣ и пять тысячъ человѣкъ, пѣла революціонные гимны.

Икона Остробрамской Богородицы, какъ древняя православная святыня, пользуется у мѣстнаго православнаго населенія большимъ уваженіемъ, имѣющимъ чисто религіозный характеръ; но православное богослуженіе передъ нею не совершается.

СВЯТО-ДУХОВСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Основаніе Свято-Духовской церкви приписываютъ великой княгинѣ Еленѣ Ивановнѣ, супругѣ великаго князя литовскаго Александра. Гораздо вѣроятнѣе, однако, что основаніе храма относится къ болѣе позднему времени и принадлежитъ знаменитому Свято-Троицкому братству. Въ 1592 году, Свято-Троицкое братство получило отъ короля разрѣшеніе построить для себя новую церковь. Главнымъ поводомъ къ сооруженію этой церкви, между прочимъ, послужило слѣдующее обстоятельство: въ 1590 году, по смерти митрополита Онисифора, Св. Троицкій монастырь, гдѣ братство имѣло своихъ священниковъ, отданъ былъ въ завѣдываніе виленскимъ бурмистрамъ, которые имѣли здѣсь также своихъ священниковъ. Во избѣжаніе разныхъ неудобствъ и затрудненій, происходившихъ отъ столкновеній въ отправленіи церковныхъ службъ съ бурмистровскими священниками, братство вознамѣрилось построить свою церковь на другой сторонѣ улицы, почти насупротивъ Св. Троицкой церкви и получило на то разрѣшеніе и отъ короля и отъ митрополита Михаила Рагозы. Но вѣроятно, по недостатку средствъ, братство не могло приступить къ построенію церкви ранѣе 1596 года. Въ этомъ году, какъ извѣстно, началась унія, встрѣтившая на первыхъ порахъ сильный отпоръ въ Св. Троицкомъ братствѣ, проповѣдникъ котораго Стефанъ Зизаній публично опровергалъ унію съ церковной каѳедры. Начались новыя стѣсненія для православныхъ. Михаилъ Рагоза выхлопоталъ у короля грамоту, запрещавшую имъ избирать для себя особыхъ священниковъ и повелѣвавшую отнять у нихъ особый алтарь въ Троицкой церкви. Это заставило братчиковъ серьезно подумать о построеніи своей собственной церкви.

Въ 1597 году, какъ положительно извѣстно, церковь уже строилась. Первоначально она возведена была изъ дерева и въ такомъ видѣ существовала до 1633 года, какъ это видно изъ грамоты Владислава IV. При вновь выстроенной церкви основанъ былъ вскорѣ архимандритомъ братскимъ Леонтіемъ Карповичемъ и монастырь для монашескаго общежитія. Въ началѣ XVII столѣтія братство уже обращало свои доходы на Свято-Духовскую церковь, о чемъ уніаты неоднократно жаловались подлежащимъ судебнымъ мѣстамъ. Наконецъ, въ 1609 году, уніатскій митрополитъ Потѣй отнялъ у православныхъ Свято-Троицкій монастырь, изгналъ архимандрита Самуила Сенчилу и на его мѣсто назначилъ Велямина Рутскаго, приверженца уніи и пріятеля іезуитовъ. Эти обстоятельства окончательно заставили братство переселиться къ Свято-Духовской церкви, съ училищемъ, богадѣльнею и типографіей. Но и здѣсь братство не имѣло покоя. На первыхъ же порахъ оно должно было выдержать борьбу за свое существованіе съ могущественнымъ Потѣемъ, который всѣми мѣрами старался лишить братство всѣхъ правъ и перенести ихъ на уніатское братство, организованное архимандритомъ Рутскимъ при Св. Троицкой церкви. Отстаивая свои права, братство не оставалось равнодушнымъ зрителемъ бѣдствій православнаго западно-русскаго народа.

Фанатизмъ уніатовъ и латинянъ въ это время, казалось, не имѣлъ предѣловъ.

Что дѣлалось тогда въ одной Вильнѣ, достаточно можно видѣть изъ рѣчи Лаврентія Древинскаго, члена Свято-Духовскаго братства, сказанной на сеймѣ 1620 г. „Въ Вильнѣ не вопіющее ли притѣсненіе?“, говорилъ Лаврентій Древинскій представителямъ польскаго королевства. „Тѣло мертваго благочестиваго православнаго, когда хотятъ за городъ проводить, то тѣ самыя ворота, коими всѣ ходятъ и ѣздятъ, даже жиды и татары, запираютъ такъ, что православные находятъ себя вынужденными мертвеца своего выносить въ тѣ ворота, коими одну только нечистоту городскую вывозятъ. Монаховъ, непреклонныхъ къ уніи, ловятъ, бьютъ, въ темницы заключаютъ. Даже въ полученіи воды бѣдные крайне нуждаются.“ Потѣй отнималъ у православныхъ въ Вильнѣ одну церковь за другою. Св. Духовское братство отстаивало права православныхъ, разсылало по всей Литвѣ грамоты съ оповѣщеніемъ о дѣлахъ виленскихъ и съ призывомъ на помощь. Членъ братства Мелетій Смотрицкій изобразилъ бѣдствія православныхъ въ прекрасномъ, поэтическомъ произведеніи, „Ѳриносъ“ или Плачъ Восточной церкви. Воодушевленіе православныхъ росло, а вмѣстѣ съ нимъ увеличивалось и нравственное значеніе Св. Духовскаго братства. Вопросъ о вѣрѣ возбужденъ былъ членами братства на сеймикахъ и перенесенъ на сеймъ. По настоянію православныхъ, на сеймѣ 1609 года, на который прибыли многіе члены Св. Духовскаго братства, постановлено было, чтобы „православные и уніаты жили мирно и не нарушали общественнаго спокойствія, подъ опасеніемъ сильнаго штрафа и чтобы возникающія по этому вопросу дѣла разбиралъ и рѣшалъ уголовный судъ.

Но этимъ не ограничилась дѣятельность братства. У православныхъ не было школъ и, что всего важнѣе, не было высшей іерархіи. Свято-Духовское братство употребило особенныя старанія и средства для удовлетворенія этихъ нуждъ православнаго западно-русскаго народа. Оно устроило при Св. Духовскомъ монастырѣ въ довольно значительныхъ размѣрахъ училище, для котораго настоятель монастыря извѣстный Мелетій Смотрицкій составилъ первую славянскую грамматику. Удовлетворяя второй, столь же существенной нуждѣ православныхъ, Свято-Духовское братство воспользовалось прибытіемъ въ 1620 году въ Кіевъ іерусалимскаго патріарха Ѳеофана. Со всѣхъ концовъ западной Россіи собирался въ Кіевъ православный народъ. Въ разныхъ пунктахъ происходили выборы кандидатовъ въ епископы. Свято-Духовское братство избрало и послало Мелетія Смотрицкаго, который былъ посвященъ на Полотскую епископію. Радость православнаго западно-русскаго народа по случаю этого необыкновеннаго событія, возстановленія православной высшей іерархіи, была необыкновенная; но она продолжалась не долго. Поднялась вся іезуитская партія, понимавшая хорошо, какой вредъ наноситъ уніи дѣятельность патріарха и стала доказывать, что патріархъ—шпіонъ турецкаго султана, и посвященные имъ архіереи его агенты. Польское правительство повѣрило этому, и начались неслыханныя преслѣдованія православныхъ, въ особенности Свято-Духовскаго братства, которое обвиняли въ турецкихъ интригахъ и стали гнать его съ неумолимою жестокостію. Всѣ члены магистрата, бывшіе членами братства, были лишены должностей и посажены въ тюрьму. На улицахъ хватали каждаго, кого подозрѣвали въ усердіи къ православной вѣрѣ; бросали въ Свято-Духовъ монастырь камни и обожженныя полѣнья, съ цѣлью поджечь его. Это было въ 1621 году, въ страстную седьмицу, когда православные меньше всего ожидали нападенія.

Вскорѣ послѣ этого, именно въ 1623 году, въ Витебскѣ былъ убитъ полотскій уніатскій епископъ Іосафатъ Кунцевичъ. Начались новыя гоненія на Св. Духовское братство, которое обвинили въ томъ, будто оно, чрезъ своихъ агентовъ и кознями своего епископа Смотрицкаго, подстрекало жителей Витебска къ убійству Кунцевича. Спустя нѣкоторое время послѣ этого событія братство еще болѣе огорчено было извѣстіемъ объ измѣнѣ православію Мелетія Смотрицкаго, котораго оно само возвело на столь высокій постъ. При всемъ томъ оно не падало духомъ; и чѣмъ сильнѣе становилась ненависть къ нему латинянъ и уніатовъ, тѣмъ болѣе усиливалась его дѣятельность. Не было ни одной клеветы, ни одного обвиненія, которое бы братство не опровергало

печатно въ издаваемыхъ имъ сочиненіяхъ. Въ 1623 году имъ составлена была и напечатана отъ лица всѣхъ православныхъ западно-руссовъ протестація къ сейму противъ всѣхъ неистовствъ латинянъ и уніатовъ. „Враги наши", сказано въ этой протестаціи, „рѣшились истребить совершенно русскую вѣру; но мы можемъ увѣрить ихъ, что тогда только будетъ истреблена русская вѣра, когда не останется ни одного русскаго человѣка!"

Въ 1632 году умеръ Сигизмундъ III, дѣйствовавшій подъ вліяніемъ іезуитовъ. На престолъ вступилъ его сынъ Владиславъ. Православные вздохнули свободнѣе. Свято-Духовское братство приготовило ко времени избирательнаго сейма два сочиненія: „Synopis" или обозрѣніе правъ западно-русскаго православія и „Supplementum" или дополненіе къ „Synopis", и тѣмъ оказало великую услугу православнымъ, представители которыхъ на сеймѣ, защищая права православныхъ своихъ соотечественниковъ, руководствовались этими сочиненіями. На этомъ сеймѣ права православныхъ были возстановлены, хотя на нѣкоторое время, и бурная историческая дѣятельность Св.-Духовскаго братства прекращается. Сколько времени существовало оно послѣ этого, неизвѣстно.

На смѣну Св.-Духовскому братству выступили новыя силы, которыя сосредоточились исключительно на юго-западѣ Россіи — въ Кіевѣ. Въ Вильнѣ же православно-русскій элементъ сталъ ослабѣвать и въ замѣнъ того распространилось и усилилось латино-польское вліяніе. Одна только Св.-Духовская обитель уцѣлѣла отъ захвата уніатовъ и до послѣдняго времени служила единственнымъ убѣжищемъ для незначительнаго числа православныхъ, не измѣнившихъ вѣрѣ отцовъ своихъ. Въ 1703 г. архимандритъ Исаакъ съ братіею получили отъ Петра Великаго грамоту, въ которой имъ, сообразно съ ихъ просьбою, позволялось пріѣзжать въ Москву „для милостыни, которой они просятъ отъ благочестивыхъ".

Въ 1708 году архимандритъ Ѳеоѳанъ съ братіею обратились къ императору Петру съ просьбою, чтобы государь повелѣлъ „для ихъ разоренія отъ Шведовъ" въ томъ ихъ монастырѣ въ церковь Божію святыя иконы и церковную всякую утварь построить. „Петръ повелѣлъ дать своего государскаго жалованья на церковное и монастырское строеніе денегъ триста рублевъ, да на милостыню братіи за текущій 1708 годъ, пятьдесятъ рублей. Сверхъ того въ соборную церковь въ два предѣла пожаловано „къ служенію книгъ печатныхъ разныхъ три круга церковныхъ". Съ тѣхъ поръ, Свято-Духовская обитель постоянно находилась въ милостивомъ призрѣніи русскихъ государей. Въ 1733 году Императрица Анна Іоанновна повелѣла выдать архимандриту Амвросію Юшкевичу экстраординарной суммы триста рублей и, въ тоже время, увеличила ежегодное денежное жалованье еще на пятьдесятъ рублей.

Но не въ одной только матеріальной помощи нуждалась православная обитель. Когда польская республика начала свое преслѣдованіе диссидентовъ, изъ Свято-Духовской обители раздался первый голосъ, призывавшій русское правительство не только къ защитѣ православныхъ, но и къ возсоединенію Западнаго края. Игуменъ виленскаго Свято-Духовскаго монастыря Ѳеоѳанъ Леонтовичъ, въ донесеніи, поданномъ Св. Сѵноду, писалъ, что литовскіе протестанты зазываютъ православныхъ соединиться съ ними, и просить покровительства прусскаго короля. Подобное предложеніе сдѣлано было самому Леонтовичу, но онъ, по собственному объясненію, не рѣшался искать иной защиты, кромѣ единовѣрныхъ государей; въ тѣхъ же чувствахъ онъ надѣялся удержать и свою виленскую паству. Онъ писалъ, кромѣ того, что коренное народоселеніе жаждетъ полнаго присоединенія къ русской имперіи, и что „тако Россійскому нашему государству можно будетъ на 600 верстъ самой лучшей и плодоноснѣйшей земли съ безчисленнымъ православнымъ народомъ предъ всѣмъ свѣтомъ праведно и правильно у поляковъ отобрать".

Свято-Духовское братство еще въ 1588 г. получило отъ патріарха константинопольскаго право ставропигіи, т. е. оно непосредственно подчинено было константинопольскому патріарху и не зависѣло отъ мѣстной церковной власти. Переселившись изъ Троицкаго монастыря, братство передало это право Св. Духовскому монастырю, и потому всѣ православные монастыри въ Литвѣ, мужскіе и женскіе, были подчинены Св. Духову монастырю. Изъ настоятелей этого монастыря болѣе извѣстны: Леонтій Карповичъ, первый настоятель; Мелетій Смотрицкій, впослѣд-

ствіи полотскій архіепископъ; Амвросій Юшкевичъ, извѣстный своими проповѣдями, впослѣдствіи архіепископъ новгородскій. Здѣсь два раза проповѣдывалъ Святитель Димитрій Ростовскій [1]).

Частые опустошительные пожары, которымъ не разъ подверглась Вильна, не щадили Св. Духова монастыря. Въ 1749 году онъ сгорѣлъ вмѣстѣ съ церковію; остались однѣ стѣны. Нынѣ Свято-Духовская обитель, со своимъ высокимъ куполомъ и двумя башнями, благолѣпно устроенная внутри, составляетъ драгоцѣнную святыню для всѣхъ православныхъ жителей края, какъ по историческому своему значенію, такъ и по тому, что здѣсь почиваютъ мощи первыхъ страдальцевъ за православіе въ Литвѣ, святыхъ Виленскихъ мучениковъ—Антонія, Іоанна и Евстафія. Здѣсь же погребенъ митрополитъ литовскій и виленскій Іосифъ.

Свято-Духовское братство, оказавшее столь незабвенныя услуги православію въ Западной Россіи, возстановлено 6-го августа 1865 года по благословенію покойнаго митрополита Іосифа и съ разрѣшенія бывшаго главнаго начальника края К. П. Фонъ-Кауфмана.

Со дня своего возобновленія, Свято-Духовское братство продолжало служить русскому дѣлу въ краѣ, заботясь о поддержаніи и украшеніи мѣстныхъ православныхъ храмовъ и о развитіи духовнаго просвѣщенія въ народѣ. Въ 1868 году оно осчастливлено было высокимъ вниманіемъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича: 6-го августа сего года, въ общемъ собраніи братства, бывшій попечитель Виленскаго учебнаго округа, г. Батюшковъ предъявилъ собранію о милостивомъ соизволеніи Государя Наслѣдника Цесаревича на принятіе званія почетнаго члена Свято-Духовскаго братства. Принявъ съ признательностію оказанную братству честь, собраніе тогда же постановило: просить дозволенія Его Высочества ходатайствовать объ учрежденіи при Молодечненской учительской семинаріи особой стипендіи имени Государя Наслѣдника Цесаревича и, въ память этого событія, отпустить изъ собственныхъ же средствъ братства 1500 руб. на обновленіе Троицкаго собора въ Вильнѣ, при коемъ въ XVI вѣкѣ возникло братство. О таковомъ постановленіи общаго собранія Свято-Духовскаго братства, Батюшковъ имѣлъ счастіе немедленно довести до свѣдѣнія Государя Наслѣдника Цесаревича, по тогдашнему мѣстопребыванію Его Высочества въ Ливадіи. На депешу г. Батюшкова, 8-го августа послѣдовала на его имя слѣдующая отвѣтная телеграмма:

„Прошу передать Мою искреннюю благодарность Свято-Духовскому братству за пожертвованія, сдѣланныя имъ въ Мою честь, и пожелать ему постояннаго развитія и укрѣпленія“.

„Александръ“.

Эти драгоцѣнныя слова останутся навсегда въ лѣтописи Свято-Духовскаго братства, служа для всѣхъ его членовъ высокимъ поощреніемъ къ продолженію ихъ дѣятельности на пользу Церкви и просвѣщенія въ краѣ.

---

[1]) Онъ пріѣзжалъ въ Вильну въ 1679 г. по просьбѣ мѣстныхъ православныхъ жителей. Здѣсь же временно останавливался извѣстный защитникъ и поборникъ православія, архіепископъ Могилевскій Георгій Конисскій, когда отправлялся на сеймъ для защиты православія.

ПЕЩЕРНАЯ ЦЕРКОВЬ СВ. ВИЛЕНСКИХЪ МУЧЕНИКОВЪ И УСЫПАЛЬНИЦА МИТРОПОЛИТА ІОСИФА.

Въ церкви Свято-Духовскаго монастыря, подъ алтаремъ, находится пещера, гдѣ нынѣ почиваютъ мощи Св. Виленскихъ мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстафія и покоится тѣло высокопреосвященнаго Іосифа, Митрополита литовскаго и виленскаго.

До половины XVII столѣтія мощи Св. Виленскихъ мучениковъ находились въ Св. Троицкой церкви, построенной на томъ самомъ холмѣ, на которомъ пострадали святые мученики. Во время войны Алексѣя Михайловича съ Польшею (1655 — 1661 г.), Вильна, послѣ довольно продолжительной осады, была взята русскими войсками. Управленіе городомъ было поручено царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ воеводѣ князю Шаховскому. Пользуясь его покровительствомъ и содѣйствіемъ, православные жители города возвратили нѣсколько отнятыхъ у нихъ уніатами православныхъ церквей, въ томъ числѣ и Св. Троицкій монастырь, вынесли мощи Св. Виленскихъ мучениковъ изъ Св. Троицкой церкви и положили ихъ въ Св. Духовской церкви, въ подъалтарной пещерѣ, которая тогда была простымъ и тѣснымъ склепомъ. Но долго еще послѣ того святыя мощи хранились подъ спудомъ, въ простомъ деревянномъ гробѣ, сдѣланномъ, какъ гласитъ преданіе, изъ того дуба, на которомъ были повѣшены и замучены Св. страстотерпцы. И хотя благочестивыми богомольцами неоднократно дознана была у гроба мучениковъ помощь духовная и тѣлесная, однако открытаго чествованія мощей еще не было. Въ 1826 году съ разрѣшенія Св. Сѵнода послѣдовало открытіе мощей. Но входъ въ пещеру былъ весьма неудобенъ, такъ что богомольцамъ приходилось спускаться туда по очень крутымъ и узкимъ ступенямъ. На это неудобство въ Бозѣ почившій митрополитъ обратилъ свое попечительное вниманіе. Его заботливостію была собрана по подпискѣ довольно значительная сумма, на которую въ 1851 году, съ разрѣшенія Св. Сѵнода, былъ сдѣланъ удобный входъ въ пещеру, и самая пещера расширена и обращена въ благолѣпную церковь; того же года, 14 Апрѣля, въ день смерти мучениковъ, церковь была торжественно освящена. На тѣ же средства была изготовлена прекрасная бронзовая вызолоченная рака, въ которую въ 1852 г., тоже въ день памяти мучениковъ, съ особымъ торжествомъ, совершено было митрополитомъ Іосифомъ переложеніе Св. мощей, при многочисленномъ стеченіи народа. Здѣсь же подъ ракою Св. угодниковъ покойный Митрополитъ Іосифъ устроилъ для себя въ землѣ каменный гробъ и прикрылъ его чугунною плитою съ надписью: „Помяни, Господи, во царствіи Твоемъ раба Твоего святителя Іосифа. Святые Виленскіе мученики, Антоніе, Іоанне и Евстафіе, молите Бога о мнѣ.“ Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ сего, именно въ 1868 г. 23 Ноября архипастырь почилъ отъ дѣлъ своихъ, и похороненъ въ устроенномъ имъ самимъ гробѣ. Въ благочестивой заботливости о будущности своей

и своихъ сподвижниковъ, почившій архипастырь завѣщалъ, чтобы ежегодно въ субботу первой недѣли великаго поста была совершена у гроба Св. мучениковъ заупокойная литургія съ панихидою о всѣхъ почившихъ сподвижникахъ въ спасительномъ дѣлѣ возсоединенія уніатовъ съ православною каѳолическою церковью. Съ этою цѣлью еще въ 1849 году пожертвовалъ онъ Св. Духовскому монастырю неприкосновенный капиталъ въ три тысячи рублей, съ тѣмъ, чтобы одна часть процентовъ шла на братію монастыря, другая была раздаваема нищимъ безъ различія вѣроисповѣданія, а третья на поддержаніе лампады у гроба святыхъ мучениковъ.

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКАЯ И НОВОГЕОРГІЕВСКАЯ ЧАСОВНИ.

Въ настоящемъ изданіи, посвященномъ русской старинѣ города Вильны, помѣщаются виды двухъ православныхъ часовень, воздвигнутыхъ въ недавнее время, но весьма важныхъ по своему значенію и составляющихъ превосходныя произведенія искусства.

Александровская часовня заложена 22 Октября 1863 года и освящена 30 Августа 1865 года, въ воспоминаніе доблестныхъ подвиговъ русскихъ воиновъ и для поминовенія въ ней тѣхъ изъ нихъ, которые пали на полѣ брани, защищая права Россіи и законнаго правительства противъ мятежа и крамолы.

По Высочайшему Его Императорскаго Величества соизволенію, Александро-Невская часовня сооружена на счетъ суммы, образовавшейся въ 1863 году изъ добровольныхъ пожертвованій разныхъ городскихъ обществъ Сѣверо-Западнаго края.

Часовня сооружена осмигранникомъ въ византійскомъ стилѣ. Стѣнки террасы, ступени и полъ вытесаны изъ краснаго финляндскаго гранита, а рѣшотка по верху террасы отлита изъ цемента. Цоколь часовни вытесанъ изъ одного цѣльнаго камня мѣстнаго гранита и отполированъ.

Всѣ пристѣнныя колонны, полукруглыя и другихъ формъ, карнизы и всѣ рельефные орнаменты, какъ снаружи, такъ и внутри, отлиты изъ цемента, которымъ отштукатурены и стѣны и всѣ наружныя части зданія. Стѣны нижняго яруса, совершенно закрытыя огромными семью досками бѣлаго мрамора (вышины $4^1|_2$, ширины 2 арш.), на которыхъ вырѣзаны и вызолочены имена русскихъ воиновъ, павшихъ при усмиреніи послѣдняго мятежа въ виленскомъ военномъ округѣ. Надъ входомъ, въ полукруглой части поставленъ искусной работы барельефъ изъ бѣлаго мрамора, изображающій Св. икону Казанскія Божія Матери, а во второмъ ярусѣ помѣщено 8 иконъ (по двѣ на каждой изъ 4 сторонъ), писанныхъ и эмальированныхъ на лавѣ, взятой изъ Везувія. Въ самыхъ малыхъ верхнихъ аркахъ вставлены терракоты съ рельефными и цвѣтными, глазурованными херувимскими головками и крестами, поперемѣнно.

Крыша высокая, подходящая къ шпилю, облицована по желѣзнымъ стропиламъ мѣдными листами и мѣдными же по ребрамъ украшеніями, вызолоченными черезъ огонь. Плоскость шпиля вычеканена шашками, которыя по очереди то позолочены чрезъ огонь, то оксидированы по серебру. Крестъ и вся главка съ шейкой также мѣдныя и чрезъ огонь позолоченныя; всѣ карнизы выступныхъ арокъ покрыты бѣлою жестію. Входная створчатая дверь ажурная, на желѣзномъ основаніи, вычеканена изъ бронзы и каждая половина ея изъ одного цѣльнаго листа. Она оксидирована по серебру съ позолоченными крестиками и розетами. Полъ въ часовнѣ выдѣланъ изъ мрамора исключительно георгіевскихъ цвѣтовъ и по рисунку въ византійскомъ стилѣ, а панель изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ.

Наружность и внутренность часовни выкрашена восковыми красками, — первая въ два тона, а послѣдняя росписана подъ мозаику, чистыми колерами съ золотомъ и се-

ребромъ, по подобію средневѣковыхъ, греческихъ церквей. Стекла въ окнахъ зеркальныя, во весь просвѣтъ оконъ; изъ нихъ, на внутреннихъ, по матовому бѣлому полю выдѣланъ узоръ шлифовкой. Семь внутреннихъ Св. иконъ въ нижнемъ ярусѣ, почти во всю вышину его, писаны на цинковыхъ доскахъ по золотому насыпному фону. Передъ сими иконами навѣшаны лампады, выдѣланныя изъ позлащенной бронзы, въ видѣ зданій старинныхъ церквей и башень. Надъ входомъ, внутри часовни, находятся слѣдующія слова: „извѣстихомся, яко ни смерть, ни животъ, ни настоящая, ни грядущая возможетъ насъ разлучити отъ любве, яже о Христѣ Іисусѣ и Царѣ нашемъ" (Рим. VIII 37—39). Поверхъ, арокъ образныхъ подъ карнизомъ помѣщена рельефными буквами слѣдующая надпись: „Повелѣніемъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича, Самодержца Всероссійскаго, Царя Польскаго, Великаго князя Финляндскаго и проч. и проч. и проч., по ходатайству его высокопревосходительства Г. Виленскаго, Ковенскаго, Гродненскаго, Минскаго Генералъ-Губернатора, Главнаго Начальниника Витебской и Могилевской губерній Михаила Николаевича Муравьева, при Высокопреосвященномъ Іосифѣ, Митрополитѣ Литовскомъ и Виленскомъ, заложена часовня сія 22 Октября 1863 года."

Подъ образомъ Спасителя, какъ бы въ окончаніе этой надписи, на бронзовой доскѣ, начертано: „сія часовня во имя Св. Благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго освящена Августа 30 дня 1865 года, при Главномъ Начальникѣ Сѣверо-Западнаго края Генералъ-Адъютантѣ Константинѣ Петровичѣ Фонъ-Кауфманѣ."

При часовнѣ построена сторожка, въ которой помѣщаются два инвалида, для постояннаго наблюденія за часовней.

Въ 1863 году, во время польскаго мятежа, при погребеніи русскихъ воиновъ, павшихъ въ стычкахъ съ мятежниками, въ окрестностяхъ города Вильны, возникла мысль объ устройствѣ памятника надъ ихъ могилами, на виленскомъ православномъ кладбищѣ. Тогда же открыта была подписка, и въ самое короткое время собрано было до 400 р. Государыня Императрица, извѣстясь объ этомъ благоволила съ Августѣйшими своими дѣтьми принять участіе въ этомъ благомъ дѣлѣ, пожертвовавъ на сей предметъ 500 рублей. Главный Начальникъ Края М. Н. Муравьевъ ассигновалъ недостающую на постройку часовни сумму, въ количествѣ 4000 р., и 29 Августа 1865 года, при особомъ торжествѣ, часовня была открыта.

Постройка этой изящной часовни произведена академикомъ Чагинымъ, подъ руководствомъ профессора А. И. Рязанова. Стиль часовни, устроенной на гранитномъ пьедесталѣ — византійскій. На трехъ ея сторонахъ, между колоннами, снаружи вдѣланы мраморныя доски, величиною въ 3 аршина, шириною въ 1½ аршина, на коихъ вырѣзаны золоченными буквами имена падшихъ и здѣсь погребенныхъ воиновъ. Внутри часовни помѣщенъ образъ Св. Георгія, превосходной работы, академика Тихобразова, и при немъ лампада. Памятникъ этотъ есть новое звѣно, соединяющее Вильну съ другими русскими городами.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТЕКСТА

ПЯТАГО ВЫПУСКА

ПАМЯТНИКОВЪ РУССКОЙ СТАРИНЫ

ВЪ

ЗАПАДНЫХЪ ГУБЕРНІЯХЪ ИМПЕРІИ.

Старн.

Предисловіе 3

Очеркъ исторіи города Вильны. — **В. Г. Васильевскаго**. 9

О древнихъ православныхъ церквахъ города Вильны 81

Николо-Перенесенская церковь 85

Пятницкая (Св. Параскевы) церковь 87

Пречистенскій (Успенскій) соборъ 89

Свято-Троицкая церковь 95

Икона Остробрамской Богородицы 97

Свято-Духовскій монастырь 99

Пещерная церковь Св. великомучениковъ виленскихъ и усыпальница митрополита Іосифа 103

Александро-Невская и Георгіевская часовни 105

Указатель.

УКАЗАТЕЛЬ
ЛИЦЪ, МѢСТЪ И ПРЕДМЕТОВЪ,

ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ

ВЪ ПЯТОМЪ ВЫПУСКѢ

„ПАМЯТНИКОВЪ РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

ЛИЦА.

Абрамовичъ, Иванъ, протестантъ, Смоленскій воевода. Жена его, православная, принимаетъ участіе въ постройкѣ русской церкви, 1597, 51. Самъ онъ засѣдаетъ на Виленскомъ съѣздѣ православныхъ и протестантовъ въ 1599 году, 55.

Прим. Его иждивеніемъ изданъ въ Вильнѣ въ 1598 году протестантскій «Катихизисъ». Также ему приписывается сочиненіе, вышедшее въ 1595 году, «Zdanie Litwina o kupczy taniej zboza a drogiej przedazy.» Принималъ весьма дѣятельное участіе въ Торунскомъ протестантскомъ съѣздѣ.

Александръ VI, папа, письмо къ нему отъ «отметника» Іосифа, 25.

Александръ Львовъ, священникъ Пятницкой церкви, 64, 87.

Александръ Михайловичъ, Тверской князь, на дочери котораго, Ульянѣ, женился въ 1349 году Ольгердъ, 14.

Алексій, митрополитъ Кіевскій и всея Руси, перенесъ мощи св. Виленскихъ мучениковъ въ церковь Троицкую, 14.

Алексѣй, Лавришевскій архимандритъ, назначенный въ 1524 году въ Троицкій монастырь, послѣ Тихона, 30.

Алексѣй Михайловичъ, Московскій Царь. Во время завоеванія имъ Вильны, мощи св. Виленскихъ мучениковъ были перенесены въ Св.-Духовскую церковь, 14.

Альбрехтъ Австрійскій. На его дочери женился Казиміръ Ягайловичъ, 22.

Амфилохій, епископъ Владиміро-Волынскій, скончался въ 1123 году, 93.

Анастасія, дочь Гедимина, супруга сына Ивана Калиты, 11.

Анатолій, архіепископъ Минскій, писавшій около 1832 года оберъ-прокурору свят. синода, что икона Остробрамской Богородицы есть «древнее достояніе православной церкви», 98.

Андрей Боголюбскій, великій князь, владѣвшій нѣкоторое время Пинскимъ удѣломъ, 93.

Анна, супруга Витовта, тѣло ея погребено въ католическомъ каѳедральномъ соборѣ, рядомъ съ ея супругомъ, 21.

Аннибалъ, дѣдъ поэта А. С. Пушкина, былъ воспринятъ отъ св. крещенія Петромъ Великимъ въ Виленской Пятницкой церкви, 88.

Антоній, Св. Виленскій Мученикъ, въ язычествѣ — Нежило, 13.

Арефа Печерскій, Преподобный, родомъ изъ Полотска, 94.

Арсеній, епископъ Димонитскій, 90.

Аѳанасій, Преподобномученикъ Брестскій, 93.

Прим. Діаріушъ Аѳанасія Филипповича, игумена Брестскаго, до сихъ поръ еще ждетъ издателя и хранится въ Московской Синодальной Библіотекѣ.

Бабичъ, Яковъ, старшій Виленскій бурмистръ и содержатель извѣстной старопечатни, изъ которой вышелъ Виленскій «Апостолъ» 1525 года и другія книги, 33.

Балабанъ, Гедеонъ, Львовскій владыка, 51.

Балинскій, Михаилъ Игнатьевичъ, извѣстный ученый. Отзывъ о его сочиненіи «Historya miasta

Wilna», 9—10. Ссылка на его «Исторію Виленской академіи», 75.
Бантышъ-Каменскій — ссылка на его сочиненіе «Историческое извѣстіе объ уніи», 83.
Барановъ, графъ Эдуардъ Трофимовичъ, б. главный начальникъ сѣверо-западнаго края, 92.
Батюшковъ, Помпей Николаевичъ, б. Попечитель Виленскаго учебнаго округа (съ 13 марта 1868 года по 23 октября 1869 года), Членъ Совѣта министра народнаго просвѣщенія, Вице-Президентъ коммиссіи построенія храма Христа Спасителя. По Высочайшему повелѣнію, ему поручено собираніе и изданіе «Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ Имперіи», 4. Телеграмма къ нему отъ Наслѣдника Цесаревича, 102.
Бисмаркъ, князь, государственный канцлеръ Германской Имперіи. Одно мѣсто изъ его рѣчи къ польскимъ депутатамъ поставлено эпиграфомъ въ настоящемъ изданіи, 7.
Бландрата, итальянецъ, сперва евангеликъ, а потомъ—антитринитарій, 36.
Прим. Онъ былъ лейбъ-медикомъ при Стефанѣ Баторіѣ, оставилъ сочиненія, изданныя уже впослѣдствіи.
Бобриковичъ, Леонтій, священникъ Воскресенской церкви, 64.
Болгариновичъ, Іосифъ, сперва Смоленскій епископъ, а потомъ митрополитъ. Прозванъ «отметникомъ» за измѣну вѣрѣ православной и за связи съ Римомъ, 24—25.
Бона, королева, супруга Сигизмунда I, 34.
Боргезе, кардиналъ, 75.
Боровинъ, Остафій Максимовичъ, Виленскій радца, 50.
Будный, Симонъ, извѣстный социніанинъ, издавшій въ Несвижѣ, въ 1562 году, «Катихизисъ» и «Оправданіе» на языкѣ русскомъ, 43.
Буйвилъ, Янъ, дворянинъ, 67.
Бунге, издатель историческихъ актовъ, касающихся Прибалтійскаго края, 10.
Бѣлкевичъ, Сильвестръ, митрополитъ, 41.

Валленродъ, Конрадъ, великій магистръ ордена крестоносцевъ, 18.
Варшевицкій, ученый и извѣстный іезуитъ, 36.
Василій, священникъ Троицкаго братства, 47, 49, 50.
Василій Ивановъ, священникъ Покровской церкви, 64.
Василій Мартыновичъ, попъ Воложинскій, 42.
Вассило, Андрей, Виленскій католическій епископъ, 11, 17.
Василовичъ, Иванъ, посолъ отъ церковнаго Виленскаго братства, 50.
Васильевскій, Василій Григорьевичъ, доцентъ Петербурскаго университета, написавшій «Очеркъ исторіи города Вильны», 9—80.
Велковичъ, мѣщанинъ Виленскій, 42.
Венгерскій, Андрей, авторъ книги «Slavoniae reformatae libri quatuor», изданной въ 1679 году въ Амстердамѣ, 53.
Вендроговскій, Николай, пасторъ Виленской общины, 36.
Вендландъ, Іоахимъ, нѣмецъ пасторъ, 78.
Вербовецкій, Василій, Городенскій протопопъ, 71.
Виклефъ, проповѣдникъ въ Вильнѣ, одноименный съ англійскимъ, 34.
Витовтъ, великій князь Литовскій, 16; скончался въ Трокахъ, погребенъ въ Виленскомъ каѳедральномъ соборѣ, 21.
Война, Бенедиктъ, администраторъ Виленской католической епархіи, 56.
Воланъ, Андрей, 35.
Волковичъ, Исаакъ, 65.
Воловичи, 43, 51.
Воронецъ, Николай, 67.
Выриковскій, Арнольфъ, 67.
Вяземскій, письмо къ нему Императрицы Екатерины II, 7.

Гартлибъ, ректоръ Виленской кальвинской школы, 79.
Гаштольдъ, современникъ Гедимина, 15.
Гедеонъ, архидіаконъ изъ Дубны, 53.
Гедиминъ, великій князь. Ему приписывается построеніе Вильны, 9. Гедиминъ былъ женатъ три раза; двѣ супруги его были русскія по происхожденію; одна дочь его, Анастасія, отдана была за сына Ивана Калиты, 11.
Прим. Подробная монографія о Гедиминѣ, принадлежащая перу В. Г. Васильевскаго, помѣщена въ февральской книжкѣ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» за нынѣшній годъ.
Геліашевичъ, ксендзъ-плебанъ, 51.
Геннадій, Преподобный, родомъ изъ Могилева-на-Днѣпрѣ, настоятель Сурскаго монастыря, 93.
Герасимъ, дьяконъ, 47.
Герасимъ, братскій священникъ, 49.
Германъ Вартбергскій, лѣтописецъ, 10.
Гертихъ, протестантъ, 56.
Гилберъ-де Лануа, авторъ путешествія, 21.
Гильтебрандтъ, Петръ Андреевичъ. Ссылка на его «Описаніе Рукописнаго Отдѣленія Виленской Публичной Библіотеки», 26.
Гильфердингъ, Александръ Ѳедоровичъ. Ссылка на его монографію о Гусѣ, 54.
Глинскій, Михаилъ, королевская къ нему грамота, 23; побѣда, одержанная имъ надъ Татарами, 28
Гличнеръ, Еразмъ, депутатъ отъ лютеранской церкви, 53.
Глѣбовичи—ихъ переходъ изъ православія въ протестантизмъ, 43.
Гозій, Ульрикъ, знаменитый виленскій строитель, 31. Королевская мельница въ Вильнѣ имъ построена; но, къ сожалѣнію, этотъ древній памятникъ сломанъ, по распоряженію администраціи, въ 1870 году.
Гозій, Янъ, сынъ Ульрика, 31.
Голимонтъ, Макарій, іеродіаконъ, 67.
Гольшанская, княжна Татьяна, супруга князя Константина Ивановича Острожскаго, 90.
Горностай, Иванъ, 82.
Григорій, митрополитъ Кіевскій, «ученикъ Сидоровъ», т. е. приверженецъ флорентійской уніи, 32.

Григорій, писарь митрополита Рогозы, 49.
Григорій XIII, папа, 39.
Гружевскій, Григорій, іезуитъ, 62.
Грязновъ, Василій Васильевичъ, художникъ, принималъ участіе въ V-мъ выпускѣ «Памятниковъ русской старины», 6.

Дашковичъ, Гавріилъ, посолъ отъ церковнаго виленскаго братства, 50.
Дезо, французъ-кальвинистъ, виленскій купецъ, 79.
Демьяновичъ, Андрей Петровичъ, принималъ участіе въ составленіи текста V-го выпуска «Памятниковъ русской старины», 6.
Демьянъ, священникъ Росской церкви, 48.
Дерби, Генрихъ, сынъ графа Ланкастерскаго, впослѣдствіи знаменитый Генрихъ IV, король Англіи, принималъ участіе въ походѣ ливонскихъ рыцарей на Вильну, въ 1390 году, 18.
Десарани, Антонъ, студентъ виленской академіи, 51.
Димитрій Св. Ростовскій, проповѣдывавшій въ Виленскомъ Св.-Духовскомъ и Слуцкомъ монастыряхъ, 94.
Дзялынскій, графъ, издатель, 10.
Длугошъ, польскій хроникаръ, 19.
Древинскій, Лаврентій, членъ Св.-Духовскаго братства, 100.
Дѣвочка, Онисифоръ, митрополитъ, 42.
Дѣевъ, полковникъ, убитый ксендзомъ-кармелитомъ Целицей, 98.

Евгеній, кіевскій митрополитъ. Ссылка на его книгу, 26.
Евпраксія, Преподобная, княгиня Псковская, дочь Литовскаго князя Рогволода Борисовича, 93.
Евстафій, св. виленскій Мученикъ, 14.
Евфросинія, Преподобная, княжна Полотская, 93.
Екатерина II; мѣсто изъ ея письма къ князю Вяземскому, взятое въ эпиграфъ, 7.
Елена Ивановна, дочь Московскаго царя, супруга литовскаго князя Александра, 24, 30. Скончалась въ январѣ 1513 года, погребена въ Пречистенскомъ соборѣ, 30.
Елеонскій, Ѳедоръ Герасимовичъ, принималъ участіе въ составленіи текста V-го выпуска «Памятниковъ русской старины», 6.
Елизавета Австрійская, 23.
Емельянъ, священникъ Ивановской церкви, 48.
Емельянъ, священникъ Юрьевской церкви, 50.
«Ендрихъ» — нѣмецъ, 83.

Жашковскій, см. Шашковскій, 61.
Животкевичъ, Яковъ, 83.
Жоховскій, 84.

Зацкій, Симонъ, 35.
Здановичъ, Григорій, 50.
Зебржидовскій, 57.
Зеноби, 31.
Зеновичевая, 82.
Зеновичи, 43.
Зеновичъ, 51.
Зеновичъ, Христофоръ, 55.
Зизаній, Стефанъ, 48.
Зоммеръ, лютеранскій проповѣдникъ, 40.

Иванъ Александровичъ, священникъ Петропавловской церкви, 81.
Иванъ Андреевичъ, посолъ виленскаго братства, 50.
Иванъ Васильевичъ III, Московскій царь, 25.
Иванъ Васильевичъ Грозный, 39.
Иванъ Власовичъ, священникъ Росской церкви, 64.
Иванъ Семеновичъ, братскій священникъ, 57.
Изосимъ, Троицкій архимандритъ, участвовавшій въ Виленскомъ Соборѣ 1509 года, 28, 30.
Исаакъ, настоятель монастыря въ Дубнѣ, 53.
Исаакъ, Свято-Духовскій архимандритъ, 101.
Исидоръ, митрополитъ, 22.

Іеремія, патріархъ, 46.
Іеронимъ, Пражскій, посѣтившій Литву и Вильну въ 1413 году, 20.
Іероѳей, митрополитъ Монемвасійскій, 90.
Іоаннъ, въ язычествѣ Кумецъ, св. Виленскій мученикъ, 13.
Іоаннъ XXII, папа, 13.
Іовъ Почаевскій, Преподобный, много пострадавшій отъ насилія ревнителей уніи, 94.
Іона I, митрополитъ, 22.
Іона II, митрополитъ, 26, 42.
Іосафъ, Троицкій архимандритъ, 51.
Іосифъ, Кіевскій митрополитъ, 23.
Іуліанія, княжна Ольшанская, 93

Казиміръ-Коригайло, братъ Ягайлы, 18.
Казиміръ Ягайловичъ, 22.
Калита, Иванъ, 11.
Капишовскій, Демьянъ, профессоръ греческаго языка въ братской школѣ, 52.
Карамзинъ. Ссылка на него, 16.
Карповичъ, Иванъ, посолъ отъ виленскаго церковнаго братства, 50.
Карповичъ, Логинъ, свѣтскій депутатъ Св. Духовскаго братства, 67.
Карповичъ, Леонтій, первый настоятель Свято-Духовскаго монастыря, 101.
Карпь, Димитрій, виленскій подвоеводій, 66.
Кауфманъ, Константинъ Петровичъ, б. главный начальникъ сѣверозападнаго края, 88, 102, 106.
Кейстутъ, братъ Ольгерда, 13.
Кирилло, дидаскалъ, 46.
Кириллъ II, знаменитый епископъ Туровскій, 13.
Кличевскій, виленскій бурмистръ, 81.
Кнорингъ, русскій генералъ, 98.
Ковальскій, Валентинъ, иначе: Фабрицій, іезуитъ, 65.
Комулей, Александръ, папскій легатъ, 53.
Кондратовичъ, виленскій мѣщанинъ, 46.
Кононовичъ, Исаакъ, посолъ отъ церковнаго виленскаго братства, 50, 68.
Констанція, королева, 78.
Копоть, Петръ, знатный виленскій грыжданинъ, 66, 66, 67.
Корецкій. князь, православный, 54.
Корибутъ, Дмитрій, удѣльный Новгородскій князь, 16.
Коригайло-Казиміръ, братъ Ягайлы, 18.

Коріатовичи, князья, племянники Ольгерда, 15.
Корольковичъ, Прокопъ, православный виленскій обыватель, 67.
Костюшковичъ, Денисъ, православный виленскій обыватель, 67.
Котлубай, ксендзъ, 88.
Кояловичъ, Михаилъ Осиповичъ, профессоръ Петербургской духовной академіи. Упоминается о его «Литовской церковной уніи», 10.
Красовскій, Семенъ, знатный виленскій гражданинъ, 65.
Крашевскій, писатель. Отзывъ о его «Исторіи Вильны», 9—10, 75.
Кромеръ, польскій хроникаръ, 17.
Кросневицкій, Балтазаръ, полякъ, 78.
Куколь, Стефанъ, 56.
Кулинъ, Василій Петровичъ, ему поручена редакція текста V-го выпуска «Памятниковъ русской старины», 6.
Кульва, Авраамъ, протестантъ, докторъ богословія, 34.
Кунцевичъ, Іосафатъ, 61.
Курьянъ, Иванъ Андреевичъ, писарь, 50.

Лаврентій, Преподобный, епископъ Туровскій, 93.
Левонъ Ивановичъ, посолъ отъ Виленскаго церковнаго братства, 50.
Ленчицкій, Даніилъ, содержатель реформатской типографіи въ Вильнѣ, 38.
Леонтій, священникъ Воскресенской церкви, 48, 50.
Леонтовичъ, Ѳеофанъ, игуменъ Виленскаго Св. Духовскаго монастыря, 101.
Лещинскій, Андрей, протестантъ, 54—55.
Лисманини, Францискъ, итальянецъ, б. придворный проповѣдникъ королевы Боны, 34.
Лука, митрополитъ Бѣлогородскій, 51, 53.
Лукарисъ, Кириллъ, посланный съ отвѣтомъ Мелетія въ Константинополь, 55.

Маджіо, провинціалъ, 36.
Макарій, Священномученикъ, сперва намѣстникъ митрополита, Троицкій архимандритъ. а потомъ митрополитъ. Встрѣтилъ великую княгиню Елену Ивановну 15 февраля 1495 года, 24. Замученъ Перекопскими татарами 1 мая 1497 года, 93.
Макарій, архіепископъ Литовскій и Виленскій, освятилъ 8 ноября 1869 года часовню во имя архистратига Михаила, 86.
Малафей, священникъ Спасской церкви, 48.
Мамоничи, именитые виленскіе граждане, 33.
Мамоничъ, Лука Семеновичъ, 63.
Марія Ярославна, жена Ольгерда, по преданію основавшая Пятницкую церковь, 13; скончалась въ 1346 году, погребена въ Пятницкой церкви, 14.
Мартинъ, Блаженный старецъ, Туровскій затворникъ, 93.
Матвей, виленскій протопопъ, принимавшій участіе въ Виленскомъ Соборѣ 1509 года, 28.
Мелетій, патріархъ Александрійскій, 54.
Миклашевичъ, вотый, 83.
Миколаевскій, старѣйшина (сеніоръ) реформатской церкви въ Куявіи, 53.
Мисаилъ, кіевскій митрополитъ, 58.
Михайло, дьяконъ, 52.
Михаилъ Григорьевичъ, конюшій, 27.
Могила, Петръ, митрополитъ, 88.
Мокржецкій, ксендзъ, 83.
Мороховскій, секретарь митрополита, 66.
Морштинъ, виленскій купецъ, 34.
Мосальскій, Илларіонъ, Супрасльскій архимандритъ, 61.
Москаль, Константинъ Остафьевичъ, виленскій обыватель, 67, 69
Мстиславецъ, Петръ Тимоѳеевъ, печатникъ, бѣжавшій изъ Москвы, 33.
Муравьевъ, графъ Михаилъ Николаевичъ, бывшій главный начальникъ сѣверо-западнаго края, 86, 91, 106.

Нарбутъ, историкъ Литвы, 14.
Нарушевичъ, виленскій домовладѣлецъ, 46.
Несторъ, монахъ, духовникъ великой княгини Маріи Ярославны, 13.
Новгородецъ, Семенъ, братчикъ, 68.
Новоша, Петръ Юрьевичъ, возный, 51.
Нѣмоевскій, анабаптистъ, 36.

Огинскій, князь Богданъ, членъ Свято-Духовскаго братства, 61, 67.
Ольгердъ (1345—1377), 13, 14, 89. Погребенъ въ Пречистенскомъ соборѣ, 16.
Ольшанскіе, князья, 30.
Прим. Употребительнѣе: Гольшанскіе.
Ольшевскій, русскій педагогъ, воспитатель князя Огинскаго, 51.
Онисифоръ, митрополитъ, 46.
Острожская, княгиня Татьяна, 90.
Острожскій, князь Константинъ Ивановичъ, 30.
Острожскій, князь Александръ, 54.

Павелъ, православный іеромонахъ, 67, 72.
Прим. Ипатій Потѣй именуетъ его: «Павлушка чернецъ», 74.
Пареѳеновичъ, Іоаннъ, протопопъ, намѣстникъ митрополита, 47, 48, 51.
Пацъ, Николай, 64.
Паѳнутій, православный іеромонахъ, 72.
Пекарскій, кальвинистъ, живущій въ Вильнѣ, 79.
Перкунъ, Перкуновъ огонь, 9.
Петръ Великій, воспринялъ отъ св. крещенія въ Пятницкой церкви Аннибала, дѣда поэта А. С. Пушкина. Здѣсь же онъ слушалъ литургію и совершалъ молебствіе о побѣдѣ надъ Шведами, 88.
Петровскій, протестантскій пасторъ, 55.
Порошко, Иванъ, 67.
Поссевинъ, Антоній, 39.
Потѣй, Ипатій, митрополитъ, 10, 49.
Протасевичъ, Валеріанъ, виленскій бискупъ, 36.
Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ, поэтъ, 88.
Пщолка, Антоній Ивановичъ, протоіерей, настоятель Пречистенскаго собора, принималъ участіе въ составленіи текста V-го выпуска «Памятниковъ Русской Старины», 6.

Рагоза, Михаилъ, митрополитъ, 46.
Рагутисъ, литовскій Бахусъ, 87. По преданію, капище этого языческаго бога находилось на мѣстѣ Пятницкой церкви.
Радивилъ, Николай, 28.
Радивилъ, Николай Рыжій, 38.
Радивилъ, князь Николай Черный, 34, 36.
Радивилъ, Станиславъ, 39.
Радивилъ, Христофоръ, 40.
Радивилъ, Юрій, 38, 55.
Раковскій, виленскій кальвинистъ, 79.
Рангони, папскій нунцій въ Вильнѣ, 61.
Рожинскій, православный князь, 54.
Ротундусъ, войтъ, 32.
Прим. Вѣроятно, онъ упоминается въ «Описаніи Рукописнаго Отдѣленія Виленской Публичной Библіотеки», на стр. 77, 97.
утскій, митрополитъ, 61.
Рыбникъ, Карпъ, виленскій обыватель. 67.
Рѣпницкій, Тимоѳей, депутатъ Св. Духовскаго братства, 67.
Рюицъ, Петръ, настоятель архипресвитеріальной Св. Янской церкви, 37.
Рязановъ, А. И., профессоръ академіи художествъ, исполнившій рисунки для часовни во имя архистратига Михаила, 86.
Ряполовская, княгиня, пріѣхавшая въ Вильну съ великою княгиней Еленою Ивановною, 24.

Сангушко, князь, 54.
Свирскіе, князья, 43.
Свитригайло—Левъ-Болеславъ, 19.
Семенъ Ивановичъ, московскій великій князь, 14.
Сенковскій, Войтехъ, 71.
Сенчило, Самуилъ, 60.
Сенчиловичъ, Филиппъ, 69.
Сечька, Иванъ, 66.
Сигизмундъ Кейстутьевичъ, 22.
Сигизмундъ I Казиміровичъ, 28.
Сикстъ IV, папа, 58.
Симашко, Іосифъ, митрополитъ, 5, 7, 84. Изъ его проповѣдническаго слова приведенъ эпиграфъ.
Симеонъ, Троицкій братскій священникъ, 47.
Симеонъ, Преподобный, епископъ Тверскій, прежде—епископъ Полотскій, изъ рода князей Полотскихъ, раздавшій множество земель и угодій Полотскимъ церквамъ, скончался въ 1289 году, 93.
Симонетта, Франческо, папскій нунцій въ Вильнѣ, 61.
Симонъ, игуменъ Трокскаго монастыря, принимавшій участіе въ Виленскомъ Соборѣ 1509 года, 28.
Скарга, Петръ, іезуитъ, 37.
Скиригайло, князь Трокскій, 16, 17, 18.
Скорина, Францискъ, знаменитый издатель многихъ книгъ, между прочимъ, Виленскаго Апостола, 1525 года, 33.
Смиглецкій, Мартинъ, іезуитъ, профессоръ Виленской академіи, авторъ «Логики», долго употреблявшейся въ европейскихъ университетахъ, 55.
Смогоржевскій-Юноша, Ясонъ, уніатскій митрополитъ, 91.
Смотрицкій, Мелетій, 74.
Снипка, Павелъ, Виленскій купецъ, 47.
Соломерецкіе, князья, 54.
Солтанъ, Іосифъ II, митрополитъ, созвавшій Соборъ въ Вильнѣ въ 1509 году, 28.
Солтанъ, Иванъ Андреевичъ, 82.
Сопѣги, 43.
Сопѣга, Богданъ, 46.
Софроній, Троицкій архимандритъ, 50.
Софья Витовтовна, 20.
Спрогисъ, Иванъ Яковлевичъ, доставившій В. Г. Васильевскому необходимыя свѣдѣнія изъ Виленскаго Центральнаго Архива, 10.
Стефанъ, первый епископъ Владиміро-Волынскій, 93.
Стрзилудовичъ, Прокопъ, посолъ отъ виленскаго церковнаго братства, 50.
Судемунтъ, бояринъ, родственникъ Витовта, 19.
Судровскій, реформатъ, 35.
Суликовскій, Яковъ, настоятель Троицкаго монастыря, 96.
Суннеръ, Францискъ, первый іезуитъ, появившійся въ Вильнѣ, 36.
Суша, Яковъ, написавшій біографію Кунцевича, 61.

Таборъ, Войтехъ, виленскій бискупъ, 24.
Тамерланъ, 19.
Тейнеръ, современный римскій издатель историческихъ документовъ, 10, 75.
Терлецкій, Кириллъ Семеновичъ, епископъ, 49.
Тертулліанъ, Мартинъ, 78.
Тихобразовъ, академикъ, написавшій образъ Св. Георгія для виленской Георгіевской часовни, 106.
Тихонъ, настоятель Троицкаго монастыря, 30.
Тихонъ Луховскій, родомъ изъ Литвы, бѣжавшій отсюда отъ преслѣдованій папизма, 93.
Тохтамышъ, 19.
Трутневъ, Иванъ Петровичъ, академикъ. Ему, по Высочайшему повелѣнію, была поручена художественная часть V-го выпуска «Памятниковъ русской старины», 6.
Тупека, Иванъ, виленскій очередный радца русской лавицы, 67.
Турновскій, суперинтендентъ Чешскихъ Братьевъ, 53.
Тышкевичъ-Скуминъ, Ѳедоръ, 46.
Тышкевичъ-Скуминъ, Янушъ, 96.

Ульяна, дочь Тверскаго князя Александра Михайловича, на которой женился Ольгердъ, 14.

Фабрицій, см. Ковальскій, 62.
Филалетъ, Христофоръ, авторъ «Апокрисиса», 74.
Фотій, митрополитъ, 20.
Фотій, Святой, митрополитъ Московскій, бывшій неоднократно въ Вильнѣ, 93.
Франко-ди-Франко, итальянецъ, 77.
Фридрихъ, кардиналъ, 24.

Харитина, Преподобная, урожденная княжна Литовская, игуменья Новгородскаго дѣвичьяго монастыря, 93.
Ходкевичъ, Иванъ-Еронимъ, 37.

Ходкевичъ, Янъ-Карлъ, 37.
Ходкевичи, 43.
Хржанстовскій, Андрей, пасторъ Виленскаго Збора, 55, 78.

Цамвлакъ, Григорій, митрополитъ, 20.

Чеховичъ, Мартинъ, 35.
Чилли, итальянецъ, описавшій Виленскій пожаръ 1610 года, 75.
Чіампи, составитель «Критической библіографіи», 39.
Чорторыйскій, князь Адамъ, 91.

Шашковскій см. Жашковскій.
Шаховскій, князь, воевода Виленскій, 103.
Шембель, Максимъ, виленскій обыватель, 68.
Шумлянскій, виленскій бурмистръ, 42.
Шумлянскій, Гедеонъ, епископъ, 83.

Щербицкій, Осипъ Васильевичъ, принимавшій участіе въ составленіи текста V-го выпуска «Памятниковъ русской старины», 6.

Юлій II, папа, 26.
Юшкевичъ, Амвросій, архимандритъ Свято-Духовскаго монастыря, 101.

Ягайло, 14, 16.
Ядвига, 16.
Яницкій, протестантскій пасторъ, 55.
Янушкевичъ, Ѳедька, 26.
Янъ, виленскій бискупъ, 31, 34.
Яцкевичъ, Іосифъ, братскій священникъ, 57.
Яцыничъ, Петръ, 90.

Ѳедоръ Гавриловичъ, дьяконъ Виленскаго собора, 64.
Ѳеогностъ, кіевскій митрополитъ, 93.
Ѳеодоръ, священникъ Пятницкой церкви, 48.
Ѳеодоръ, Святый, князь Острожскій, 93.
Прим. Подробная о немъ монографія была напечатана въ «Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», а оттуда заимствована, съ сокращеніями, въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» 1870 года.
Ѳеодосій, священникъ Троицкаго братства, 47.
Ѳеофанъ, іерусалимскій патріархъ, 100.
Ѳома, священникъ, пріѣхавшій изъ Москвы съ великою княгинею Еленою Ивановною, 24.

МѢСТА.

Авиньонъ, 12.
Азовъ, 19.
Антоколь — предмѣстье въ Вильнѣ, 11.

Бакшта, улица въ Вильнѣ, 11.
Большая улица въ Вильнѣ, 11.
Прим. Въ древне-русскихъ документахъ именуется: «Великая».
Брестъ-Куявскъ, 36.
Быстрица, 31.

Верки, неподалеку отъ Вильны, 32.
Верхній замокъ въ Вильнѣ, 9.
Вильна, городъ, passim.
Прим. Въ древне-русскихъ документахъ именуется: «Вильня», 46.
Вилія, рѣка, 9.
Прим. По-Литовски: «Нерія, Нергисъ», 10.
Вилейка, рѣчка, встарину Вильна, 9.
Вильна, рѣчка, теперь — Вилейка, 9.
Витебскъ, 13.
Виттенбергъ, городъ, 34.
Воложинъ, мѣстечко, 42.
Ворскла, рѣка, 12.

Гданскъ или Данцигъ, 68.

Данцигъ или Гданскъ, 68.

Жагоры, имѣніе, 90.

Замковая гора въ Вильнѣ, 9.
Зарѣчье, теперь—улица, 11, 81.

Кенигсбергъ, 40.
Керновъ, 32.
Кипчакъ, 19.
Кіевъ, 11.
Корфу, 34.
Крановъ, 16.
Кривая долина въ Вильнѣ, 13.
Куявія, 53.

Лавришевъ, 30.
Лукишки — предмѣстье въ Вильнѣ, 19.

Минскъ, 90.
Москва, 19.
Мѣдники, 25.

Нергисъ, рѣка, 10.
Нерія или **Нергисъ**—Вилія, 10.
Несвижъ, 36.
Нижній замокъ въ Вильнѣ. 9.
Новгородъ, 19.
Новгородокъ, 16, 90.

Овручъ, 11.
Одалидовщина, земельный участокъ, 27.
Олыка, 36.

Пески—мѣстность въ Вильнѣ, 15.
По-Нары, 10, 32.
Поповщизна, теперь улица въ Вильнѣ, 11.
Припеть, рѣка, 93.
Прошевицы, 35.
Псковъ, 19.

Рига, 12.

Свираны, 90.
Слуцкъ, 90.
Смоленскъ, 19.
Стокгольмъ, 40.
Стриголово, 93.

Трони, 18.

Шешолы, 66, 90.

Ярославль въ Галичѣ, 61.

ПРЕДМЕТЫ И РЕЧЕНІЯ.

Адверсаръ — противникъ, 69.
«Антиграфъ» — сочиненіе, вышедшее въ 1608 году изъ Свято-Духовской печатни; въ немъ преданы новому разбору, новому посрамленію хитросплетенія Потѣя и Скарги, 61, 74.
«Апокрисисъ» — знаменитое полемическое сочиненіе, напечатанное въ Вильнѣ въ 1597 году, 74.
«Апостолъ» Виленскій, напечатанный въ 1525 году Францискомъ Скориной, 33.
Артикулы — употреблено въ смыслѣ устава, 44.
«Археографическій Сборникъ» — изданіе, основанное въ 1867 году при управленіи Виленскаго Учебнаго Округа. Всего вышло *девять* томовъ, 10, 26, и далѣе.

Банниція — изгнаніе, 57.
Бискупъ — католическій епископъ, 44.
Боколяръ — бакалавръ, 52.
Брамка — малыя ворота. Въ Вильнѣ была брамка «Мокрая», 27.
Братства церковныя:
Львовское, 46.
Троицкое, 57.
Свято-Духовское, 51, 102.
Братства медовыя:
Кушнерское, 43.
Купеческое или кожемяцкое, 44.
Росское (шапошниковъ), 44.
Сермяжниковъ, 44.
Наговичниковъ, 44.
Братство бурмистровское или панское, 43.
«Брестская Библія», или такъ называемая Радиловская, напечатанная въ Брестѣ въ 1563 году, 38.

Вингеръ — ключъ, источникъ, 15, 0.
Вкупиться — войти въ общеніе, въ общество, 44.
Владность — владѣніе, 42.
Возный — приставъ, 51.
Войтъ — членъ войтовскаго суда и управленія, 22.
Ворота въ Вильнѣ:
Вилейскія, 27.
Водныя, 27.
Острыя (Мѣдницкія, Кревскія), 27, 46, 87.
Рудницкія, 27.
Спасскія, 27, 82.
Татарскія, 19.
Трокскія, 27, 79.
Вшелякій — всякій, 83.
Вѣры: «нѣмецкая», 16.
«лядская», 17.
«русская», 14.

Гады священные — ужи, 13.
«Гармонія» — брошюра, напечатанная Ип. Потѣемъ въ Вильнѣ въ 1608 году, 60.
Гора Замковая въ Вильнѣ, 9.
Горѣлчаный — водочный, 83.

Дворецъ епископскій въ Вильнѣ, нынѣ — генералъ-губернаторскій, 15.
Дворы въ Вильнѣ:
Горностаевскій, 38.
Гостиный (русскій), 27, 84.
Державца — временный владѣтель; лицо, управляющее «державою», т. е. имѣніемъ, 29.
Дидаскалъ — учитель, 46.
Договоръ Зборовскій, 83.
Долина Кривая въ Вильнѣ, 13.
Домы въ Вильнѣ:
Гамшеевскій, 46, 57.
Яцковскій, 57.
Дорога Полотская, 81.

«Евангеліе напрестольное», напечатанное П. Т. Мстиславцомъ въ 1575 году въ Вильнѣ, у Мамоничей, 33.
«Единствъ (о) церкви Божіей» — сочиненіе Петра Скарги, напечатанное въ 1577 году, 42.

Замки въ Вильнѣ:
Верхній, 9.
Нижній, 8.
Кривой Городъ, 18.
«Зборъ» евангелическій въ Вильнѣ, 40, 78, 83.

Иконы въ Вильнѣ:
Остробрамская, 97—98.
Корсунская, 15.

Камень — мѣра для воска, 83.
Капщизна — пошлина, 44.
Конецъ Острый въ Вильнѣ, 97.
Копа = 60 единицъ, 27.
Костелы въ Вильнѣ:
Св. Мартина, 17.
Св. Яна, 17.
Св. Маріи на Пескахъ, 17.
Св. Станислава, 17.

Лавникъ — засѣдатель, членъ магистрата, 22.
«Лиѳосъ» — сочиненіе митрополита Петра Могилы, 88.

Майдеборское — магдебургское. 31.
«Маргаритъ» — книга, посланная виленскимъ братствомъ во Львовъ, 46.
Млинъ — мельница, 31
Монастыри въ Вильнѣ:
Троицкій, 15, 30, 41, 84.
Свято-Духовскій, 99—101.
Монастырь Супрасльскій, 37.
Мостъ Спасскій въ Вильнѣ, 81.
Моцъ — сила, власть, право, 42.
Мурованая — каменная, 86.
Мѣстичъ — мѣщанинъ, городской обыватель, 22.
Мѣстскій, — ая, — ое — городской, — ая, — ое, 29.
Мѣти — имѣть, 43.

Напой — напитокъ, питье, 83.
Нудить — принуждать, 25.

Обадва—оба, 31.
Огонь Перкуновъ, 9.
Ордена: Тевтонскій, 12.
Ливонскій, 12.
Бернардинскій, 23.
Доминиканскій, 12.
Францисканскій (миноритъ), 12.
Бонифратрскій, 15.
Іезуитскій, 36.
Отметникъ—отщепенецъ, 25.

Парохія—приходъ. 83.
Парсуна—персона, особа,
Патронатъ — подаванье, 29.
«Перестрога»—старопечатная книга, изданная православными, 58.
Переулки въ Вильнѣ:
Никодимовскій, 84.
Пятницкій, 83.
«Плачъ», см. Ѳриносъ, 74.
Плебанъ — настоятель латинской приходской церкви, 51.
Повѣтріе моровое въ Вильнѣ, 20, 32.
Поганство — язычество, 27.
Подаванье — патронатъ, 26.
«Подорожная Книжица», изданная Францискомъ Скориной въ 1525 году въ Вильнѣ.
Прим. Объ этой книгѣ, а также и о прочей западнорусской старопечати, будетъ подробно объяснено въ VI-мъ выпускѣ «Памятниковъ русской старины».
Пожары въ Вильнѣ, 31, 75.
Поживенье — пользованье, 82.
Половица — половина, 44.
Походы, 18, 19.
Почтивость — приличіе, уважительность, 44.
Предмѣстья въ Вильнѣ:
Антоколь, 11.
Лукишки, 45.
Росское, 84.
Прибрамокъ въ Вильнѣ водный, 27.
Присудъ — юрисдикція, 42.
Пулгакъ — ружье, 68.

Рада — совѣтъ, 22.
Радцы — члены рады, 22.
Рокошъ — бунтъ, возмущеніе, мятежъ, 57.

Свято — праздникъ, 43.
Сеймъ въ Вильнѣ 1401 г., 19; 1603, 57.
Сеніоръ — старѣйшина, 35.
Синодъ въ Вильнѣ, 35, 40.
Соборъ Пречистенскій въ Вильнѣ, 15, 16, 89—94.
Соборъ, т. е. собраніе, съѣздъ въ городѣ Вильнѣ 1509, 27.
Соборъ Констанцкій, 20.
Согласіе Сандомірское, 40.
Справа — дѣло, судебное дѣло, 31.
Станъ — положеніе, 41.
Суффраганъ — викарій, викарный епископъ, 64.
Съѣздъ Брестъ-Куявскій, 36.
«Supplementum» — книга, 101.
«Synopsis» — книга, 101.

Типографіи польскія, 33.

Ужи — гады священные, 13.
Улицы въ Вильнѣ:
Бакшта, 11, 27, 83.
Бискупская, 75.
Благовѣщенская (Доминиканская), 75.
Великая (Большая) 11, 27, 47, 82, 83.
Ивановская (Св. Янская), 35.
Замковая, 35.
Лоточекъ, 83,
Нѣмецкая, 34, 76.
Покровская, 53, 78, 82.
Пречистенская, 82.
Савичъ, 44.
Смилинская, 83.
Старича, 44.

Стеклянная, 83.
Субачъ, 27, 31, 84.
Татарская, 19.
Троицкая, 84.
Трокская, 75.

Уставичне — по уставу, опредѣленно, 81.

Церкви въ Вильнѣ:
Воскресенская, 41, 80, 83.
Духовская, 14, 99—103.
Екатерининская, 82.
Ивановская, 80, 82, 83.
Ильинская, 21, 83.
Козьмо-Демьянская, 83.
Михайловская, 41, 83.
Николо-Перенесенская, 11, 14, 21, 30, 41, 85—86.
Николо-Успенская, 21, 83.
Пещерная, 103—104.
Петро-Павловская, 81, 84.
Покровская, 30, 82.
Пречистенская, 20, 30, 82, 89—95.
Пятницкая, 11, 13, 14, 1, 27, 87—88.
Рождества Богородицы, 26, 52.
Рождества Христова, 21, 82.
Спасская, 82.
Троицкая, 14, 15, 30, 95—96.
Юрьевская (Росская), 43, 58, 80, 83.

Прим. О числѣ церквей упоминается на стр. 5, 21, 81, 84; перечень, 23, 72; церкви, сгорѣвшія во время пожара 1610 года, 77.

Часовня въ Вильнѣ, 15

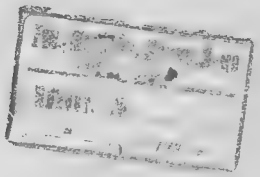
Часовни въ Вильнѣ:
Александровская
Георгіевская, 105—106.

«Чинъ Братства» — книга, 46.

Шафаръ — управитель, распорядитель, 39.

Швецкій — портняжный, 53.

«Ѳриносъ» — книга написанная въ 1610 году Мелетіемъ Смотрицкимъ, 74.



Библиотека
Ивана Егоровича
Забѣлина.

Цѣна ПЯТЬ рублей

Главный складъ въ Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова. Тамъ же продаются и первые четыре выпуска.—Въ Москвѣ—у Соловьева, въ Кіевѣ — у Лисенкова, въ Вильнѣ — у Сыркина.

Шестой выпускъ разрѣшенъ къ печати, и выйдетъ къ началу 1873 года.